

Зарубежная

фантастика

Роберт Янг

БОКАЛ ЗВЕЗД

Роберт Янг
БОКАЛ ЗВЕЗД
Сборник фантастических
произведений

Ясноград «Бригантина»

Зарубежная фантастика

Зарубежная

фантастика

Роберт Янг

БОКАЛ ЗВЕЗД

Сборник фантастических произведений

Перевод с английского

Ясноград «Бригантина» 2013

УДК 82.035
ББК 84.7
Я 60

Robert F. Young
A GLASS OF STARS
(1968)

Составитель *Robert F. Young*
Оформление обложки *Н.И. Ложкин*
Фронтиспис *Jack Gaughan*

Янг, Роберт Ф.

Я 60 Бокал звезд: Сборник фантастических произведений / Роберт Янг; [пер. с англ.]. – Ясноград: Бриганттина, 2013. – 312 с., илл. – (Зарубежная фантастика).

Сборник повестей и рассказов именитого американского писателя-фантаста. Большая часть произведений, вошедших в данную замечательную книгу, впервые печатается на русском языке.

Без объявл.

Отдел научно-фантастических сочинений

Предисловие

Каждый фантаст – чародей с уникальной, подвластной только ему одному магией. У каждого – свой фирменный рецепт волшебства, в котором ему нет равных.

Мои романы, в частности «Призрак бродит по Техасу» и «Серебряные яйцеглавы», являют собой смесь сатиры с «веселым адом», как выразился Кигсли Эмис, а «Ведьма», «Странник», «Необъятное время» и «Мрак, сомкнись!» – классический пример остросюжетной мистической литературы. В моих произведениях любовь есть нечто яркое, пугающее, обособленное – эдакий бриллиант в крошечной мгле. Специально пишу подробно, чтобы сразу обозначить опорную точку своих познаний.

Я авторитетно заявляю, что Роберт Янг неоднократно доказал и показал себя мастером романтической прозы, гением любовных зелий. Его чародейское варево куда искусней и, как ни странно, действенней сногшибающего, безрассудного алкоголя, расслабляющей «травки» и убийного ЛСД.

В повести Роберта Хайнлайна «Корпорация «Магия» бойкая старушка-ведьма делится с героями:

– Ну что вы, что вы! – успокоила она меня. – Я люблю с утра попить чайку, так подкрепляет! Но мне надо было снять с огня приворотное зелье, вот я и задержалась.

– Извините...

– Ему не повредит немножко отстояться.

– Формула Зекербони? – поинтересовался Джедсон.

– Да ни в коем случае! – Такое предположение ее даже расстроило. – Убивать кроткие милые существа? Зайчиков, ласточек, горлиц? Подумать и то страшно! Не понимаю, о чем думал Пьер Мора, когда составлял этот рецепт. Так бы и надавала ему оплеух! Нет, я пользуюсь совсем другим – колокольчик съедобный, померанец и амбра. А действует не хуже¹.

Окассен и Николетта, Элоиза и Абеляр, Ромео и Джульетта, Боб Дилан и «Девушка из Северной столицы» – все они, образно говоря, испили этого зелья. Его своей умелой рукой варит Роберт Янг посреди современных серых будней.

Сюжет у Янга разворачивается не в Средневековье, а в далеком будущем, где космические корабли со скоростью света переносят разнополюсый экипаж на другие планеты, вращающиеся среди тысяч звезд, планеты-оплоты новых цивилизаций, неосвоенные или загубленные территории, и у каждой свое «говорящее» имя: Незабудка, Диор, Яго-Яго, Трясина, Винегрет, Поднебесье – если перечислять, список получится внушительный. Омрачает будущее военная диктатура, всепоглощающая жажда наживы и глухие к красоте, невинности и ожесточенные жизнью сердца.

Едва ли романтическая проза актуальна в наши дни. Хотя «Девушку-одуванчик» я впервые прочел в «Saturday Evening Post», для меня по-прежнему остается загадкой, почему изначально Янга печатали в НФ-сборниках, а не в журналах для влюбленных и прекрасных дам. Возможно, тамошние редакторы сочли, что их аудитории больше по душе герои с солидным банковским счетом, занимающие прочные, но перспективные посты в крупных корпорациях, или на худой конец обладатели пижонски-циничных спор-

¹ Перевод И. Гуровой.

тивных авто, менеджеры среднего звена в строгих костюмах при галстуках – словом, они и только они, а не пестрое рубище поэта или сияющие доспехи идеалиста. Как ни парадоксально, но достучаться до спекулянтов женскими эмоциями способна лишь гипертрофированная романтика. Досадно, конечно, но влюбленные переживают.

Настоящая любовь в наше время все чаще прячет истинное лицо за бархатной маской, обрамленной нацеленными вверх и вниз стрелами Купидона, и говорит тихо-тихо, почти беззвучно. В частности хиппи (особенно молодежь) – пусть неосознанно, вопреки своему языческому культу или благодаря ему – воспевают и жаждут настоящей любви. Иначе зачем им гитары, короткие туники и прически под пажа? Как еще объяснить хрупких прелестниц в простеньких платьицах с длинными волосами – светлыми, темными, рыжими, за которыми, как за пологом, прячется взгляд нимфы?

Помнят о высоком чувстве и великие романисты. Например, Жюль Ромэн со своим эпохальным полотном «Люди доброй воли» и Вассерман с трилогией о Керкховене являют собой последний образчик монументальной прозы, преподносящей действительность в незамутненном свете, без мракобесия, жестокости и психоделической чепухи, наводнивших литературу. В двадцать седьмом, заключительном томе «Людей доброй воли» под названием «Седьмое октября» главный герой, поэт и журналист Пьер Жалез, обращается к Франсуазе Майоль, своей суженой, которую он бессознательно искал с самого рождения:

Мне приснился сон – точно не помню, но там были двое влюбленных, мужчина и женщина. Обнявшись, они брели по набережной, не думая больше ни о чем и ни о ком, раздавленные тяжестью вселенной, с полным осознанием своего гнета. Нет, они не бросали вызов мирозданию,

чтобы проникнуться восторгом от близости бездонных глубин, почти благоговейного трепета перед чудом, как сами они, их любовь воплотились в бурлящей пустоте бесконечности...

А вот слова Франсуазы, из предпоследнего тома:

Представь, что двое предназначены судьбой, но родились нелепой прихотью рока за столетие друг от друга...

Роберт Янг обожает решать тупиковые драмы, особенно когда столетие заменяет тысяча, и желательно световых, лет. Ключевое слово здесь «решать», ибо любовные истории со счастливым финалом – если это не махровые клише – как раз требуют решения непростых задач. Эти крепкие орешки составляют сливки научно-фантастической литературы.

Мрачные истории о социальной деградации и ядерных катастрофах, почти вся литература ужасов в лучшем случае заставляют читателя содрогнуться и задуматься. Схема проста – герои сталкиваются с неразрешимой проблемой и гибнут, если только автор не смилостивится и не позволит парочке ошарашенных персонажей убраться восвояси.

Говард Филлипс Лавкрафт, непревзойденный мастер литературы ужасов нашего столетия (в ее самой мрачной форме), в своих заметках о научно-фантастических и страшных рассказах писал:

Суть любой удивительной истории в том, чтобы наиболее наглядно отобразить определенный тип человеческого настроения. Стоит истории замахнуться на что-то другое, и она становится дешевой, пустой и необидительной.

Даже если убрать слово «удивительная», великие писатели вроде Чехова и Кэтрин Мэнсфилд вряд ли согласились бы с цитатой, возразив: «А как же раскрытие персонажей?». А Лавкрафт ответил бы: «Этому не место в фантастическом

рассказе» или «Раскрывая персонаж, я раскрываю в первую очередь себя, свое настроение».

Решение проблем – куда более значимый аспект, который Лавкрафт упускает (фаталисты и пессимисты склонны не замечать таких вещей), а может целенаправленно исключает как нечто «пустое и неубедительное»; этот же аспект спасает людей, миры и, в случае Янга, любящие сердца. Даже когда влюбленные оказываются на волоске от гибели, когда мчатся навстречу неизбежной смерти, Янг придумывает ловкий способ, чтобы в последний момент – а зачастую и после – спасти обоих. Иногда они справляются сами, находят в себе силы. Для примера советую прочесть «Жанну д'Арк», «Загадай звезду», «На реке» и «Пропадайку».

У Янга есть талант и безграничное желание вырвать счастливый финал хоть из эпицентра ядерного взрыва.

Адепт истинной любви, Янг, как и Толкиен, воспекает благородство и молодость в противовес старости и пороку. Толкиен лелеет тему дружбы и товарищеского духа приключений, Янг – настоящую гетеросексуальную любовь. Временами, читая его мастерские пассажи о странствиях к далеким звездам и радостях возвращения домой, в памяти невольно всплывает ностальгия Томаса Вулфа по пустынным ночным поездкам и свисткам локомотива, оглашающим прерии.

В любви у Янга, как и в жизни, девушка всегда чуточку главнее, она – воплощение красоты и совершенства, юноша же олицетворяет страсть и одиночество. В описаниях героинь автор не скупится на изящные метафоры: волосы – «горсть солнечного света», кожа «нежная и холодная. Холодная, как лунный свет. Нежная, как лепесток цветка», сама она «свет и тень, листья и цветы; аромат лета и дыхание ночи».

Наивно? Ничуть. В похожей манере Пьер Жалез говорит о возлюбленной Франсуазе:

Она – словно чарующее пламя... черный фитиль, на кончике раскаленный добела... словно флорентийская статуя, что шагает рядом, храня неуловимое мерцание огня. Она мой пульсирующий огонек, моя лирика во плоти.

У писателей-романтиков единый поэтический язык, неизменный, как солнечный свет, как рябь на воде, как шелест ветерка в траве и биение молодого сердца.

Янг всегда находит точные слова для своих героинь. Если русская, как в одном из рассказов этого сборника, то «*dyevitza*» – согласитесь, звучит куда изящней банального «*dyevooshka*». Слова Янг подбирает умело, даже хитро, но никогда не в ущерб смыслу. Обратите внимание на частоту употребления «луков» и «стрел» в повести «Жанна д'Арк».

Когда сюжет требует, Янг становится лириком в прозе, как Брэдли, но с некоторой разницей. Вот фрагмент из рассказа «Срубить дерево», на мой взгляд лучшего в сборнике:

Доброе утро, мадам. Мой бизнес – тени деревьев. Я специалист по продаже всевозможных редких теней: к примеру, я торгую тенями плакучей ивы, дуба. Яблоневого дерева, клена и многих других деревьев. Но сегодня я могу предложить нечто исключительное – совершенно необычную тень дерева, только что доставленную с Омикрона Сети-18. Она глубока, темна, прохладна и великолепно освежает; короче, это именно та тень, в которой лучше всего можно отдохнуть после дня, проведенного на солнце, – кстати, это последний экземпляр такого рода, поступивший в продажу. Вам, мадам, наверное. Кажется, что вы хорошо разбираетесь в тенях и вас ничем не удивить, но, поверьте, вам никогда в жизни не попадалось ничего похо-

жего на эту тень. Ее продували прохладные ветры, в ней пели птицы и день-деньской резвились дриады...¹

Если не считать клише, то любви в научной фантастике очень мало. Вспоминаются отдельные вещи Герберта Уэллса, в частности совершенно жуткий «Армагеддон». Любовную линию вплетал в канву своих новаторских межпланетных приключений Стенли Вайнбаум. Нельзя не упомянуть Лестера дель Рея с его знаменитой «Еленой Лав» и рассказы Брэдбери. Солидный вклад в романтическую составляющую внесли Зенна Хендерсон и ряд других авторов.

Однако именно Янгу выпало по-настоящему заполнить эту жанровую нишу фэнтези и НФ, а ведь научная фантастика, вне всяких сомнений, являет собой литературу будущего уже потому, что поднимает темы современных технологий и влияния научного прогресса на нашу жизнь – вопросы, которых целенаправленно избегали широко растиражированные авторы, от Фолкнера и Маламуда до лауреата Нобелевской премии 1967 года Мигеля Астуриаса. Художественная литература охватывает все общество, весь мир в целом – взять Диккенса, Толстого, того же Ромэна, – а не какой-нибудь культурный или субъективный омут, не водоворот «потаенных глубин». Наверное Шерлок Холмс был прав, говоря, что по капле воды можно сделать вывод о существовании尼亚гары, но лично я снимаю шляпу перед тем, кто рискнул покорить водопад, выражаясь образно, верхом на бочке.

Самое время отметить, что видение будущего у Янга ни в коей мере не ограничивается одной лишь любовью. Ярый защитник окружающей среды, он выступает против загрязнения и уничтожения природных ресурсов. Отчасти поэтому «Срубить дерево» – такой потрясающий рассказ, только

¹ Перевод С. Васильевой

не сильно увлекайтесь, когда будете «топить бизона». Кроме того, Янг – враг конформизма, засилья телевидения, растущей власти Пентагона и демографических взрывов, приведших все известные нации к печальным последствиям – бесконтрольной рождаемости и массовой индустриализации, но остановить которые никому не хватает духу.

Но даже скорбя о сельских просторах, застроенных бетонными коробками, Янг в первую очередь скорбит о влюбленных, лишившихся лесных хижин, холмов, тихих заводей, уединенных пляжей и других тайных уголков, не оскверненных стяжательством. Уверен, Янг полностью разделяет чувства страстного любителя природы и главного героя выдающегося приключенческого романа Джеффри Хаусхолда «Одинокый волк»:

Свидетелем моего прибытия была только одна молодая парочка, обязательная в любом темном месте большого города. Было бы лучше устроить для них, скажем, Парк недолгих увлечений, куда доступ распутным святошам и престарелым чиновникам был бы строго заказан. Но подобную сегрегацию способно осуществить только нецивилизованное общество. Всякий грамотный знахарь просто наложил бы на парк табу для всех, не достигших брачного возраста¹.

Да, именно «молодая парочка, обязательная в любом месте», их любовь лежат в основе творчества Роберта Янга. Неважно кто они – хороший парень и беспризорница, босяк и стриптизерша (коих в этом сборнике множество), неважно, где они обретут свой рай – на новой планете или служа официанткой и поваром в захудалом ресторанчике.

Читая эту книгу, вспомните о любовниках, что «обни-

¹ Перевод В. Симакова.

мают в постели свои горести и печали»¹, кому посвящал все свои стихи Дилан Томас. Вспомните Пирама и Фисбу, Хлою и Дафниса, Беатриче и Данте, Порги и Бесс, Джессику и Лоренцо, Аннабель Ли и Эдгара По, Элизабет Барретт и Роберта Браунинга, Шелли и Мэри Уолстонкрафт, Кэтрин Эрншо и Хитклиффа.

Вспомните стихи Эдны Сент-Винсент Миллей:

Какой мужчина, слыша бури рев,
Покинет свой уютный уголок,
Чтоб утонувшую внести под кров,
На пол роняя тину и песок?

Или:

Не возлияньем, а возней веселой
Мы страсти освящали алтари,
Плодом зеленым утоляя голод
И мотыльков порханьем до зари².

А лучше переверните страницу, пусть Янг все скажет сам.

Фриц Лейбер

¹ Перевод В. Бетаки.

² Перевод А. Круглова.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Помощник, передавший мне сенсационную заметку за одиннадцатое сентября 1996 года, в силу молодости не помнил звезду над Москвой. Его поколению и посвящается этот рассказ, где правду не отличить от вымысла, ведь только вымысел способен оживить прошлое.

Гордон Эндрюс ни секунды не сомневался – перед ним венерианка. Действительно, кого еще можно встретить на Венере! Склонившись над ручьем, девушка стирала чулки

и что-то мурлыкала себе под нос. Увлечшись, она даже не заметила, как из чащи вышел Гордон. У девушки были короткие темно-каштановые волосы. На ней – серые капри, блузка и кепи под цвет. На ногах – черные кожаные сапоги. Мелодия оказалась из «Лебединого озера».

До сих пор Венера полностью оправдывала ожидания. Зондирование в начале шестидесятых медленно, но верно – с погрешностью на облачность – развеяло миф об отсутствии на планете воздуха и температуре свыше ста градусов. Поэтому ни насыщенная кислородом атмосфера, ни мягкий климат, ни безбрежное море с единственной полоской суши вдоль линии экватора Гордона не удивили. Как и перспектива встретить гуманоидов. Кого он точно не ожидал, так это венерианку, исполняющую партию из балета Чайковского. От изумления астронавт присвистнул.

Выронив чулки, девушка резко вскочила и наверняка свалилась бы в ручей, не придержав Гордон ее за руку. Лицо в форме сердечка. Бирюзовые глаза-колокольчики, глядящие с тревогой. Постепенно тревога сменилась узнаванием.

– А, это вы, – с облегчением проговорила незнакомка.

– Я? – Гордон невольно шагнул назад.

– Гордон Эндрюс, капитан космических войск США, ведь так? В точности как на фотографии.

– Правда? – выдавил вконец растерявшийся капитан.

– Да. Видела в каком-то из ваших капиталистических журнальчиков.

Девушка выпрямилась. Ее глаза-колокольчики оказались на одном уровне с верхней пуговицей обмундирования Гордона. – Разрешите представиться. Майор Соня Михайлова, космические войска СССР. Мой корабль в соседнем лесу. Со вчерашнего дня.

Тут Гордону сделалось не по себе. Как же он сразу не догадался! Слишком правильная речь с легким акцентом,

военная выправка... Только слепой не сообразит, что к чему. Снова повторялся унижительный сценарий. Снимок человека на Венере опубликовали задолго до высадки, а имя Гордона не сходило с первых полос изданий. Пресса отдавала должное его скромному происхождению, расхваливала незаурядные успехи в летной академии Алана Шепарда и на орбите, создавала романтический флёр вокруг его холостяцкой жизни, опубликовала любимый рецепт яичницы и в заключении назвала завидным женихом. Однако русские зря времени не теряли и, выбрав психологически удобный момент, исподтишка нанесли коронный удар. Сначала Лайка, потом Звездочка, следом – Гагарин и Дымов, якобы первый человек на Луне. А теперь майор Соня Михайлова.

Но почему женщина? Тем более такая хрупкая. Странно, как она вообще выдержала запуск.

Тут Гордону сделалось не по себе. Перед мысленным взором пронеслись унижительные заголовки в «Правде»: РУССКАЯ ДЕВУШКА-КОСМОНАВТ ПЕРВОЙ ВЫСАДИЛАСЬ НА ВЕНЕРЕ. ОЧЕРЕДНАЯ ПОБЕДА СССР НАД КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ ЗАПАДОМ.

– Значит, вы меня засекли посредством радара и высчитали точное время и место приземления, – удрученно пробормотал Гордон.

Девушка кивнула.

– Момент моего прилета зафиксирован, но пока не объявлялся. Ждали вас, чтобы высчитать разницу для полного триумфа.

Наклонившись, она выловила чулки из ручья, отжала и повесила на ветку. Гордон мысленно отметил материал – хлопок – и дыру на пальце.

Внезапно Соня вздрогнула. Проследив за ее взглядом, Гордон сделал то же самое. Вышедшая из леса парочка – тоже.

Все четыре часа с момента прилета Гордон, помимо всего прочего, гадал, могут ли ультрафиолетовые лучи солнца пробиться сквозь толщу облаков. Судя по увиденному, вполне. Незнакомцы – мужчина и женщина – явно принадлежали к белой расе, оба дочерна загорелые, отчего их темно-синие глаза казались еще темнее, а выгоревшие волосы – светлее. Белые короткие туники лишь усиливали эффект, а в сочетании с прекрасными лицами эти двое и вовсе походили на оживших богов. Впечатление портили не вполне божественные аксессуары – ошейники из блестящего, похожего на медь металла.

Справившись с изумлением, Гордон отметил, что незнакомцы безоружны, и слегка успокоился. Майор Михайлова тоже.

Отличились венериане. Темно-синие глаза расширились от страха, прекрасные черты исказила гримаса недоверия. Наконец мужчина коснулся сначала своей, потом шеи женщины, сердито ткнул пальцем в землян и спросил что-то на благозвучном наречии.

Недолго думая, Гордон приложил ладонь к шее, а после легонько тронул Соню.

– Гордон, – произнес он. – Соня.

В награду за проникательность венериане одарили его испуганным взглядом и с диким криком бросились в лес.

Гордон растерянно смотрел им вслед. Майор Михайлова тоже.

– Ты знала, что планета обитаема? – поинтересовался он минуту спустя.

– Наши ученые не исключали такой вариант, – пожалала она плечами. – Впрочем, какая разница? По твоей милости мы упустили шанс установить контакт.

Гордон вспыхнул:

– Первым делом при встрече с инопланетянами нужно

представиться. Это знает каждый!

— Каждый читающий ваши научно-фантастические бредни? — ехидно уточнила Соня. — Что там после знакомства? Говоришь «Отведите меня к вождю», а им оказывается сногшибательная блондинка. Ладно, мне пора на корабль.

— Скатертью дорога, — фыркнул Гордон.

Соня окинула его долгим взглядом. В розоватом полуденном свете на ее щеках заиграл румянец.

— В переводе с империалистического — тебе наплевать?

— Абсолютно, — заверил Гордон. — Прощай.

Оставив девушку у ручья, он направился в сторону высокой, опоясывающей остров гряды. Путь пролегал по холмам, что зелеными волнами разбегались от побережья и разбивались о гряду. В своей первой после посадки прогулке Гордон, подгоняемый энтузиазмом первооткрывателя, забрел дальше, чем рассчитывал, и именно поэтому встретил Соню. Теперь у него был дополнительный повод быстрее вернуться на корабль: Вашингтон вот-вот накроет черная туча, следует предупредить командование.

Под ногами стелился ковер из цветов всевозможных оттенков; над головой щебетали птицы с ярким опереньем; похожие на белку зверьки молнией взлетали по стволу. Венера казалась раем скорее для романтиков, чем для ученых, а Гордон, вопреки научной подготовке, слыл настоящим романтиком, даже хандра не могла омрачить ему радости открытия. Как знать, вдруг на Марсе найдут голубые каналы и хрупкие стеклянные города, мелодично позвякивающие на ветру, пахнущем корицей, — и неважно, что говорят ученые!

Гордон добрался до бухты, где стоял корабль, уже на закате. В полной темноте вскарабкался по лестнице и забрался в трюм. (Вопреки научно-обоснованному мнению, период вращения Венеры не уступает земному, однако из-за

облачности там рано темнеет.) Оставив шлюз открытым, Гордон поспешил в рубку – доложить начальству на мысе Нью-Канаверал, в триллионах километров отсюда, об исторической встрече с майором Михайловой, а заодно поведать, что люди не одиноки во Вселенной.

Учитывая огромное расстояние, ответа пришлось ждать целых пять минут. Как выяснилось, СССР уже раструбил об очередной победе в космосе, а советский премьер объявил по этому случаю национальный праздник. В сообщении приводилась подробная биография майора Михайловой. Дочь известного русского пианиста Петра Михайлова, двадцать три года, не замужем, в совершенстве владеет шестью языками, свободно изъясняется еще на одиннадцати. Кандидат антропологических наук и профессиональная балерина, на минувших Олимпийских играх завоевала золото в гимнастике. Для полета на Венеру прошла отбор из сотни подготовленных кандидаток, а звание майора получила за заслуги перед отечеством. Кроме того...

Услышав звук шагов, Гордон обернулся. Из тесноты командного центра на него надвинулись трое. Двое схватили за руки, а третий прижал к лицу тряпку, пахнущую чем-то приторным. Дальше – провал.

Наркотическое забытие рассеялось только к утру. Разлепив веки, Гордон обнаружил, что лежит связанным на сплетенных из веток носилках, которые тащат двое загорелых венериан. Один – тот самый, что встретился им с Соней у ручья.

Гордон поднял голову. Таинственное дурманящее вещество лишь отдаленно напоминало хлороформ – по крайней мере, никаких побочных эффектов оно не оказало. Скосив глаза, Гордон рассмотрел, что его окружают двадцать венериан. И все поголовно в ошейниках. Половина – женщины,

включая давешнюю незнакомку с поляны.

Следом волокли вторые носилки. Даже не видя лица, Гордон узнал по копне каштановых волос майора Михайлову.

– Жива? – громко спросил он.

Соня не ответила. Видимо, находилась под действием дурмана.

Теперь было ясно: те двое с поляны бродили по лесу не одни. Оставив их с Соней у ручья, они разыскали соплеменников и рассказали о чужаках. Потом, недолго думая, они решили взять странную парочку в плен.

Лес справа поредел, и взгляду предстали окутанные сизой дымкой горы и серое море. Пленников несли по отвесной гряде, опоясывающей остров. Впервые Гордону стало по-настоящему страшно. Меньше, чем через два месяца Венеру и Землю будут разделять тридцать восемь миллионов километров – на такое расстояние ориентировались ученые космического центра, высчитывая траекторию обратного полета и необходимый запас топлива. Наверняка советские специалисты опирались на те же данные. Выходит, они с майором в одной лодке. Застрянут в плену – вернуться на Землю в ближайший год им не удастся. А вдруг иссякнут запасы, что тогда? В теории можно питаться дарами природы, но на практике – кто знает?

Хотя не факт, что проблема еды вообще возникнет. Мертвые не едят.

Деревья вновь расступились – на сей раз слева – обнажив глубокую лощину. Посреди зеленых полей и синих озер белели островки селений – незаметных с орбиты, но отсюда хорошо заметных.

По склону вниз вела узенькая тропинка, петляющая и извивающаяся, как змея. Процессия застопорилась. Венераиане с опаской посматривали на небо, словно боялись, что

оно обрушится им на голову. Гордон только диву давался, глядя на безмятежные розовые облака. Спрашивается, чего тут бояться? Впрочем, венерианам виднее.

У подножия холма процессию встречали местные. Похоже, их предупредили. Также все в ошейниках, они едва удостоили пленных взглядом.

Тем временем Соня очнулась; потемневшие глаза-колокольчики лихорадочно метались по сторонам.

– Ты как? – снова окликнул Гордон.

– Жива.

Их понесли в ближайшую деревушку. Миновав возделанные поля, засеянные венерианской кукурузой, процессия проследовала по улочке к исполинскому круглому зданию из камня, увенчанному похожей на шпиль трубой, из которой поднимался столб дыма. Постройки по обеим сторонам дороги мало отличались – безликие, с окошком на скучных фасадах и узкой дверью. Вокруг толпились венериане – мужчины, женщины – все в пресловутых металлических ошейниках. Не хватало только детей. Хотя разок в окне промелькнула испуганная детская мордашка, но ее тут же заслонила женская спина.

Гордон вконец растерялся. Судя по реакции венериан, их обвиняли в чем-то аморальном. Но что им могли вменять? Максимум нарушение границ – да, плохо, но не безнравственно.

Тем временем конвоиры вошли под своды здания. К потолку ступенями поднимались скамьи, в центре высился каменный постамент с двумя похожими на алтарь глыбами, стоящими в полутора метрах друг от друга. Чуть поодаль виднелась первобытная кузница с доисторической наковальней. Бронзовый от загара кузнец сноровисто раздувал мехи.

Пленников привязали к алтарям кожаными ремнями. Амфитеатр наполнялся людьми, в спертom воздухе витала

атмосфера предвкушения. Гордона бросило в пот — отчасти из-за пышущей жаром наковальни. Но не только.

Соня побелела как мел. Гордон хотел подбодрить бедняжку, но не придумал ничего утешительного. На секунду их взгляды встретились, девушка залилась румянцем и отвернулась.

Толпа запела, и на середину вышел господин степенной наружности с двумя пластинами венерианской меди в руках. Передав их кузнецу, он встал между глыбами и сурово оглядел пленников. Кузнеца Гордон не видел, но, судя по звукам, тот трудился в поте лица. Меха раздувались, огонь трещал, лязг стоял такой, словно ковали шлем нибелунгов. Вот только шлема никакого не было, поэтому Гордон не удивился, когда ему на шею намотали мокрую тряпку, а следом положили раскаленную пластину. Вверх взметнулось облачко пара. Кузнец соединил концы обода, скрепил и сбрызнул шов водой. Когда пар рассеялся, тряпку сняли, и Гордон ощутил на коже теплый металл ошейника.

Такой же ошейник достался Соне. Потом в дело вступил степенный господин. Жестом оборвав песнопения, он обратился к публике с долгой пронзительной речью, кивая то на Соню, то на Гордона. После громогласного выступления, в котором отчетливо слышалась угроза, он взял щепотку белого порошка и посыпал пленников. Затем вытащил длинный нож.

«Все, конец», — пронеслось в голове у Гордона.

Но оказалось, нет. Степенный разрезал пути, освобождая парочку, и мановением руки велел им подняться. Прежде чем встать, Гордон размял затекшие конечности. Соня сделала то же самое. В голове не укладывалось, что они еще живы и, судя по румянцу майора, вполне здоровы.

Степенный кивнул на дверь, и земляне последовали за ним к выходу. На улице Гордон остолбенел. Землю устлали

свежесрезанные цветы всевозможных оттенков, а вдоль дороги выстроилась малышня, размахивая ветками местной оливы.

– Кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

– А ты не понял? – Соня бросила взгляд на пунцовый, под стать ее щекам цветок.

– Ну, мы стали участниками какой-то церемонии. Вопрос, какой.

Соня медленно подняла голову.

– Свадебной. Мы... нас поженили.

Цветочный ковер, обрамляемый колоннами ребятишек, простирался до самых отдаленных уголков деревушки. Гордон брел, спотыкаясь, мечтая поскорей проснуться в холостяцкой казарме на Нью-Канаверал. Однако ни улица, ни ребятина, ни степенный провожатый упорно не желали исчезать. Соня же, напротив, обозначилась еще четче, ее ошейник отбрасывал сверкающие всполохи, один ярче другого.

Степенный проводил молодоженов до окраины и, развернувшись, зашагал прочь. После его ухода малышня, отбросив серьезность, стала резвиться на цветах.

Гордон решительно преградил спутнице дорогу.

– Может объяснишь, зачем понадобилось нас женить?

– Объясню на обратном пути.

Весь подъем Соня не проронила ни слова. На вершине перевела дух и объяснила:

– Нас женили потому, что за божественным фасадом скрываются закоренелые пуритане. Вчерашнюю парочку поразило отсутствие у нас ошейников – незыблемого символа брака, а твое прикосновение повергло их в ужас. В здешнем обществе запрещено оставаться наедине до свадьбы и уж тем более – касаться кого-то, помимо второй половины или родни.

– А если мы брат и сестра? – прищурился Гордон.

– А я похожа на твою сестру?

Гордон признался, что нет.

– Выяснив, что мы живем раздельно, они окончательно укрепились в своих подозрениях. Видишь ли, венериане приняли корабли за дома. Довольно странные, но все же дома. Правильно, чего еще ждать от дикарей.

Гордон устроился под цветущей веткой.

– Откуда тебе известно про пуритан?

– Ниоткуда. Догадалась по реакции. А потом подумала, что из-за облачности здесь не видно ни солнца, ни луны – следовательно, никакого идолопоклонничества. Поэтому к единому богу местные пришли раньше нас. Наверняка у них был свой Христос, чьи заповеди переврали, и аналог Книги Бытия, только в ней не было ничего о сотворении солнца и звезд. Короче, нас поженили и забыли. Лишь бы соблюсти нравственность... Кстати, смеркается.

– Как? – встрепнулся Гордон. – Сейчас же едва перевалило за полдень! Выходит, я проспал завтрак... и ужин. – С этими словами он вытащил из кармана две упаковки концентрированного печенья. – Угощайся.

Они устроились под сенью дерева, утопающего в голубоватых завязях-полумесяцах. Половина пути благополучно пройдена, однако до сониного корабля шагать еще несколько часов, а до шаттла Гордона и того дольше. Обедали молча.

– Мне не дает покоя только одно, – пробормотала Соня.

– Что же?

– К чему такая спешка со свадьбой?

– Сама сказала: наше непристойное поведение шокировало здешних ребят до глубины их пуританской души.

Соня покачала головой.

– Шокировало – но не так, чтобы впопыхах устраивать церемонию, к которой обычно готовятся несколько дней. Наверняка есть причина... – Внезапно она осеклась и сквозь толщу листы взглянула на небо. – Темнеет.

Розовый полуденный свет сменился серыми сумерками, резко похолодало.

Гордон поднялся:

– Пора. Дождь собирается.

Три часа спустя упали первые капли. Благополучно миновав кряж, путники очутились на взгорье. Дождик моросил без устали, и через час оба насквозь промокли.

– Заночуем в моем корабле, – предложила Соня, откинув со лба мокрую прядь каштановых волос. – Он ближе.

Гордон не возражал. Затем без лишних возражений обнял девушку за талию. Та и не подумала отстраниться. По неведомой причине возражения и противоречия исчезли. Все стало легко и просто. Дождь не утихал – пронзительный, он проникал в каждую клеточку тела, умиротворяя. Нет, не умиротворяя, убаюкивая. Снова не то. Какое же слово подобрать?..

У трапа советского корабля Гордон очнулся. Поздно! Забыв обо всем на свете, они с Соней утонули в глазах друг друга.

Гордон попытался отстраниться и трезво взглянуть на ситуацию, сделать выводы о странном ощущении, возникшем во время дождя, связать его с поспешной брачной церемонией. Тщетно. Из головы не шла мелодия, услышанная у ручья, и дырка в дешевых хлопчатобумажных чулках. Секунда – и Соня упала в его объятия, подставив для поцелуя губы в капельках дождя. Вашингтон и Москва превратились в забытые названия на карте, грош которой цена.

А дождь все лил. Ласково, нежно. Настойчиво. Тихонько пел в листве. Мурлыкал. Шептал. Смеялся. До самого утра.

Возвращаясь на корабль, Гордон мысленно репетировал придуманный на пару с Соней доклад начальству, где вкратце говорилось про плен, но ни слова – про свадьбу и дождь. Зачем усложнять и без того сложную ситуацию?

Через полмили он вдруг почувствовал, что ошейник стискивает горло. С каждым шагом становилось труднее дышать. Едва не задохнувшись, Гордон замер. Словно наткнулся до предела невидимый поводок.

Стоило попятиться, как тиски разжались. Чем дальше, тем больше. Единственное объяснение – в отличие от земных металлов, сплав для ошейников обладал магическими свойствами. Выкованные из него предметы притягивались друг к другу, и притяжение лишь усиливалось на расстоянии. Стараниями ли венериан или из-за особенностей руды, но чары действовали только на вещицы из одного котла. Гордон не знал этого наверняка, но не сомневался: с брачными узами на Венере не шутят.

Он зашагал назад, но на полпути столкнулся с бегущей навстречу Соней. Бледное лицо красноречивей всяких слов говорило, что майор успела познакомиться с особенностями ошейника и сделать выводы.

– Что нам делать, Гордон? – выпалила она.

– Разберемся, – успокоил тот. – Идем, у меня на корабле полно инструментов.

Все утро прошло в тщетных попытках снять ошейники. Их не брали ни остро заточенные ножницы, ни алмазный напильник. Вариант со сваркой тоже отпал.

Гордон в изнеможении опустился на землю неподалеку от посадочных опор. Соня подошла и села рядом.

– Нам отсюда не выбраться, – призналась она. – Наши корабли двоих не выдержат, это сто процентов.

Гордон вздохнул.

– Можно связаться с Землей и попросить помощи. Правда, придется рассказать все. Другое дело, что в историю с дождем вряд ли поверят. Умолчим про дождь, останутся ошейники – тоже весьма сомнительно. Боюсь, нам вообще не поверят. Решат, что мы влю... не хотим возвращаться, а узнав о совместном проживании, немедленно прикажут лететь назад. Нет... Чтобы просить о помощи, нужна убедительная причина.

Соня слабо улыбнулась.

– Представила, как оправдываюсь перед советом министров. Мол, во всем виноват дождь.

Гордон расхохотался.

– А я рассказываю следственной комиссии про ошейники.

На душе сразу полегчало. Раз охота шутить, не все потеряно.

– Поступим так: отчитаемся, как планировали, и займемся делом, как будто ничего не случилось. Глядишь, проблема решится сама собой. А если нет, построим хижину и заживем здесь, – объявил Гордон.

Соня по-девичьи зарделась.

– Давай строить у ручья, где мы познакомились.

– Отличная мысль, – кивнул Гордон.

По утрам они изучали окрестности, а в обед занимались хижинкой. Взяли пробу дождевой воды, но ничего особенного не нашли. Гордон не удивился, поскольку еще в первый день проанализировал состав питьевой воды, и с тем же результатом. Соблазн нарушить запреты рождался в облачном покрове и испарялся, едва коснувшись земли.

Когда хижина была готова, молодые часами бродили по горам и живописным лесочкам, болтая и смеясь, любовались

причудливыми цветочными узорами и вздрагивали от вполноха радужных крыльев. Изредка встречались венериане, но те не обращали на чужаков ни малейшего внимания. Приятной находкой стало окруженное папоротником озеро у подножия пенящегося водопада, куда Соня и Гордон повадились ходить купаться. Кожа девушки покрылась золотистым загаром, при взгляде на нее у Гордона захватывало дух. Случалось, шел дождь, но в нем теперь нужды не было. К невидимой цепи, что связала землян, прибавилась другая, в десятки раз прочнее.

Впрочем, первая тоже никуда не делась, а время отлета стремительно приближалось. Молодожены искали повод убедить оба правительства не возвращать их на Землю – и слава богу (хотя бог тут совершенно ни при чем), в последний момент повод нашелся. Точнее, нашла его Соня. Как-то утром перед плановой проверкой двигателя, она смущенно подняла глаза от сколоченного Гордоном столика и пробормотала:

– Я беременна.

В Москве новость произвела эффект разорвавшейся бомбы и, просочившись сквозь трещину в броне Кремля, вызвала цепную реакцию во всем Советском Союзе. Тогда советскому премьеру впервые открылась незыблемая истина: дети задевают слабую струнку в душе всякого, коммуниста ли, капиталиста – неважно.

Весной Венера сияла над Москвой, словно звезда Вифлеема. Премьер СССР с озадаченным видом стоял перед советом министров. Впрочем, озадачился не он один. Весь Совмин ломал голову, как быть с ребенком, наполовину коммунистом, наполовину капиталистом, которого заведомо боготворит целый свет. Ответа премьер не знал, зато понимал: люди есть люди, им можно внушить, что черный хлеб – белый, а тмин на самом деле икра, но если сказать,

что ребенок, рожденный на планете любви у русской и американца – не предвестник мира, в жизни не поверят.

Поэтому в итоге премьер сделал то единственное, что мог сделать, – созвал саммит с участием президента США и премьер-министра Великобритании. Так Восток и Запад впервые достигли согласия. Конечно, угрозу войны это сразу не отменило, но основные предпосылки устранило. Покончив с распрями, главы государства озаботились постройкой сверхсовременного космического корабля «на троих», бросив на его создание лучшие силы. Пилотом единогласно назначили англичанина, акушеркой – русскую, а медсестрой – американку.

Поговаривали, будто советский премьер с американским коллегой задержались после саммита, придумывая имена. Верится, конечно, с трудом. Даже если слухи не врут, старались высшие чины зря – Гордон и Соня выбрали имя сами. Сейчас его не знает лишь полный невежда... и те, для кого пишется этот рассказ. Вот мы и добрались до упоминутой в самом начале заметки. Лирики в ней как в старом ботинке, но света больше, чем в пресловутой звезде над Москвой.

11 сентября 1996 г. Как сообщает молодой русско-американский посол, Петр Гордонович Эндрюс, его миротворческий план был принят всеми инстанциями. Угроза войны, нависавшая над человечеством последние пятьдесят лет, миновала навсегда.

РОЖДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

В ту ночь ее сын стал звездой. Прижимая к сердцу ладонь, она зачарованно смотрела из сада, как он взмывает над полями, где играл еще ребенком и трудился юношей. Думает ли он о родных местах, о матери, что предается воспоминаниям этой апрельской ночью? Скучает ли по отчужденному дому с верандой, в котором нынче царит тишина?

Он поднимался все выше и выше, миновал зенит и, медленно сойдя с земной орбиты, исчез во мраке. Вчерашний мальчишка кружил на небесной карусели, заключенный в герметичную капсулу герметичной колесницы...

«Зачем посягать на звезды? Бог с ними».

Чуть свет доставили депешу от генерала: «Первопроходец XII» движется намеченным курсом. Ожидайте примерно завтра».

Она по обыкновению собрала яйца, разложила по коробкам и направила фургончик знакомым маршрутом, предвкусывая массу вопросов от покупателей. Те не обманули ожиданий.

– Марта, неужели Терри там один-одинешенек?

– Ты не боишься за него?

– Надеюсь, твой сын вернется целым и невредимым.

Твердили завсегдатаи, дивясь, как высоко взошла материнская звезда обычной торговли яйцами.

К интервью она не готовилась, намереваясь дать журналистам вежливый, но твердый отпор. Но как тут отопрешься,

когда двор запрудили машины, а операторы уже налаживают оборудование? Что возразить милейшему юноше на слова:

– Знайте, мы все гордимся вашим сыном, и будем счастливы, если вы ответите на пару вопросов.

Спрашивал он в основном о Терри, но с таким подтекстом, словно хотел выставить его заурядным американцем, каких миллионы. Все попытки Марты рассказать, как сын не спал ночами, штудирова книги, как из-за врожденной скромности не мог завести друзей и ни разу не сходил на футбол – все это симпатяга-репортер пресекал на корню, выворачивал ответы, подгоняя образ Терри под общий стандарт. Вот только следуя ему, молодежь не погрузится в изучение космоса, а увязнет в мелочах.

Несколько вопросов касались ее лично. «Терри ваш единственный сын?» «Да». «А супруг?...» «Погиб в Корее». «Как вы относитесь к правительственной инициативе передавать «звездным» матерям любые сведения касательно их сыновей?» «По-моему, замечательная инициатива... Жаль, ее не предоставили солдатским матерям во время Второй Мировой».

Телевизионщики убрались лишь под вечер. Наскоро перекусив, Марта набросила на плечи замшевый пиджак сына и в предзакатных сумерках вышла в сад. В первой телеграмме генерал сообщал, что ко вторнику Терри появится на орбите в пять минут десятого. Однако Марта не удержалась и отправилась смотреть, как в вышине, мерцая, зажигаются звезды. Раньше она не обращала внимания – земные дела затмевали небесные. Только по юности, гуляя с Биллом, нет-нет да поглядывала на луну, а когда падала звезда, загадывала желание. Теперь все изменилось. Теперь вся ее жизнь сосредоточилась на небе, заполненном миллиардами светил.

Как ярко они горели в темноте! Точно живые пульсировали в ночи... А какая палитра цветов – красные, желтые, зеленые, оранжевые...

Холодало, вместе с дыханием стал появляться пар. Ночь выдалась на удивление свежая, ясная... Марта посмотрела на часы и ахнула – стрелки показывали начало десятого. Как быстро летит время!

Женщина обратила несмелый взгляд к горизонту... Яркой звездой Терри пронесся в сверкающей колеснице по Млечному пути, плавно заскользил вдоль орбиты и скрылся из виду в темной глубине космоса... Горделиво переведа дух, Марта заметила, что лихорадочно машет рукой, и медленно опустила ее.

«Загадай желание!» – мелькнула наивная мысль; женщина загадала сыну сладких снов и мягкой посадки, облекла желание материнской любовью и послала ввысь.

«Примерно завтра», – гласила телеграмма.

То есть уже сегодня!

В среду Марта поднялась на заре, покормила кур и после нехитрого завтрака отправилась в свой будничный рейс.

– Представляю, каково тебе сейчас! Нервничаешь?

(Конечно, не без этого.)

– Когда обещают обратно?

(Вроде бы сегодня... Сегодня!)

– Хорошо быть матерью звезды, а?

(Да, неплохо.)

Хорошо и жутко одновременно.

Только бы сын продержался. Только бы благополучно вернулся. Тогда прекратятся ночные бдения в саду, и другой матери выпадет честь наблюдать рождение сына-звезды.

Только бы...

В обед пришла третья телеграмма: «С прискорбием сообщаем, что из-за повреждения обшивки в результате по-

падания метеорита механизм капсулы испорчен, эвакуация невозможна. Делаем все возможное для возвращения вашего сына».

Терри!..

Вот он, совсем кроха, сидит у клена, катает игрушечные машинки по воображаемым улицам; золото волос блестит на солнце, пухлые щечки порозовели от летнего ветерка.

Терри!...

В синем джинсовом костюме он взбирается по тропинке, размахивая худенькими загорелыми руками. Длинные ноги отмеряют взрослые шаги по выгоревшей траве. Над головой раскинулось безоблачное небо, в сентябрьском зное разливается пение цикад.

Терри...

«...вряд ли успею написать до отлета, но ты не волнуйся, мам. «Первопроходец» – машина экстра-класса. Хоть бомби метеоритами, не пробьешь, да и шансы нарваться мизерные...»

«Зачем посягать на звезды? Бог с ними».

По лужайке потянулись полуденные тени, над западными холмами алел набухший диск солнца. Марта приготовила ужин, но кусок не лез в горло. В сумерках она набросила пиджак сына и вышла в сад.

Медленно на небе одна за другой загорались звезды. Наконец взошла ЕЕ звезда, но свет расплывался перед глазами. По гравиевой дорожке зашуршали шины, темноту прорезали фары. Хлопнула дверь.

Марта не шелохнулась.

«Господи, пусть это будет Терри», – молилась она, хотя умом понимала, что надеется напрасно.

За спиной послышались и замерли шаги. Кто-то смущенно кашлянул. Женщина обернулась.

– Добрый вечер, мэм.

На серых погонах мерцала россыпь звезд. Строгое, красивой лепки лицо, усталые глаза. При взгляде на него Марта все поняла без слов.

— Метеорит, пробивший обшивку, повредил капсулу. Нам только что сообщили... К сожалению, мы бессильны... Мэм, вы в порядке?

— Да, благодарю вас.

— Я хотел лично выразить соболезнования. Представляю, как вам сейчас нелегко.

— Спасибо.

— Уверяю, мы делаем все возможное, чтобы доставить останки вашего сына на Землю для церемонии похорон...

— Нет.

— Прошу прощения, мэм?

Она подняла глаза к небу, где недавно промчался сверкающий саркофаг с телом ее сына, единственного. Там, высоко-высоко, цвел бледно-голубой Сириус. Еще выше раскинулся бескрайний сад Ориона, утопающий в незабудках и пышных соцветиях Бетельгейза и Ригеля, Беллатрикс и Саифа... Под самым сводом серебрились клумбы Тельца и Девы, рядом пламенели бутоны созвездия Рака. А по тропе небесного сада, подгоняемая попутным ветром, плыла роза Марса.

— Нет, — повторила Марта.

Генерал тоже поднял глаза. Медленно опустил.

— Понимаю, мэм. Мудрое решение... Звезды сегодня прекрасны как никогда.

— Как никогда, — вторила Марта.

Проводив генерала, она вновь обозрела небесный сад, где покоился Терри, потом развернулась и медленно зашагала в наполненный воспоминаниями дом.

ЖАННА Д'АРК

Высадившись на северном берегу Флёв д'Абоданс, «Реки изобилия», Девяносто седьмая пехотная часть Шестнадцатой десантной рассредоточилась у подножия намывного холма, ведущего к Провансаль-плато. Стоит пехоте занять диспозицию, и Флёр-дю-Сюд, главный город в южном полушарии Поднебесья, капитулирует.

Ликуя, командир части отправил срочную радиограмму на орбитальный корабль «Посланница ГГ», откуда О'Риордан Реформатор наблюдал первую стадию десятой – и заключительной – кампании Второй гражданской войны. Получив радостные вести, О'Риордан приказал немедленно захватить город. Скоро Поднебесье разделит бесславную участь девяти других планет-отступников, а Реформатор обретет долгожданную власть над миром, во имя которой он шесть лет назад уничтожил ядро религиозно-политической церкви психологического феноменализма, воздвигнув на ее месте галактическое государство.

Со штурмовыми винтовками наперевес 97-ая часть двинулась вверх по холму; голубые береты-шлемы лихо заломлены, в утренних лучах мундиры отливают кровью. Стояла весна, с юга дул свежий ветер. Солдаты готовились взять Флёр-дю-Сюд без боя.

Вдруг на вершину высыпала армия. Увы, нестройные ряды состояли сплошь из стариков, женщин и детей. Еще на рассвете главный взвод Шестнадцатой десантной,

высадившись чуть дальше к северу, хитрым маневром увел основные войска защитников прочь от города. Захватчики верили: победа у них в кармане.

Подобравшись, 97-ая часть ринулась в атаку. Внезапно нестройные ряды разомкнулись, пропуская всадницу на прекрасном черном жеребце. Юная наездница в белых сияющих доспехах держала в левой руке сверкающий лук, в правой – сверкающую стрелу. Распущенные светло-каштановые волосы блестели в утреннем свете. Лицо, бледное и размытое, издали напоминало цветок.

Пехота замешкалась. Ветераны девяти межпланетных войн зашумели, точно потревоженная листва.

Жеребец замер в двухстах метрах от обрыва. Наездница вложила сверкающую стрелу в лук, прицелилась. В мертвой тишине запела тетива, стрела взмыла ввысь, в ослепительно голубое небо и, застыв над головами пехотинцев, обернулась молнией. Грянул гром, небо над холмом почернело. Заморосил дождь. Зато вокруг по-прежнему не было ни облачка, солнце золотило плато.

Дождь лил как из ведра. Хлестал ручьями, потоками. Обрушивался водопадом. Командование кричало пехоте атаковать, но солдаты не могли шевельнуться, утопая по циклолотку в грязной жиже.

Край плато рухнул, начал оседать холм... 97-ая пехота отчаянно пятилась, но повсюду, куда ни глянь, бушевала река – мстительная и безжалостная, она неумолимо несла людей к бурлящим водам Флёв д'Абоданс. Офицеры, сержанты, рядовые – всех постигла бесславная участь. Но даже в ливень Флёв д'Абоданс оставалась мелкой речушкой, и вскоре 97-ая пехота в полном составе благополучно выбралась на берег.

Выстроившись в линию, мокрые пехотинцы благодарили судьбу и пересчитывали сухие сигареты. Командующий

тем временем радиогранифовал на корабль о разгроме и его виновнице, передислоцировал солдат на ближайший мост и, закулив влажную сигарету, стал ждать распоряжений О'Риордана.

О'Риордан, неплохо знавший историю, сразу уловил аналогию. Именно она, вкуне с перспективой войны стихий, вынудила завоевателя отступить. Слишком велик риск. Даже без чудодейственного оружия новая Орлеанская дева способна воодушевить примитивный народ Поднебесья. И тогда, чтобы сломить его, придется всю планету сравнить с землей, а значит уничтожить то, что Реформатор уже мнил своим. Поэтому он отозвал войска на орбиту и передал управление кампанией начальнику разведки по имени Смит-Кольгос.

Менее чем через неделю тот подготовил для Реформатора досье... и план.

Реймонд д'Арси, дешифровщик второго класса на «Дозоре ГГ», никогда прежде не бывал на военном совете. На «Посланнице», впрочем, тоже, отчего смушался и с опаской поглядывал по сторонам.

«Посланница» оказалась воздушным городом, где помимо команды, обитал сам О'Риордан вместе со своими советниками, законодателями, военачальниками, офицерами, тайной полицией, управлением гражданского контроля, армией реформации, службой разведки, личными поварами, любовницами, лакеями, маникюршами, парикмахерами и врачами.

С виду корабль смахивал на громадный апельсин, хотя оттенком был обязан не малярам, а звездному свету, что причудливо отражался от обшивки из особого сплава. Семь палуб, посередине – самая просторная с отсеками для административной, исполнительной и судебной власти, а также

каютами личного состава. В центре находилась открытая площадка Приволья, где вокруг огромного поля асфальта росли настоящие деревья и трава.

Палубы соединялись мостиками и лифтовыми шахтами, на каждом этаже находились высокоскоростные транспортные коридоры, а кроме того — спасательные челноки, числом и размерами соответствующие масштабам корабля. Искусственную силу тяжести создавали встроенные системы гравитации, к источнику питания на первой палубе допущалась лишь техперсонал «Посланницы».

Расположенный в исполнительном отсеке, военный совет окнами выходил на Приволье. Д'Арси с тоской разглядывал деревья, траву, золотистые лужицы искусственного света. В гидропонных оранжереях распускались цветы, замаскированные магнитофоны транслировали полузабытое пение птиц. Д'Арси пытался разобрать, кто есть кто, но мешали голоса за спиной. Один, как выяснилось, обращался лично к нему.

— Д'Арси, прошу. О'Риордан скоро явится.

Д'Арси покорно сел в предложенное кресло и отпил воды из стакана; горло по-прежнему саднило. При виде важных лиц за столом невольно делалось не по себе, куда до них простому смертному. Хлопнула дверь. Следом раздались аплодисменты.

— Встать! — скомандовал старший советник.

Все повиновались.

Д'Арси впервые видел Реформатора вживую, а не на экране. Маленький подвижный человечек с плоской физиономией и карими глазами, многим он казался моложе своих шестидесяти. На щеках играл здоровый румянец, кожа гладкая, без единой морщинки, не считая «гусиных лапок» в уголках глаз. Песочная шевелюра почти не тронута сединой. Даже в роскошных, голубых с золотом одеждах,

верховный главнокомандующий ухитрился выглядеть самым собой – бедняком, одной только хитростью и упорством завоевавшим весь мир.

Окруженный телохранителями, О’Риордан прошествовал в залу и устроился во главе стола.

– Сесть! – приказал советник.

Присутствующие подчинились.

О’Риордан закурил сигару и смерил собравшихся долгим взглядом. При виде д’Арси его глаза слабо вспыхнули и, скользнув по острым чертам начальника разведки, разгорелись окончательно.

– Слушаем вас, Смит-Кольгоз. Начинайте доклад.

Тот мигом вскочил.

– Ваше Великолепие, думаю, будет лучше предоставить слово ответственному за подготовку доклада, руководителю полевых операций – Леопольду Макгровски.

Встал здоровяк в штатском. Смит-Кольгоз опустил в кресло.

– Нам удалось напасть на след девчонки, Ваше Великолепие. В ходе наблюдения трое опытных агентов выяснили, что объект зовется Жанна-Мари Валёрис, живет одна в пещере Ле-Бо-Ферик, в «Волшебном лесу» неподалеку от живописной деревушки Бодлер, в пятидесяти километрах к северу от Флёр-дю-Сюд, – доложил Макгровски. – Местные кличут ее Девой волшебного леса. Не приостанови вы военные действия, Ваше Великолепие, своим участием в боях она снискала бы славу психофеноменальной героини, яркой противницы массовой денационализации. Пока же религиозно-патриотический потенциал объекта дремлет в зародыше. Бодлер мало отличается от других деревушек Поднебесья – типичная глушь, где по-прежнему поклоняются анти-прогрессивному учению французских колонистов, завоевавших планету три века назад. Мать объекта умерла

при родах, когда девочке было девять лет. Круглая сирота, она оказалась в приют на окраине Провансаль-плато. До двенадцати лет была обычным ребенком, но вдруг ни с того ни с сего сбежала в пещеру Ле-Бо-Ферик. Работники приюта отыскиали беглянку, но когда попытались увести ее, та до смерти их напугала, и больше они не совались. Что именно она сделала, узнать не удалось, однако обитатели Бодлера прозвали ее колдуньей еще задолго до битвы при Флёр-дю-Сюд. Правда, после недавнего триумфа их мнение в корне переменялось, теперь Жанну-Мари считают доброй колдуньей, но Волшебный лес все равно стараются обходить стороной. Впрочем, на то есть причины. Крестьяне утверждают, что слышали, как объект разговаривает с цветами и деревьями. Когда один смельчак отважился спросить, зачем она это делает, та ответила, что говорит не с природой, а с голосами у себя в голове...

– С голосами? – перебил О’Риордан.

– Так точно, Ваше Великолепие. По всей видимости, объект страдает слуховыми и зрительными расстройствами, возникающими на почве недоедания. Учитывая строгое психофеноменальное воспитание, можно предположить, что мы имеем дело с религиозной фанатичкой, регулярно соблюдающей посты. От такой жизни у любого начнутся галлюцинации.

– А лук? – нахмурился О’Риордан. – Откуда взялся лук?

– Этого служба разведки не выяснила, Ваше Великолепие, – ответил Макгровски. – Лук и стрелы объект постоянно носит с собой. Поскольку оружие, вызывающее грозу в ясный день, наверняка способно на что-то еще, я категорически запретил агентам попадаться объекту на глаза и предпринимать какие-либо действия. Но вот если бы проникнуть в пещеру...

– Так что мешает? – сощурился О’Риордан.

Смит-Кольгоз спешно вскочил.

– Мое распоряжение, Ваше Великолепие. После обнаружения объекта у меня созрел план, как с минимальным риском устранить врага. Спешка здесь противопоказана. Напротив, я велел агентам опросить местных, еще до приюта знавших объект, на предмет ее предпочтений, вкусов, привычек, образа жизни. Вы ведь хотите устранить ее, Ваше Великолепие?

– Ну разумеется! – откликнулся тот.

– Отлично, тогда слушайте. Я ввел имеющуюся информацию в компьютер «Посланницы», чтобы определить тип мужчины, привлекательный для данной особы в физическом, эмоциональном и интеллектуальном плане. Затем соотнес полученное описание с характеристиками всех мужчин на борту – задача не из легких, Ваше Великолепие, но потраченные усилия того стоят. Сложно выбирать, опираясь лишь на факты в досье – человеческие особи разнообразием не блещут. Однако сложив все данные, мне удалось подобрать кандидата, наиболее подходящего для задачи устранения объекта. Думаю, у него есть все шансы вызвать у девушки привязанность, а затем любовь и доверие. А дальше все просто – он отнимет лук и уговорами заманит «возлюбленную» сюда, на корабль. Не получится уговорами, придется действовать силой.

Смит-Кольгоз замолчал – вылитый пес, который принес брошенную хозяином палку и теперь ждет, когда тот погладит его по голове. Однако О’Риордан с похвалой не спешил.

– Кто же этот неотразимый мачо? – поинтересовался он, глядя на д’Арси с нескрываемым презрением.

– Д’Арси, встать! – скомандовал Смит-Кольгоз.

«Мачо» смущенно поднялся.

– Реймонд д’Арси, дешифровщик второго класса с «Дозора ГГ», – представил Смит-Кольгоз. – Помимо набора

необходимых характеристик, является уроженцем Поднебесья, в совершенстве владеет местным диалектом. Приду-
маем ему правдивую легенду, потом десантируем в Ле-Бо-
Ферик, и недели через две, ручаюсь, он принесет нам на блю-
дечке Жанну-Мари Валёрис вместе с ее волшебным луком.

О'Риордан лихорадочно помотал головой.

— Нет-нет, ладно девчонку, но только не оружие. А вдруг
это ловушка? Что если стрелы и лук, попав на борт, превра-
тят нас в чучела или безмозглых марионеток? Слыхали о
Троянском коне, Смит-Кольгоз? Пусть «Посланница» не
Троя, но ее падение, по вполне понятным причинам, озна-
менует конец Галактического государства.

Смит-Кольгоз вспыхнул.

— Простите, не уловил сходства, — промямлил он, доба-
вив: — Как прикажете поступить с оружием, сэр?

— Заройте где-нибудь от греха подальше. Как только
Поднебесье капитулирует, выкопаем и отправим на экспер-
тизу.

О'Риордан долго разглядывал д'Арси, потом повернулся
к начальнику разведки.

— Уверены в своем протезе? Это работа не для мальчика,
а для мужчины.

Смит-Кольгоз расплылся в улыбке.

— Поначалу я тоже сомневался, Ваше Великолепие, но
вскоре понял — мальчик справится лучше остальных. Клас-
сический сюжет на новый лад: мальчишка встречает, маль-
чишка влюбляет, мальчишка получает.

Обладатель черного пояса, д'Арси мог уложить на ло-
патки любого соперника, подтягивался по десять раз на
каждую руку, трижды достаивался награды Спиральной
галактики за отвагу. Сейчас этот здоровяк с пудовыми ку-
лаками и силой удара в шестнадцать фунтов покраснел, но
ничего не сказал.

Молчание нарушил О'Риордан.

– Справишься, малыш?

Не доверяя собственному голосу, д'Арси кивнул.

Его Великолепие окинул пристальным взором два ряда устремленных на него глаз.

– Предлагаю приступить к операции. Возражения?

Присутствующие хором воскликнули:

– Никак нет, сэр!

Довольно хмыкнув, О'Риордан поднялся из-за стола.

– Всем встать! – приказал председатель.

Собравшиеся вскочили.

Напоследок О'Риордан обратился к начальнику разведки:

– Высадку в лес произвести до рассвета. – Затем повернулся к д'Арси: – У тебя десять дней. Если до тех пор не объявишься, пеняй на себя. – И направился к выходу, бормоча под нос: – Голоса, значит? Жанной д'Арк себя возмнила? Будет тебе Жанна д'Арк!

С этими словами О'Риордан скрылся за дверьми.

Впервые Жанна-Мари Валёрис услышала голоса в двенадцать лет. Один, властный, принадлежал основателю психифеноменальной церкви Иосифу-Благодетелю, умершему сто двадцать лет назад. Другой, ласковый, – Рашель де Фю, первой святой, почившей сорока четырьмя годами позже.

Поначалу безликие, голоса вскоре обрели форму. По возрасту Жанна-Мари не застала в живых ни Рашель, ни Иосифа, поэтому неудивительно, что их образы не имели ничего общего с реальностью. У воображаемой Рашель было круглое доброе лицо, голубые глаза и улыбчивый рот. Иосиф походил на мальчишку – молодой, красивый, с россыпью темных кудрей, пронзительными черными глазами и гладкой смуглой кожей. Временами Жанна-Мари не знала, чей лик ей больше по душе.

– Отправляйся в Ле-Бо-Ферик, – «внушал» Иосиф, – мы с Рашель найдем тебе уютную пещеру, где ты сможешь жить и радоваться.

Девочка не мешкала ни секунды. В приюте ей никогда не нравилось. Она скучала по отцу, все время думала о нем вместо уроков. А потом убежала в лес. Иосиф с Рашель помогли найти пещеру и обустроить ее одной лишь силой мысли. Процесс, именуемый психотеллуризмом, Жанна-Мари звала просто – мыслетворение. Старейшины церкви едва успели овладеть этим искусством, как Реформатор захватил власть и их расстреляли из лазерных ружей. Прознав о процессе, О’Риордан только фыркнул: ну какой дурак поверит, что мысль материальна, а уж тем более духовна, и с ее помощью можно управлять чувствами! Однако Рашель настаивала, чтобы Жанна-Мари никому не выдавала секрет.

Девочка под руководством двух наставников мыслесотворила себе обстановку: столы, стулья, шкафчики, гардины, люстры, радиовизор, секретер, автоматический духовой шкаф, камин в гостиную, стиральную машинку в прачечную. А главное, научилась мыслесотворять себе еду. Вот где настоящее волшебство! Пальцы превращались в мини-конвейеры, руки творили без усталости, создавая все, что душе угодно.

– Никакого волшебства, – «объяснила» позже Рашель, – все дело в энергии, которую даровали тебе мы с Иосифом.

Энергия высвобождала необходимые компоненты из земли и воздуха и соединяла, формируя искомую вещь.

Когда сотрудники приюта нагрянули в лес, бывшая воспитанница обрушила на них чудовищный дымовой вал. Изпод ногтей у нее сыпались искры. Бедолаги чуть со страху не померли. Они бросились наутек, только пятки сверкали. С тех пор Жанну-Мари оставили в покое и иначе как

колдуньей не называли. Она не возражала — пусть колдунья, но другой участи ей не надо.

В пятнадцать Рашель с Иосифом помогли ей сотворить волшебный лук и стрелы. Лук получился глаз не оторвать. Он сиял и переливался, будто солнечный луч с тетивой, прозрачной как утренний туман. Не уступали в красоте и стрелы: серебристые, тонкие — глянешь, дух захватывает. Всегда носи их с собой, «наставлял» Иосиф.

Из света и тьмы, пространства и времени, песка, пыли, надежд, мечтаний, дерева, металла и дюжины других элементов Жанна-Мари сделала маленький колчан, с которым не расставалась ни на минуту.

В шестнадцать наставники придумали задание поинтересней — куклу. Жанна-Мари радовалась как ребенок; кукол у нее никогда не было, а так хотелось! День за днем кукла росла — правда, очень медленно, работа тонкая, требует времени. Невероятно, сколько сил нужно на какую-то игрушку, пусть и большую. От количества ингредиентов голова шла кругом!

Кукла удалась на славу! С другими не сравнить. Рашель даже «велела» оборудовать для нее потайную комнату в пещере. Жанна-Мари не поленилась, свила уютное гнездышко с кроватью, двумя стульями, туалетным столиком, гардеробной и дверным ковриком. За трудами пролетело два года, Жанне-Мари стукнуло восемнадцать — можно сказать, почти переросла игрушки.

Затем настал черед dospехов. После куклы задача не сложная. Доспехи, «говорил» Иосиф, нужны, во-первых, для защиты, а во-вторых, для психологической атаки на врага. Сотканная из звездной пыли, металла и сотни других частиц, броня получилась легче перышка и сияла как солнце.

Теперь, в унисон «твердили» Рашель с Иосифом-Благотелем, отправляйся в Бодлер и обменяй свой золотой

гребень на отборнейшего черного скакуна. Коня девушка назвала Германом О'Шонесси, в честь второго святого психофеноменальной церкви. Сотворила ему конюшню у подножия холма, рядом с пещерой, и каждый погожий день верхом объезжала окрестности.

Наконец, «сообщил» Иосиф, час пробил; без лишних вопросов Жанна-Мари облачилась в сияющую кольчугу, пришпорила святого Германа О'Шонесси и торжественно проехала по улицам Флёр-дю-Сюд, выкрикивая: «За мной, мирные жители! Я приведу вас к победе над вражеской армией Реформатора, надвигающейся на город с юга. За мной, помогите мне спасти психофеноменальную церковь от темных сил!»

Святой Герман О'Шонесси гарцевал по мостовой. Народ, ликуя, сомкнул нестройные ряды вокруг воительницы, направившей коня к Флёв д'Абоданс. Момент настал – стрела взмыла ввысь, хляби небесные разверзлись и смыли врагов. А Жанна-Мари вернулась в Волшебный лес, ждать, когда снова раздастся Глас свыше.

Весной лес прекрасен, а Ле-Бо-Ферик особенно. При виде здешних красот продрогший насквозь в крестьянских одеждах, д'Арси воспрянул духом.

С опушки, куда его десантировали до рассвета, он устремился в приятную прохладу чащи. Деревья, словно любящие родители с детьми, стояли, сплетя зеленые руки-ветви. Под ногами бриллиантами блестела роса, в кронах пели живые птицы.

Двигаясь строго по курсу, Д'Арси добрал до ручья. Оттуда направо и вверх, к устью, что на холмах, неподалеку от убежища Жанны-Мари. Трое разведчиков проинструктировали посланца, снабдив необходимой информацией.

Касательно территории – да, не придерешься.

А вот про Жанну-Мари рассказывали скупое, выдав лишь то небольшое, чем удалось разжиться. Объект любит прогулки и подвижные игры. Часто ездит верхом. Подростком много читала. В приюте получала хорошие отметки, при желании могла бы легко стать отличницей. Предпочитает яркие цвета в одежде, бережно ухаживает за волосами, почти не расстается с гребнем. Религиозна, в приюте не забывала молиться.

Д'Арси недоумевал, чем может он привлечь такую девушку в физическом, эмоциональном и интеллектуальном плане, но с компьютером «Посланицы» не поспоришь. Впрочем, недоумение быстро выветрилось, не в силах противостоять очарованию природы. Покрывавшие берег нежных оттенков цветы колыхались в такт игривому утреннему ветерку. Ручей весело журчал по белым камням, в прозрачной воде мелькала серебряными всполохами рыба. Солнечный свет рассыпью самоцветов падал сквозь густую листву.

Километра через полтора послышался стук копыт. Звук стремительно приближался, заполняя собой все вокруг. Ручей выкатился на поляну, и д'Арси шагнул под палящие лучи. В тот же миг из чащи напротив выехал черный жеребец. Д'Арси не шелохнувшись смотрел на всадницу. В синей юбке и алой, с белыми полосками блузке, босоногая, с непокрытой головой, с перехваченными алой лентой светло-каштановыми волосами, она походила на тянущийся к солнцу цветок. С луком на правом плече, и колчаном стрел на левом, воительница приблизилась к путнику.

– Bonjour, monsieur, – поздоровалась она.

– Bonjour, mademoiselle, – откликнулся тот. – А вы, наверное, Дева Волшебного леса?

Наездница улыбнулась, в светло-карих глазах заплясали огоньки, на левой щеке обозначилась ямочка. Еще немного,

и вчерашняя девушка простится с очарованием юности, чтобы стать женщиной.

– Меня зовут Жанна-Мари, – представилась она, – местная колдунья, между прочим.

– Знаю, – кивнул д'Арси.

– Не боишься?

– А с чего? – усмехнулся тот. – Ты же добрая. Это злые колдуны превращают людей в жаб, а добрые делают только лучше.

Жанна-Мари засмеялась, но вдруг умолкла, прислушиваясь – правда, непонятно к чему.

– Голосам ты нравишься, – объявила наконец она. – И мне.

– Голоса? – переспросил д'Арси.

– Да, Иосиф-Благодетель и Рашель де Фю. – Жанна-Мари одним движением спрыгнула с коня. – А вот он – святой Герман О'Шонесси. По-моему, ему ты тоже по душе.

Жеребец заржал. Д'Арси погладил черную как смоль гриву.

– Приятно, когда у тебя столько друзей.

Если верить Макгровски, девушка страдала галлюцинациями на почве голодания, однако сколько д'Арси ни всматривался в ее лицо, признаков истощения не заметил. Жанна-Мари явно не злоупотребляла постом. Откуда же тогда взялись мифические голоса?

Ладно, не его печаль. Ему велено заманить девчонку на корабль, а с ее тараканами пусть другие разбираются.

– Меня зовут Реймонд д'Арси. Я сбился с пути, – как можно убедительней сообщил он. – Впрочем, мне идти все равно некуда. Вчера вечером, пока ждал рейс до Мольера, меня избили и ограбили. Очнулся уже в лесу, на поляне.

Легенду сочинил Смит-Кольгоз, уверенный, что крестьянка скорее купится на клише, чем на обычную ложь – и

оказался прав! Жанна-Мари даже не подумала пощупать шишку, набитую пилотом десантирующего корабля, лишь не сводила глаз с д'Арси. Тот, конечно, не подозревал, что выглядит точной копией Иосифа-Благодетеля, а Рашель де Фю сейчас «нашептывает» своей подопечной:

– Какой милый юноша. Дитя, ты ведь не оставишь его в беде.

Дважды просить Жанну-Мари не пришлось.

– Реймонд, тебе нужно подкрепиться. Идем, тут недалеко.

Она зашагала вдоль берега, ведя Германа О'Шонесси под уздцы. Д'Арси виновато плелся следом.

– У меня чудесный домик. Вам понравится, хотя снаружи его легко спутать с пещерой. Впрочем, раньше я никого не приглашала внутрь.

Пользуясь моментом, д'Арси попытался разглядеть лук, но кроме необычного, режущего сетчатку сплава, ничего не увидел. Со стрелами вышло еще хуже: удалось различить лишь острые наконечники да серебристое древко.

Д'Арси так и подмывало расспросить спутницу про диковинное оружие, но он решил повременить.

Возвышаясь вдоль усеянной цветами гряды по обе стороны ручья, берега становились все круче. Впереди вырастали покрытые лесом холмы. На склоне деревья уступили место лианам. За их хитросплетением д'Арси даже не заметил вход в пещеру. Но вот Жанна-Мари отдернула зеленый полог, за ним оказалось устланное соломой стойло с кормушкой, бадьей для воды и негаснувшей лампой под кокетливым розовым абажуром. Оставив скакуна пасться снаружи – все равно никуда не убежит, его и привязывают-то только на ночь, – Жанна-Мари повела гостя вглубь пещеры. Обстановка сражала наповал. Четыре комнаты с меблировкой, в спальне – подобие стеного шкафа с вделанной

дверцей. Потолок и стены обшиты деревянными панелями, на кафельном полу – тканые ковры. Повсюду несгораемые лампы, все приборы работают на вечном двигателе. Вода из ручья попадает прямым в жилище по подземному трубопроводу.

Усадив гостя за стол, Жанна-Мари достала из холодильника, больше похожего на сундук с приданым, яйца и бекон. Пока скворчала яичница, сварила кофе. На вопрос, откуда у простой девчонки взялся дворец, только улыбнулась:

– Это секрет. – И застенчиво добавила: – Останешься со мной?

Д’Арси ушам своим не верил. Святая наивность! Такую даже обманывать стыдно.

– А голоса против не будут? – с опаской полюбопытствовал он.

– Наоборот, за! Поселишься на диванчике. Он просторный и удобный. Сотво... сошью тебе пижаму и брюки. Налить еще кофе?

– Ага, – вяло откликнулся д’Арси.

Под одной крышей с Жанной-Мари он словно вернулся в детство, в мир, подлинный мир, о котором в девять-десять лет можно только мечтать.

Охочая до игр, с появлением гостя Жанна-Мари поменяла придуманные правила, чтобы играть вдвоем. Точнее, втроем, считая Германа О’Шонесси, бессменного участника всех забав. Случалось, они устраивали пикник на лоне природы, гуляли по живописным холмам. Отныне день неизменно начинался в семь, когда на склонах еще блестела неизменная роса; словом, на небесах Жанны-Мари воцарилась долгожданная гармония.

По вечерам, сидя у зеленого полога, закрывающего вход в пещеру, парочка смотрела на звезды и болтала о том, о сем. Среди звезд угадывались одиннадцать планет – сестер

Поднебесья, и флотилия О'Риордана. Подвижные, с четкой траекторией, корабли походили на редкое ожерелье из бриллиантов, скрепленных невидимой нитью; подвеска-флагман ореолом оранжевого света напоминала бутафорскую луну, чей механик мечтает захватить космос.

Жанна-Мари не отрываясь смотрела, как флагман загорается на северо-востоке и гаснет на северо-западе. Когда д'Арси спросил, откуда такой интерес, ответила:

— Это нужно не мне, а Иосифу с Рашель. Через меня они видят и слышат все, что пожелают.

В ее глазах не было и намек на лукавство, лишь крохотные искорки звезд, красотой не уступающие небесным огонькам. Д'Арси смутился от мысли, что сам зажег их, ибо Жанна-Мари влюбилась, окончательно и бесповоротно. Компьютер оказался прав. Д'Арси же испытывал к девушке исключительно братские чувства. Оно и к лучшему, совесть не замучает.

Жанна-Мари ни на секунду не расставалась с луком, хотя никогда не охотилась на дичь. Якобы Рашель с Иосифом приказали всегда носить оружие с собой на случай беды.

Внезапно д'Арси осенило.

— Это голоса помогли тебе сделать лук и стрелы?

Девушка неохотно кивнула.

— Да.

Ну и чушь, мелькнуло у д'Арси, но она, похоже, верит.

— А мебель, пещеру? — допытывался он.

Снова вялый кивок.

— Ясно. А что если я коснусь лука? В кузнечика не превращусь?

— Конечно нет, — засмеялась Жанна-Мари. — Вот если пустить в тебя стрелу, тогда возможно. — И торопливо добавила: — Само собой, я так не поступлю!

Как-то раз во время прогулки д'Арси вдруг потерял спутницу из виду. Наверное, решила вернуться, подумал он и бросился следом, но никого не нагнал.

Терзаемый мрачными предчувствиями, ворвался в пещеру и громко позвал девушку по имени. Тишина. Может, спряталась? Прятки она любила, часто предлагала поиграть. Д'Арси заглянул под диван. Поискал в кухне, за плитой. Обшарил кладовую. В спальне залез под кровать — пусто, не считая сиротливой пары туфель, которые Жанны-Мари наотрез отказывалась носить.

Выпрямившись, д'Арси уперся взглядом в шкаф. Точно! Жанна-Мари там, затаилась среди пестрых нарядов. Ликуя, он взялся за ручку, повернул, предвкушая, как распахнет створку... Однако та не поддавалась, надежно запертая на сенсорный замок.

Озадаченный, д'Арси поспешил прочь, гадая, что скрывается за единственной закрытой дверью. Может, доспехи? По странной иронии, Жанна-Мари ни разу не обмолвилась про битву при Флёр-дю-Сюд, словно стыдилась своего геройства.

Из нее слова не вытянешь, придется выяснять окольными путями, решил д'Арси. Когда он заметил выходящую из леса Жанну-Мари, у него отлегло от сердца, и подозрительный инцидент сразу забылся.

Через несколько дней, бродя в одиночестве по лесу, он наткнулся на глубокую мрачную долину, где покоились два скелета, мужской и женский. Они лежали бок о бок под гранитным сводом, едва прикрытые истлевшим одеянием. Рядом с мужчиной валялась медная бляха. Соскоблив ржавчину, д'Арси увидел именной жетон сторонника психофеноменальной церкви, судя по гравировке принадлежавший Александру Кейну. Имя знакомое, но, хоть убей, откуда оно не вспомнить.

Как странно! По традиции жители планет-конгломератов выбирали имена в честь предков, однако в «Александр Кейн» не было ничего французского.

Прихватив жетон, д'Арси вернулся в пещеру и рассказал Жанне-Мари о жуткой находке.

– Скелеты там давно, но я стараюсь в те края не заходить.

– Боишься?

Она помотала головой.

– Нет. Мне Рашель с Иосифом запретили.

С чего бы это, подумал д'Арси, но промолчал. Вряд ли Жанна-Мари знает ответ, да и сама история с голосами не внушала доверия. Пусть Смит-Кольгоз или О'Риордан с этим разбираются, их проблема. Смущало только, почему неведомые голоса – если они действительно существуют – испугались каких-то останков?

Той ночью его разбудил голос О'Риордана, идущий из миниатюрного радиопередатчика, спрятанного в наручных часах.

– Напоминаю, до завершения операции осталось двое суток.

Д'Арси обомлел: во-первых главнокомандующий связался с ним лично, а во-вторых, он совсем потерял счет времени. Казалось бы, прошло всего несколько дней, а с другой стороны – вечность.

– Вы меня слышите? – повторил О'Риордан.

– Так точно, сэр.

– Это радует, – отозвался лунный механик. – От плана не отклонились?

– Никак нет.

– Отлично. Жду через сорок восемь часов, а не то дождетесь у меня. Самое главное, перед вылетом заройте этот чертов лук вместе со стрелами поглубже, чтобы никто не нашел. Конец связи.

До рассвета д'Арси не сомкнул глаз, боролся с муками совести, пока не одолел. В конце концов, предательство пойдет Жанне-Мари на пользу. Лес и пещера – не место для девушки. В судьи О'Риордан выбрал шестерых прихвостней, которые дрессированными медведями плясали под его дудку. Однако по правилам Марсианской конвенции Жанну-Мари нельзя судить как военную преступницу, какое бы обвинение О'Риордан ни выдвинул, наказание наверняка будет условным. Через месяц Поднебесье падет, и галактическое государство возьмет девушку под свое крыло, даст образование, кров.

В полдень д'Арси передал «Посланнице» координаты пещеры – корабль обещали прислать на заре, – а сам с Жанной-Мари отправился в лес. Они гуляли, катались по очереди на Германе О'Шонесси; спешившись, бродили, ведя скакуна за собой под уздцы. А вечером в живописной зеленой роще устроили пикник, благо девушка не забыла корзинку с припасами. Д'Арси с самого начала ломал голову, откуда берется такое изобилие, и однажды спросил напрямую, заранее предвкушая виноватую улыбку и стандартное «Секрет». Так и случилось.

Напрашивался единственный вариант – психотеллуризм, однако д'Арси отверг его по двум причинам. Подобно О'Риордану, он считал психотеллуризм выдумкой психофеноменальной церкви, рассчитанной на устрашение врагов. Но даже существуй дар на самом деле, Жанна-Мари никак не могла им владеть, поскольку не имела ни выдающегося интеллекта, ни товарища по разуму для эффективного симбиоза.

Домой вернулись на закате. Отпустив Германа О'Шонесси пасть, долго сидели у порога, глядя, как в вышине зажигаются звезды. Фальшивая «луна» засияла точно в срок. Скоро на землю нагрянет лунный десант и увезет оби-

тателей пещеры прочь.

Чем больше гнал д'Арси эти мысли, тем отчетливей понимал, что не хочет обратно. Перед сном он завел мысленный будильник на два часа ночи. Проснувшись, оделся, не зажигая света прокрался в комнату, где в бледном сиянии луны спала Жанна-Мари. Ловко умыкнул с прикроватного столика лук, стрелы и уже собирался уходить, как вдруг девушка повернулась к нему лицом. Д'Арси застыл, не смея шевельнуться, но она так и не открыла глаза, только тихонько вздохнула и продолжала мирно спать. На цыпочках он выскользнул из спальни и растворился во мраке ночи.

Оружие зарыл в лощине, где покоились скелеты – тайник лучше не придумаешь. Когда добрался до пещеры, «Посланица» снова сияла на горизонте. Растянувшись у зеленого полога, д'Арси стал ждать появления десанта.

Но вот яркая точка падающей звездой заскользила по небосклону, следуя полученным координатам. Вскоре на цветочной поляне у ручья приземлился челнок, из кабины выбрался пилот.

– Помощь нужна? – спросил он.

– Нет. – Д'Арси отвязал Германа О'Шонесси. – Прощай, старина, – он ласково похлопал жеребца по крупу. – Мы с Жанной-Мари уедем и вряд ли вернемся.

Из стойла он направился в пещеру. На пороге спальни ему почудился сдавленный всхлип. Неужели?.. Но нет, Жанна-Мари спала сладким сном. Он тихонько потряс ее за плечо, дивясь мраморной прохладе кожи.

– Проснись, надо вставать.

– Реймонд, что стряслось? – встревожилась девушка, протирая глаза. – А где стрелы, лук? – добавила испуганно.

– Не задавай лишних вопросов. Просто верь мне. Веришь?

– Да, Реймонд, я тебе верю, – кивнула она; в тусклом сиянии звезд выражения лица не разобрать.

Проклиная себя в душе, д’Арси ждал, пока Жанна-Мари оденется, затем повел ее к выходу. При виде штурмовика она почувала неладное и попыталась вырваться, но д’Арси впихнул ее в кабину. Сам устроился рядом.

– Это для твоего же блага. Надеюсь, когда-нибудь ты меня простишь.

Жанна-Мари молча отвела взгляд.

Пилот активировал двигатели, корабль взмыл над лесом и вновь превратился в яркую точку.

ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ! ПЕРЕДАЕТ «ПОСЛАННИЦА ГГ»: СЕГОДНЯ, ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ 2353 ГОДА ВЫНЕСЕН ПРИГОВОР ЖАННЕ-МАРИ ВАЛЁРИС, ОБВИНЯЕМОЙ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ СТИХИИ ДЛЯ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРУЖИЯ ВОЙНЫ. СУД ПОСТАНОВИЛ: 1) ПРИМЕНЕННЫЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА СТИХИИ ПРИРАВНИВАЮТСЯ К БОЖЕСТВЕННОМУ ПРОМЫСЛУ, ЧТО ПРОТИВОРЕЧИТ ВОЕННОМУ УСТАВУ МАРСИАНСКОЙ КОНВЕНЦИИ; 2) ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТАКОГО МАСШТАБА ДОЛЖНО НАКАЗЫВАТЬСЯ ПО ВСЕЙ СТРОГОСТИ ЗАКОНА; 3) ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЖАННА-МАРИ ВАЛЁРИС РУКОВОДСТВОВАЛАСЬ ЗЛЫМ УМЫСЛОМ; 4) ГОЛОСА, НА КОТОРЫЕ ССЫЛАЕТСЯ ОБВИНЯЕМАЯ, СООТВЕТСТВУЮТ ЗРИТЕЛЬНО-СЛУХОВЫМ РАССТРОЙСТВАМ, ОПИСАННЫМ ФРЭНСИСОМ ГАЛЬТОНОМ ЕЩЕ В 1883 ГОДУ, И НЕ УМАЛЯЮТ ТЯЖЕСТИ СОДЕЯННОГО.

В СВЯЗИ С ОТКАЗОМ ОБВИНЯЕМОЙ РАСКРЫТЬ ИСТИННУЮ ПРИРОДУ ОРУЖИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННОГО ПРОТИВ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОЙ ПЕХОТНОЙ ЧАСТИ ШЕСТНАДЦАТОЙ ДЕСАНТНОЙ, А ТАКЖЕ С НЕЖЕЛАНИЕМ НАЗВАТЬ ИМЕНА СООБЩНИКОВ, УЧАСТВОВАВШИХ В СОЗДАНИИ ЛУКА, СУД ПРИГОВАРИВАЕТ ЖАННУ-МАРИ ВАЛЁРИС К

СОЖЖЕНИЮ. КАЗНЬ СОСТОИТСЯ ОДИННАДЦАТОГО ОКТЯБРЯ В 9:46 НА ПРИВОЛЬЕ И ПРОЙДЕТ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ, ЧТОБЫ КРИКИ ПРЕСТУПНИЦЫ ДОСТИГЛИ САМЫХ ОТДАЛЕННЫХ УГОЛКОВ ПОДНЕБЕСЬЯ. ПРИСУТСТВИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО СОСТАВА ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Д'Арси не верил своим ушам.

Четыре часа назад он передал Жанну-Мари в руки Смит-Кольгозу и ждал, когда его отправят обратно на корабль. Кошмарная новость застала его под деревом предающимся воспоминаниям о жизни в лесу.

Первым порывом было вломиться к О'Риордану и вытрясти из мерзавца душу. Д'Арси недооценил коварство Реформатора, забыл, как легко правительство коверкает, подгоняя под себя, любые законы. Жанна-Мари обречена – даже открой она свои секреты, Реформатор все равно ее уничтожит, чтобы подчинить Поднебесье.

Однако д'Арси никогда не действовал под влиянием порыва. О'Риордана наскоком не одолеть, только сам погибнешь и Жанне-Мари не поможешь. Лучше сосредоточиться на ее спасении.

Осталось выждать подходящий момент. В системе «Посланницы» день и ночь сменяли друг друга точно по расписанию: в восемнадцать ноль-ноль искусственный свет на Приволье гас, уступая место тусклому мерцанию, имитирующему звезды, а вместо пения птиц включали стрекотание насекомых. В импровизированной темноте д'Арси набрел на заброшенный домишко и затаился, молясь, чтобы в ближайшие шестнадцать часов его не хватились на «Дозоре».

Ночь он провел без сна, гадая, почему раньше не разглядел истинную сущность Реформатора. Близорукость простительная для человека, который испортил зрение, изучая историю, состоящую сплошь из О'Риорданов. Одни носили

оленьи шкуры, другие – туники, третьи – восточные халаты, щеголяли в военной форме, власянице или костюме от кутюр, но всех их роднила неумная жажда власти и готовность пойти ради нее на все.

К рассвету д'Арси занял стратегическую позицию на дереве, нависшем над тропой, по которой спустя три часа сорок пять минут Жанну-Мари поведут на казнь. План был прост – вырвать девушку из лап конвоя, в ближайшей бухте взять спасательную шлюпку и добраться до Волшебного леса. Там отрыть спрятанный лук со стрелами и дать отпор врагу. Предприятие рискованное, но другого варианта нет.

Ровно в семь корабельные плотники воздвигли на лугу деревянный столб, вокруг набросали вязанки синтетического хвороста с повышенной скоростью возгорания. Следом явились механики: наладить оборудование для теле-радио трансляции. Под конец в «небе» над столбом прорезали отверстие, ниже установили мощную вытяжку с двухсотфутовой вентиляционной шахтой, ведущей к выхлопной трубе. Все было готово к аутодафе.

К девяти часам начали стекаться подданные Реформатора: советники, судьи, телохранители, военачальники, командиры частей, служба разведки, сотрудники гражданского управления вооруженными силами, реформаторский корпус, шпионы, личные повара, любовницы, лакеи, маникюрши, парикмахеры и весь действующий персонал «Посланницы».

Вместо атмосферы благоговейного ужаса на Приволье царили смех, веселье; повсюду звучали пошлые шутки, похабные намеки. Реформист лапал сотрудницу гражданского управления. Спрятавшись за плакучей ивой, парикмахер целовался с маникюршей. Врач-гомосексуалист заигрывал с «голубым» начальником штаба. Разведчик допивал пятую по счету порцию скотча. «Благословенны льстецы и

карьеристы, ибо они наследуют космос», мелькнуло у д'Арси.

Голод и усталость давали о себе знать, конечности затекли, но он ничего не замечал, охваченный отвращением и ненавистью.

Едва перевалило за девять, в сопровождении телохранителей явился О'Риордан в белоснежном кителе с кровавыми погонами и сигарой в зубах. Следом двое охранников волокли обитое парчой кресло. Миновав толпу, Реформатор сел напротив лобного места.

У д'Арси чесались руки придушить подлеца. Усилием воли он заставил себя успокоиться, сосредоточившись на том, чтобы не упасть. Главное сейчас спасти Жанну-Мари, а не убить Реформатора.

Но вот над лугом повисло гробовое молчание – осужденную вели на казнь. Босая, миловидное личико обрамлено нечесанными светло-каштановыми прядями, пестрая домотканая рубаха пламенеет на зеленом фоне. За ней по пятам шагали трое конвойных с парализаторами наперевес. Когда четверка поравнялась с деревом, д'Арси подобрался и прыгнул.

Приземлившись на плечи крайнего противника, мощным ударом вырубил его. Второй конвоир опомниться не успел, как в затылок ему врезался тяжелый кулак. Третий уже прицелился, но в следующий миг выронил парализатор, сломанная рука повисла как плеть. Подобрав оружие, д'Арси схватил Жанну-Мари за запястье.

– Бежим!

Однако та неожиданно уперлась.

– Ты почему здесь? Почему не вернулся к себе на корабль?

Д'Арси подивился такой осведомленности, но долго ломать голову не стал.

– Неважно, – бросил он. – У нас мало времени. Бегом!
– Нет, ты не понимаешь! Мне нельзя.

Разъяренный, он перекинул девушку через плечо. Она оказалась на удивление тяжелой, однако его поразила не тяжесть, а отчаянные попытки вырваться.

– Жанна-Мари, успокойся! Ты хочешь, чтобы тебя сожгли?

– Да, хочу! Очень! – внезапно она обмякла, перестала сопротивляться. – Но ты не поймешь, а объяснять некогда. Все пропало!

Д’Арси мчался со всех ног. За спиной нарастали крики беснующейся толпы. Агенты тайной полиции выставили живой кордон, но не успели выхватить оружие, как сами пали жертвами парализатора. Лес редел, впереди возникла лужайка с административным корпусом. По правую сторону сияли красные огни коридора бухты. Миновав его, д’Арси запер массивные двойные двери и перевел дух. Теперь они в безопасности.

Восемнадцать челноков стояли, готовые к запуску; крайний носом упирался в автоматический шлюз. Погрузив ношу на борт, д’Арси задраил люк и уже приготовился к взлету, как вдруг заметил опускающийся на затылок гаечный ключ. И где только нашла! Наверное, валялся под креслом. Д’Арси дернулся, умом понимая – не успеет. От удара из глаз посыпались искры, сиянием не уступающие звездам, потом наступила крошечная, космическая тьма.

Очнулся вроде бы через секунду, хотя по горькому опыту знал – прошло гораздо больше.

Взгляд, брошенный по сторонам, подтвердил догадку. Челнок блестящей мерцал на рождественской ели космоса. Чуть поодаль, километрах в ста, нарядной игрушкой сияла «Посланница», а за ней, затмевая своим светом все вокруг, горела звезда Поднебесья.

Значит, сперва Жанна-Мари огрела его ключом, потом включила автопилот, выбралась из челнока и отправила его в открытый космос.

Спрашивается, зачем? И откуда у деревенской затворницы такие познания в механике?

Голова раскалывалась от боли, вереницы мыслей пронеслись одна за другой; впрочем, ответ на первый вопрос найти удалось – Жанна-Мари сбагрила спасителя подальше, чтобы добровольно взойти на костер.

Оставалось последнее «почему» – поистине чудовищное в своем масштабе.

Челнок был оснащен радиовизором, настроенным на волну «Посланицы». Трясущимися пальцами д'Арси активировал экран.

И в ужасе отпрянул при виде огромного костра.

Он исступленно дернул тормоз, развернул судно, хотя умом понимал: девушке уже не помочь.

Внезапно экран потух.

Д'Арси принялся жать на кнопки из страха пропустить нечто важное – но тщетно. Изображения не было.

Вдруг что-то вспыхнуло, заливая кабину ярким светом. Д'Арси поднял взгляд... и тут же отвернулся, чтобы не ослепнуть.

На месте «Посланицы» рождалась новая звезда.

Глазам своим не веря, он сменил курс. Потрясение придало мыслям небывалую остроту. Стало понятно, откуда взялись те скелеты в Волшебном лесу и голоса в голове Жанны-Мари. Выходит, старейшины психофеноменальной церкви не только постигли искусство психотеллуризма, они с его помощью обрели трансцендентальную сущность, способность отделять дух от плоти.

По приказу О'Риордана старейшин истребляли лазерными ружьями. Однако кое-кто выжил. Сильно обгоревшие,

они бежали на неподвластные реформации планеты, ставшие твердым оплотом психофеноменальной веры. Реформатор не погнался за беглецами, уверенный, что те обречены.

До разгадки оставалось немного. Например, вспомнить, что среди уцелевших были Александр Кейн и его жена, Присцилла.

Дальше – проще. В Поднебесье чета Кейнов поняла: время поджигает, поэтому единственный способ свергнуть тирана – вселиться в кого-нибудь, ибо душа без плоти ограничена в передвижениях, а одна телепатия без слуха и зрения в поле не воин. Кому-то из супругов пришла на ум легенда о Жанне д'Арк, так родился план. Жанна-Мари оказалась идеальной кандидатурой. Недолго думая, Кейны покинули свои разлагающиеся тела и вселились девушке в сознание. Притворяясь защитниками, потихоньку воплощали в действие свой план. Лук и стрелы послужили приманкой, отвлекли внимание О'Риордана от подлинного Троянского коня – Жанны-Мари. Очутившись на борту «Посланницы», Присцилла и Александр выждали подходящий момент и, воплотив дух в чистую энергию, взорвали корабль.

Д'Арси уронил голову на приборную панель и затрясся всем телом. Потом выпрямился и, задав координаты Волшебного леса, рванул вперед на полной скорости.

Зачем возвращался?

Кто знает. Может, хотел до конца разъяснить лук и стрелы, понять, как «Иосиф-Благодетель» вместе с «Решель де Фю» устроили потоп, смывший 97-ю пехоту в Реку изобилия. А может, хотел наведаться в пещеру, навести порядок.

Да и куда ему было деваться, если в считанные секунды после взрыва уцелевший состав флотилии повернул к Земле.

Бросив челнок на поляне, д'Арси забрал лук, стрелы и со всех ног ринулся в пещеру. С порога первым делом за-

глянул в стойло – пусто.

В пещере тоже царила тишина. К горлу подступил комок. С тяжелым сердцем д'Арси приблизился к спальне. Глядя на пустую кровать, шептал: «Прости меня, Жанна-Мари».

Внезапно его внимание привлекла дверь, которую он тщетно пытался открыть неделю назад. Она оказалась не заперта и вела не в шкаф, а в другую комнату, обставленную в точности как спальня: кровать, туалетный столик, комод, маленький коврик на полу...

Поразительно! Выходит, у Жанны-Мари была сестра-близнец?

Нет, не сестра...

Окрыленный, д'Арси шагнул за порог и в лучах утреннего света увидел всадницу на прекрасном черном жеребце. При виде гостя ее лицо озарилось счастливой улыбкой. Герман О'Шонесси радостно заржал. Девушка галопом пересекла ручей и спешила на другом берегу, рядом с д'Арси.

– Реймонд, ты вернулся! Иосиф и Рашель... они говорили ждать, но я сомневалась. Реймонд, как хорошо, что ты снова здесь!

Он смотрел на нее, и голос предательски дрогнул:

– Ты... ты злишься на меня?

– За то, что украл куклу? Конечно, нет! Иосиф с Рашель так и планировали, поэтому специально уложили ее в мою кровать, а мне велели спрятаться в комнате. Понятия не имею, зачем. Как думаешь, они прилетят обратно?

– Вряд ли.

По девичьей щеке покатилась слеза.

– Как жаль. Они такие славные.

– Да, – согласился д'Арси, – а еще отважные.

Отважные, но не всемогущие. Бомбой послужила кукла, они лишь сработали как детонатор.

— На прощанье они попросили кое о чем. — С этими словами Жанна-Мари достала из колчана стрелу и вложила ее в руку д'Арси. — Попросили, если ты вернешься, пустить стрелу в небо — якобы, это тоже часть плана. Или, как они выразились, замысла.

— Хорошо, — кивнул д'Арси, натягивая тетиву.

Стрела взлетала все выше, выше... но вдруг развернулась и устремила к лучнику. Тот отскочил, но этим лишь ускорил итог. Стрела вонзилась прямо в грудь, в сердце.

Внезапно лук исчез, растворился в воздухе. Следом за ним стрелы.

Д'Арси перевел взгляд на Жанну-Мари и ахнул: перед ним стояла не очаровательная девушка, а женщина, которую он искал всю жизнь и никак не мог найти. В следующий миг она упала в его объятия, их губы слились в жарком поцелуе.

«Иосиф-Благодетель» и «Рашель де Фю» верили в счастливый конец.

НА РЕКЕ

В тот момент, когда он уже начал было подумывать, что Река предоставлена всецело лишь ему одному, Фаррел вдруг увидел на берегу девушку. Вот уже почти два дня, два речных дня, он плыл вниз по течению. Он был убежден, хотя и не мог выяснить этого наверняка, что время на этой Реке мало что имеет общего с реальным временем. Были тут и дни и ночи, это так, а от одного заката до другого протекали двадцать четыре часа. И все-таки между тем временем, в котором он когда-то жил, и теперешним существовала какая-то неуловимая разница.

Девушка стояла у самого края воды и махала маленьким носовым платком. Очевидно, ей нужно переехать на другой берег. Что ж? Работая шестом, он погнал плот по спокойной воде к небольшой заводи. В нескольких ярдах от берега плот коснулся дна, и Фаррел, опершись о шест, чтобы удерживать плот на месте, взглянул вопросительно на незнакомку. Он был удивлен при виде ее молодости и красоты, а этого,

по его предположению, никак не должно было быть. Допустим, что он сам создал ее, тогда вполне логично, что он создал ее приятной на вид. Ну, а если нет, тогда было бы крайне нелепо предполагать, что лишь только потому, что тебе тридцать лет, другим для разочарования в жизни также потребуется достичь именно этого возраста.

Волосы девушки, коротко подстриженные, были лишь чуть темнее яркого полуденного солнца. У нее были голубые глаза, россыпь веснушек усеяла ее маленький носик, слегка прихвativ и щеки. Она была тонкой и гибкой и сравнительно высокой.

— Могу ли я сесть на ваш плот и поплыть вместе с вами? — донесся ее вопрос с берега — их разделяло несколько ярдов. — Мой собственный сорвало этой ночью с причала и унесло, и я с утра иду пешком.

Фаррел заметил: ее желтенькое платье в нескольких местах порвано, а изящные домашние туфли, охватывающие лодыжки, в таком состоянии, что их оставалось лишь выбросить.

— Разумеется, можно, — ответил он. — Только вам придется добираться до плота вброд. Я не могу подогнать его ближе.

— Это ничего...

Вода оказалось ей по колено. Фаррел помог незнакомке взобраться на плот и усадил рядом с собой, затем сильным толчком шеста погнал плот на середину Реки. Девушка встряхнула головой так, словно некогда носила длинные волосы и, забыв, что теперь они коротко пострижены, хотела подставить их ветру.

— Меня зовут Джил Николс, — сказала она. — Впрочем, теперь это неважно.

— А меня Клиффорд, — ответил он, — Клиффорд Фаррел.

Она сняла мокрые туфли и чулки. Положив шест, он сел рядом с ней.

— Я уже было начал подумывать, что на этой реке я один-одинешенек.

Свежий встречный ветерок дул вдоль реки, и она подставила ему лицо, будто надеясь, что волосы начнут развеиваться. Ветерок старался вовсю, но сумел только слегка взъерошить маленькие завитки, спадавшие на матовый лоб.

— Я тоже так думала.

— По моим предположениям, эта река являлась лишь плодом моего воображения, — сказал Фаррел. — Теперь я вижу, что ошибался — если, конечно, вы сами не плод моего воображения.

Она с улыбкой посмотрела на него.

— Не может быть! А я думала, что вы...

Он улыбнулся в ответ. Улыбнулся впервые за целую вечность.

— Быть может, сама Река — аллегорический плод нашей с вами фантазии. Быть может, и вам следует пройти такой же путь. Я хочу сказать, что и вам нужно плыть вниз по темно-коричневому потоку с деревьями по сторонам и голубым небом над головой. Верно?

— Да, — сказала она. — Я всегда думала, что, когда придет время, все будет выглядеть именно так.

Его осенила неожиданная мысль.

— Я считал это само собой разумеющимся, ибо попал сюда по доброй воле. Вы тоже?

— Да...

— Наверное, — продолжал он, — два человека, выражающие какую-то абстрактную идею посредством одной и той же аллегии, способны воплотить эту аллегию в реальность. Быть может, на протяжении ряда лет мы, сами того не сознавая, вызывали Реку к существованию.

— А потом, когда время пришло, мы бросились плыть по ее течению... Но где находится эта Река, в каком месте?

Не может быть, чтобы мы все еще пребывали на Земле.

Он пожал плечами.

— Кто знает? Возможно, реальность имеет тысячи различных фаз, о которых человечество ничего не знает. Не исключено, что мы в одной из них... Сколько времени вы уже плывете по Реке?

— Немногим больше двух дней. Я сегодня несколько замешкалась, потому что вынуждена была идти пешком.

— Я на ней почти два дня, — сказал Фаррел.

— В таком случае я отправилась первой... первой бросилась плыть...

Она выжала чулки и разложила их на плоту сушить, потом поставила неподалеку от них свои запачканные туфли. Некоторое время она молча смотрела на них.

— Интересно все-таки, зачем мы все это проделываем в такое время, — заметила она. — Ну какая для меня теперь разница, будут ли мои чулки сухими или мокрыми?

— Говорят, привычка — вторая натура, — сказал он. — Прошлый вечер в гостинице, в которой остановился на ночь, я побрился. Правда, там имелась электробритва, но мне-то, спрашивается, с какой стати было беспокоиться.

Она криво усмехнулась.

— Что же, и я вчера вечером в гостинице, где остановилась на ночь, приняла ванну. Хотела было сделать укладку, да вовремя опомнилась. Похоже, не так ли?

Да, так, но он промолчал. Впрочем, что тут скажешь? Постепенно разговор перешел на другие темы. Сейчас плот проплывал мимо маленького островка. Тут, на Реке, было множество таких островков — большей частью маленьких, лишенных растительности насыпей из песка и гравия, правда, на каждом из них хоть одно деревцо, да имелось. Он взглянул на девушку. Видит ли и она этот остров? Взгляд ее подсказал ему, что видит.

И тем не менее он продолжал сомневаться. Трудно было поверить, что два человека, которые по сути никогда в глаза друг друга не видели, могли трансформировать процесс смерти в аллегорическую форму, живую до такой степени, что ее невозможно было отличить от обычной действительности. И еще более трудно было поверить, что те же самые два человека могли так вжиться в эту иллюзию, что даже встретились там друг с другом.

Все происходящее было чересчур странным. Он ощущал окружающее вполне реально. Дышал, видел, испытывал радость и боль. Да, дышал, видел и в то же время знал, что фактически не находится на Реке по той простой причине, что в другой реальной фазе действительности сидит в своем автомобиле, стоящем в гараже с включенным двигателем, а двери гаража крепко заперты на замок.

И тем не менее каким-то образом – каким, он не мог понять – Фаррел находился на этой Реке, плыл вниз по течению на странном плоту, которого он не строил и не покупал, о существовании которого не знал, пока не обнаружил себя сидящим на бревнах два дня назад. А может, два часа?.. Или две минуты?.. Секунды?..

Он не знал. Все, что ему было известно, так это то (субъективно, по крайней мере), что почти сорок восемь часов прошло с той поры, как он увидел себя на Реке. Половину этого времени он провел непосредственно на самой Реке, а другую – в двух пустых гостиницах; одну он обнаружил на берегу вскоре после обеда в первый день, другую – во второй.

Еще одна странность озадачивала его здесь. По Реке почему-то оказалось невозможным плыть по ночам. Не из-за темноты, хотя в темноте плыть опасно, а вследствие непреодолимого отвращения, которое он испытывал, отвращения, связанного со страхом и страстным желанием прервать

неотвратимую поездку на срок достаточно долгий, чтобы отдохнуть. Достаточно долгий, чтобы обрести покой. Но почему покой, спросил он себя. Разве не к вечному покою несет его Река? Разве полное забвение всего не является единственным реальным покоем? Последняя мысль была банальной, но другого ничего не оставалось.

— Темнеет, — промолвила Джил. — Вскоре должна появиться гостиница.

Ее туфли и чулки высохли, и она снова надела их.

— Как бы нам не пропустить ее. Вы следите за правым берегом, я за левым.

Гостиница оказалась на правом берегу. Она стояла у самой кромки воды. Маленький волнолом вдавался в воду на десяток футов. Привязав к нему плот за причальный трос, Фаррел ступил на толстые доски и помог взобраться Джил. Насколько он мог судить, гостиница, внешне по крайней мере, ничем не отличалась от двух предшествующих, в которых он ночевал до этого. Трехэтажная и квадратная, она сверкала в сгустившихся сумерках теплым золотом окон.

Интерьер по существу также оказался во всем похожим, а небольшие отличия зависели, безусловно, от сознания Джил, поскольку и она ведь должна была принять участие в создании этой гостиницы. Небольшой вестибюль, бар и большая столовая. На второй и третий этажи вела, извиваясь, лестница из полированного клена, а вокруг горели электрические лампочки, вмонтированные в газовые рожки и керосиновые лампы.

Фаррел оглядел столовую.

— Похоже, мы с вами отдали дань старому колониальному стилю, — сказал он.

Джил улыбнулась.

— Ну, это потому, что у нас с вами, видимо, много общего, так я полагаю?

Фаррел показал на сверкающий автомат-пианолу в дальнем углу комнаты и сказал:

— Однако же кто-то из нас немного напутал. Этот автомат никакого отношения к колониальному стилю не имеет.

— Боюсь, тут отчасти виновата я. Точно такие автоматы стояли в тех двух гостиницах, где я ночевала до этого.

— По-видимому, наши гостиницы исчезают в ту же минуту, как мы покидаем их. Во всяком случае я не заметил и признака ваших отелей... Вообще меня не покидает желание понять, являемся ли мы с вами той единственной силой, на которой все держится? Быть может, как только мы, да... как только мы уезжаем — вся эта штука исчезает. Допускаю, конечно, что она существовала и до этого вполне реально.

Она показала на один из обеденных столов. Застланный свежей полотняной скатертью, он был сервирован на двоих. У каждого прибора горели в серебряных подсвечниках настоящие свечи — то есть настоящие настолько, насколько могли быть настоящими предметы в этом странном мире.

— Ужасно хочется знать, что же все-таки мы будем есть.

— Полагаю, обыкновенную пищу, какую мы всегда едим проголодавшись. Прошлым вечером у меня оставалось денег на одного цыпленка, и именно он оказался на столе, когда я сел обедать.

— Интересно, каким образом нам удастся творить подобные чудеса, когда мы решились на такой отчаянный шаг, — сказала девушка и добавила: — Пожалуй, надо принять душ.

— Пожалуй, да...

Они разошлись в душевые. Фаррел вернулся в столовую первым и стал ждать Джил. За время их отсутствия на полотняной скатерти появились два больших закрытых крышками подноса и серебряный кофейный сервиз. Каким образом эти предметы очутились там, он не мог понять, да, впрочем, и не слишком утруждал себя этим.

Теплый душ успокоил его, наполнив блаженным чувством удовольствия. У него даже появился аппетит, хотя Фаррел и подозревал, что это ощущение столь же реально, сколь и та пища, которой ему предстояло удовлетворить его. Но какое это имеет значение? Он подошел к бару, достал бутылку крепкого пива и со вкусом выпил. Пиво оказалось холодным, вяжущим и тут же ударило в голову. Вернувшись в столовую, он увидел, что Джил уже спустилась вниз и ожидает его в дверях. Она как могла заштопала дыры на платье, вычистила туфли. На ее губах была губная помада, а на щеках немного румян. И тут он окончательно понял, что она в самом деле чертовски красива.

Когда они сели за стол, свет в зале слегка померк, а из пианолы-автомата послышалась тихая музыка. Кроме двух закрытых подносов и кофейного прибора на волшебной скатерти стояла материализованная полоскательница... При свете свеч медленно, смакуя каждый кусочек, они съели редиску, морковь. Джил налила дымящийся кофе в голубые чашечки, положила сахару и добавила сливок. Она «заказала» себе на ужин сладкий картофель и вареный виргинский окорок, а он – бифштекс и жаркое по-французски. Пока они ели, пианола-автомат тихо наигрывала в гостиной, а пламя свеч колыхалось под нежным дуновением ветра, проходившего сквозь невидимые прорези в стенах.

Покончив с едой, Фаррел направился в бар и вернулся оттуда с бутылкой шампанского и двумя фужерами. Наполнив их, они чокнулись.

– За нашу встречу, – провозгласил он, и они выпили. Затем они танцевали в пустом зале. Джил была в его руках легка, как ветер.

– Вы, наверное, танцовщица? – спросил он.

– Была...

Он промолчал. Музыка звучала как волшебная флейта.

Просторный зал был полон мягкого света и легких невидимых теней.

— А я был художником, — произнес он спустя некоторое время. — Одним из тех, чьи картины никто не покупает и кто продолжает творить и поддерживает себя обманчивыми надеждами и мечтой. Когда я впервые начал рисовать, то мои картины казались мне вполне стоящими и прекрасными. Однако этой уверенности хватило ненадолго, и, придя к выводу, что своими картинами мне не заработать даже на картофельное пюре, я сдался, и вот я здесь.

— А я танцевала в ночных клубах, — сказала Джил. — Не совсем стриптиз, но нечто близкое.

— Вы замужем?

— Нет, а вы женаты?

— Только на искусстве. Правда, я распрощался с ним недавно. С того самого момента, как взялся за раскраску визитных карточек.

— Интересно, никогда не думала, — сказала она, — что все будет выглядеть именно так. Я имею в виду процесс смерти. Всякий раз, представляя себе эту Реку, я видела себя одинокой.

— Я тоже, — сказал Фаррел и добавил: — Где вы жили, Джил?

— Рапидс-сити.

— Послушайте, так ведь и я там живу. Видимо, это каким-то образом связано с нашей встречей в этом странном мире. Жаль, что мы не знали друг друга раньше.

— Что же, теперь мы восполнили этот пробел.

— Да, это, конечно, лучше, чем ничего.

Некоторое время они продолжали танцевать молча. Гостиница спала. За окном темно-коричневая под звездами ночи несла свои воды Река. Когда вальс кончился, Джил сказала:

– Я думаю, завтра утром мы встанем, не так ли?

– Конечно, – ответил Фаррел, глядя ей в глаза. – Конечно, встанем. Я проснусь на рассвете – я знаю, что проснусь. Вы тоже?

Она кивнула.

– Это обязательное условие пребывания здесь... вставать с рассветом. Это, и еще необходимость прислушиваться к шуму водопада.

Он поцеловал ее. Джил замерла на минутку, а затем выскользнула из его рук.

– Спокойной ночи, – бросила она и поспешно ушла из зала.

– Спокойной ночи, – прозвучало ей вслед.

Некоторое время он стоял в опустевшей гостиной. Теперь, когда девушка ушла, пианола умолкла, свет ярко вспыхнул и утратил теплоту. Стало хорошо слышно, как шумит Река. Шум реки навевал Фаррелу тысячи печальных мыслей. Среди них часть были его собственные, другие принадлежали Джил.

Наконец он тоже покинул зал и взошел по лестнице. На минутку приостановившись возле дверей Джил, он поднял руку, чтобы постучать, и замер. Слышались ее движения в комнате, легкий топот ее босых ног по полу, шелест платья, когда она его снимала, собираясь лечь в постель. Потом мягкий шорох одеяла и приглушенный скрип пружин. И все время сквозь эти звуки доносился до него тихий, печальный говор Реки.

Он опустил руку, повернувшись, зашагал через холл в свой номер и решительно захлопнул за собой дверь. Любовь и смерть могут шествовать рядом, но флирт со смертью – никогда!

Пока он спал, шум Реки усилился, и к утру ее властный говор гремел в его ушах. На завтрак были яйца и бекон,

гренки и кофе, подаваемые невидимыми духами; в сумрачном свете утра слышался печальный шепот Реки.

С восходом солнца они отправились дальше, и вскоре гостиница скрылась из виду.

После полудня до них стал доноситься шум водопада. Сначала он был еле слышен, но постепенно усилился, возрос, а Река сузилась и теперь текла меж угрюмых серых скал. Джил подвинулась ближе к Фаррелу, он взял девушку за руку. Вокруг плясали буруны, то и дело окатывая их ледяной водой. Плот швыряло то туда, то сюда по прихоти волн, но перевернуться он не мог, потому что не здесь, на порогах, а там, за водопадом, должен был наступить конец.

Фаррел, не отрываясь, смотрел на девушку. Джил спокойно стояла, глядя вперед, словно стремнины и пороги для нее не существовали, как и вообще ничего не существовало, кроме нее самой и Фаррела.

Он не ожидал, что смерть наступит так скоро. Казалось, что теперь, когда он встретил Джил, жизнь должна бы продолжиться еще некоторое время. Но видимо, этот странный мир, вызванный ими к реальности, был создан не затем, чтобы спасти их от гибели.

Но разве гибель — это не то, что ему нужно? Неужели неожиданная встреча с Джил в этом странном мире повлияла на его решимость и тем более на решимость Джил? Эта мысль поразила его, и, перекрывая шум бурлящего потока и грохот водопада, он спросил:

- Чем вы воспользовались, Джил?
- Светильным газом. А вы?
- Угарным.

Больше они не проронили ни слова.

Далеко за полдень Река снова расширилась, а крутые скалы постепенно сменились пологими берегами. Где-то вдали смутно виднелись холмы, и даже небо поглубело.

Теперь грохот водопада стих, а сам водопад, казалось, находился где-то далеко впереди. Быть может, это еще не последний день в их жизни.

Наверняка не последний. Фаррел понял это сразу же, как только увидел гостиницу. Она стояла на левом берегу и появилась перед самым заходом солнца. Теперь течение было сильным и очень быстрым потребовались их совместные усилия, чтобы загнать плот за маленький волнолом. Запыхавшиеся и промокшие до нитки, они стояли, прильнув друг к другу, до тех пор, пока не отдышались. Затем вошли в гостиницу.

Их встретило тепло, и они обрадовались ему. Выбрав себе номера на втором этаже, Фаррел и Джил подсушили одежду, привели себя в порядок, а потом сошлись в столовой, чтобы поужинать. Джил «заказала» ростбиф, Фаррел – запеченную картошку и лангет. Никогда в жизни он не ел ничего более вкусного и смаковал во рту каждый кусочек. Боже, что за счастье быть живым!

Удивившись собственной мысли, он уставился па пустую тарелку. Счастье быть живым?!

Если так, то зачем сидеть в автомобиле с включенным мотором за закрытыми дверьми гаража в ожидании смерти? Что он делает на этой Реке? Фаррел взглянул в лицо Джил и по смущению в ее глазах понял, что и для нее облик всего этого мира изменился. И было ясно, что как она ответственна за его новый взгляд на вещи, так и он ничуть не меньше виноват перед ней.

– Почему ты это сделала, Джил? – спросил он. – Почему ты решилась на самоубийство?

Она отвела взор.

– Я же говорила, что выступала в ночных клубах в сомнительных танцах, хотя и не в стриптизе... в строгом смысле этого слова. Мой номер был не так уж плох, но все

же достаточно непристойен, чтобы пробудить во мне что-то такое, о чем я даже не подозревала. Так или иначе, но однажды ночью я сбежала и спустя некоторое время постриглась в монахини.

Она посидела молча немного, он тоже. Затем девушка взглянула ему прямо в глаза:

— Забавно все-таки с этими волосами, какое они могут, оказывается, иметь символическое значение. У меня были очень длинные волосы. И они составляли неотъемлемую часть моего номера на сцене. Его единственную скромную часть, ибо только они прикрывали мою наготу. Не знаю почему, но волосы стали для меня символом скромности. Однако я не догадывалась об этом до тех пор, пока не стало поздно. С волосами я еще могла как-то оставаться сама собой — без них я почувствовала себя лишней в жизни. И я... я опять убежала, теперь уже из монастыря в Рапидс-сити. Там нашла работу в универмаге и сняла маленькую квартиру. Но одной скромной работы оказалось недостаточно — мне нужно было чего-то еще. Пришла зима, и я свалилась с гриппом. Вы, наверное, знаете, как он иногда изматывает человека, каким подавленным чувствуешь себя после этого. Я... Я...

Она взглянула на свои руки. Они лежали на столе и были очень худыми и белыми, как мел. Печальный рокот Реки наполнил комнату, заглушив звуки музыки, льющейся из пианолы-автомата. А где-то на фоне этих звуков слышался рев водопада.

Фаррел посмотрел на свои руки.

— Я, должно быть, тоже переболел, — сказал он. — Видимо, так. Я чувствовал какую-то опустошенность и тоску. Испытывали вы когда-нибудь настоящую тоску? Эту огромную, терзающую вашу душу пустоту, которая окружила и давит на вас, где бы вы ни находились. Она проходит над

вами огромными серыми волнами и захлестывает, душит. Я уже говорил, что не мой отказ от искусства, которым я хотел заниматься, виноват в том, что я нахожусь на этой Реке, во всяком случае не виноват прямо. Однако тоска являлась реакцией на это. Все для меня потеряло смысл. Похоже на то, когда долго ждешь наступления веселого Рождества, а когда оно наступило, находишь чулок пустым, без рождественских подарков. Будь в чулке хоть что-нибудь, я, пожалуй, чувствовал бы себя лучше. Но там ничего не было совершенно. Сейчас мне ясно, это была моя ошибка, что единственный способ найти что-то в чулке – это положить туда требуемое в ночь перед Рождеством. Я понял, что пустота вокруг является просто отражением моего собственного бытия. Но тогда я этого не знал.

Он поднял взор и встретился с ней взглядом.

– Почему нам нужно было умереть, чтобы найти друг друга и жаждать жизни?.. Почему мы не могли встретиться подобно сотням других людей в летнем парке или в тихом переулке? Почему нам надо было встретиться на этой Реке, Джил? Почему?

Она в слезах встала из-за стола.

– Давайте лучше танцевать, – сказала она. – Будем танцевать всю ночь.

Они плавно кружились в пустом зале, музыка звенела вокруг, захватив их; лились печальные и веселые, хватающие за душу мелодии, которые то один, то другой вспоминал из той далекой жизни, которую они покинули.

– Это песня из «Сеньора Прома», – сказала она.

– А вот эту, которую мы сейчас танцуем, я слышал в те далекие дни, когда был совсем ребенком и думал, что влюблен.

– И вы любили? – спросила она, нежно глядя на него.

– Нет, не тогда, – ответил он. – И вообще никогда... до сегодняшнего дня.

– Я тоже вас люблю, – сказала она, и из пианолы-автомата полилась задушевная музыка, продолжавшаяся всю ночь. На рассвете она сказала:

– Я слышу зов Реки, а вы?

– Да, слышу, – ответил он.

Фаррел пытался пересилить этот зов, Джил тоже, но безуспешно. Они оставили в гостинице невидимых духов, пляшущих в предрассветной мгле, вышли на мостик, сели на плот и отчалили. Течение алчно подхватило их и понесло, водопад загремел победным хором. Впереди над ущельем в тусклых лучах восходящего солнца курился легкий туман.

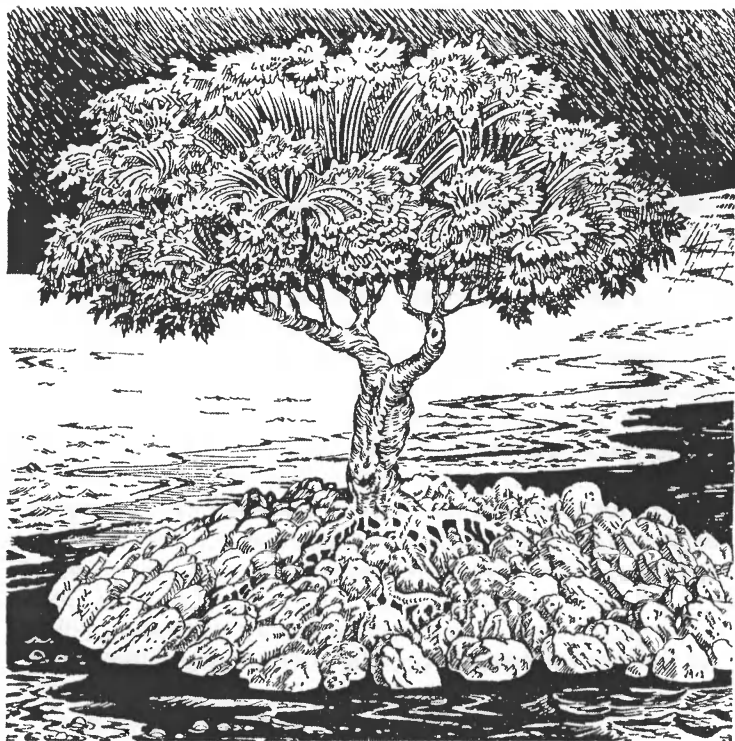
Усевшись на плоту, обнявшись за плечи, они плотнее прижались друг к другу. Теперь даже воздух был наполнен шумом водопада, и по Реке стлался сизый туман. Вдруг сквозь туман смутно замелькали неясные очертания какого-то предмета. «Неужели еще один плот?» – подумал Фаррел. Он устремил взгляд сквозь прозрачную пелену и увидел песчаный берег, маленькое деревце. Какой-то остров...

Внезапно он понял, что означают острова на этой Реке. Никто из них, ни он, ни Джил, не хотят смерти, а значит, эти островки являются аллегорическими островами спасения. Значит, еще можно отсюда выбраться живым и невредимым!

Вскочив на ноги, он схватил шест и начал толкать им плот.

– Джил, помоги-ка мне! – вскричал он. – Это наш последний шанс на спасение.

Девушка тоже увидела остров и тоже все поняла. Она присоединилась к Фаррелу, и они принялись вместе работать шестом. Но теперь течение стало свирепым, стремнины – неистовыми. Плот качало и швыряло из стороны в сторону. Остров приближался, постепенно увеличиваясь в размерах.

– Сильней, Джил, сильней, – задыхаясь, шептал Фаррел. – Нам надо вернуться. Надо выбраться отсюда.

Но потом он понял, что им ничего не удастся сделать, что, несмотря на их совместные усилия, течение продолжает нести их дальше, мимо последнего на этой Реке островка, связывающего их с жизнью. Оставался только единственный выход. Фаррел сбросил ботинки.

— Джил, держи крепче шест! — закричал он, схватил в зубы кончик линия, бросился в кипящую стремнину и поплыл изо всех сил к острову.

Плот резко накренился, шест вырвался из рук Джил, и ее сбросило на бревна. Однако Фаррел ничего этого не видел, пока не достиг острова и не оглянулся. В его руках оставалось как раз столько троса, чтобы успеть обмотать

им маленькое деревцо и крепко привязать к нему плот. Когда лень натянулся, деревцо покачнулось, плот рывком остановился на расстоянии каких-нибудь пяти-шести футов от края пропасти. Джил стала на четвереньки, отчаянно стараясь удержаться на плоту и не сорваться. Схватив трос обеими руками, Фаррел хотел подтянуть плот к себе, но течение было настолько сильным, что с равным успехом он мог бы попытаться придвинуть остров к плоту.

Маленькое дерево кренилось, корни его трещали. Рано или поздно его вырвет с корнем из земли, и плот исчезнет в пучине. Оставалось только одно.

– Джил, где твоя квартира? – закричал он, перекрывая грохот водопада и шум Реки.

Слабый, еле слышный ответ донесся до него:

– Дом 229, Локаст-авеню, квартира 301.

Он был поражен. Дом 229 по Локаст-авеню – так они же соседи! Вероятно, проходили мимо друг друга десятки раз. Быть может, встречались и забыли. В городе такие вещи случаются на каждом шагу.

Но не на этой Реке.

– Держись, Джил! – закричал он. – Я сейчас доберусь до тебя в обход.

...Неимоверным усилием воли Фаррел очнулся и оказался в своем гараже. Он сидел в автомашине, голова гудела от адской, тупой боли. Выключив зажигание, он вылез из автомашины, распахнул двери гаража и выскочил на пронзительно холодный вечерний зимний воздух. Он спохватился, что оставил пальто и шляпу на сиденьи.

Пусть! Он вдохнул полной грудью свежий воздух и потер снегом виски. Затем бросился бежать по улице к соседнему дому. Успеет ли? В гараже потеряно минут десять, не больше, но, может быть, время на Реке движется гораздо быстрее? В таком случае прошло много часов с тех пор, как

он покинул остров, и плот уже успел сорваться в водопад.

А что, если никакого плота, Реки и девушки со светлыми, как солнышко, волосами вообще нет? Что, если все это просто привиделось ему во сне, в том самом сне, который подсознание нарисовало, чтобы вырвать его из рук смерти?

Мысль эта показалась ему нестерпимой, и он отбросил ее.

Добежав до дома, Фаррел ворвался в подъезд. Вестибюль был пуст, лифт занят. Он бегом проскочил три лестничных пролета и остановился перед дверью. Заперто.

– Джил! – закричал он и вышиб дверь.

Она лежала на кушетке, лицо ее при свете торшера было бледным, как воск. На ней было то самое желтое платье, которое он видел в своем сне, но не порванное, и те же туфли, но не запачканные.

Однако волосы остались такими же, какими они запомнились ему на Реке, – коротко постриженными, слегка вьющимися. Глаза были закрыты.

Он выключил газ на кухне и широко распахнул окна в квартире. Подняв девушку на руки, он бережно отнес ее к самому большому окну на свежий воздух.

– Джил! – шептал он. – Джил!

Веки ее дрогнули и приоткрылись. Голубые, наполненные ужасом глаза, не мигая смотрели на него. Но постепенно ужас сменился пониманием окружающего, и она узнала Фаррела. И тогда он понял, что для них той Реки уже больше не существует.

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

Стадо

После игры Дэн застал Хелен рисующей «Солнечный луг при Овере».

– Опять двадцать пять! – бросил он, вручая механическому дворецкому шляпу и пальто. – Почему для разнообразия не взять другую картину?

Хелен деактивировала электронные кисти и повернулась к мужу.

– А зачем, если эта хороша? Люблю все красивое. – Жестом, подсмотренным у художницы по тривизору, она откинула со лба каштановую прядь, однако с ее лица не сходила угрюмая гримаса.

Дэн приблизился к жене и поцеловал.

– Действительно хороша. Не сердись, милая.

Его щеки покраснелись на мартовском ветру, мальчишеская улыбка согревала; искусственная ямочка на подбородке придавала мужественности. Разозлиться на мужа одно, а продолжать злиться – совсем другое; тем более, доктор Купидон, брачный консультант из тривизора, советовал отнестись с пониманием к супругам, когда те возвращаются после тяжелого рабочего дня. Поэтому Хелен улыбнулась и поцеловала мужа.

– Никто и не сердится. Может, сыграешь на органе, пока я занимаюсь ужином?

– Хорошо, – кивнул Дэн, садясь за инструмент. – А что у нас сегодня?

– Курица «Объеденье».

Хелен сняла рабочую блузу, скомкав, кинула в шредер и, повязав кокетливый передник, отправилась на кухню давать указание Большой Бриджет.

– Слушаюсь, мадам, – откликнулась та, ее базы данных вспыхнули разноцветными лампочками, неоновая кровь закручивалась по прозрачным венам. – Два «Объеденья».

Дэн тем временем задал композицию «Нола», поставил руки на обозначенные компьютером клавиши и, дождавшись щелчка, заиграл. Музыка не пленяла его так, как пальцы, порхающие над клавиатурой в унисон электрическим стимулам. Поговаривали, будто давным-давно люди сами играли, ориентируясь на диковинную штуку под названием ноты. Чушь какая! Человеку такое не по зубам. Если смотришь на ноты, не видно рук – спрашивается, как тогда попадать по нужным клавишам?

Мелодия оборвалась: орган, подобно остальным увеселительным штучкам в доме, быстро надоедал.

Бросив «Нолу» на середине, Дэн заглянул в кухню, проверить ужин. С порога в нос ударил аромат «Объеденья» – Большая Бриджет как раз доставала из кулинарного тракта дымящиеся порции.

С мисками в руках они устроились в гостиной перед огромным, во всю стену тривизором. Транслировали «Очевидца катастроф». Стратолайнер стремительно падал на землю, оставляя за собой черный след. Пара с энтузиазмом жевала куриную кашу, не отрывая глаз от экрана. Все-таки катастрофы – захватывающее зрелище!

Лайнер озарился алым. Пассажиры повыпрыгивали из аварийных люков, опалив себе все, что можно. Земля немолимо приближалась; взгляду предстал горный хребет

посреди зеленой долины, вдали вырисовывались очертания мегаполиса. Мелькнула робкая надежда, что лайнер рухнет в мегаполисе, но увы – удар, по традиции, пришелся на долину. В небе расцвел чудовищный цветок, черный с красными прожилками. Квартира содрогнулась от грохота взрыва. Запах гари и паленой плоти смешался с ароматами «Объеденья». Напоследок диктор объявил число жертв и пообещал новое увлекательное шоу.

Дэн проглотил остатки каши.

– На город ни разу не упало, – проворчал он. – Интересно, почему?

Хелен зевнула.

– Понятия не имею. – Потом спохватилась: доктор Купидон советовал больше интересоваться супругом: – Как дела на работе, милый?

Ответ сильно покачул авторитет брачного консультанта.

– Дела отвратительно. Кошмар! – Дэн вскочил и стал расхаживать по комнате. – Изо дня в день одно и то же! Новых развлечений не шлют. Месяц долбимся в «Янки – Доджерс».

– Тебе же нравится бейсбол.

– Нравится, только старье надоело. – Дэн остановился, капризно выпятив нижнюю губу – не помогала даже ямочка на подбородке. – У Микки Мэнтла случилось короткое замыкание, мяч за пределы поля выбить не может. А вчера, когда мне выпали «Янки», вообще проворонил легкую подачу! – Он грустно помотал головой. – Ощущение, что фирма нас больше не любит, иначе давно заменила бы этот хлам.

– Тс-с, не смей так говорить! Конечно любит.

– Сомневаюсь. Где уважение к человеку, в поте лица играющему по два дня в неделю вахтовым методом? Хоть бы Микки Мэнтла починили.

Дэн снова принялся мерить шагами комнату, к нему мгновенно подбежал механический щенок терьера и начал прыгать вокруг.

– Скучно сил нет!

– Тебе скучно?! – возмутилась Хелен. – А мне каково? – Доктор Купидон мысленно погрозил ей пальцем, но она мысленно отмахнулась. – Целыми днями только и делаю, что сижу дома, рисую да играю на органе!

– Зато в «Манеж» можешь ходить сколько влезет, – возразил Дэн.

– Чего ради? Новинки все равно нет, да ты и сам туда не особо рвешься.

– Согласен, – вздохнул Дэн. – В плане новых игр правительство не лучше фирмы.

Щенок встал на задние лапы, передние положил хозяину на колени, и тут же полетел в угол, отброшенный мощным пинком.

– Куда катится мир! Игры им лень придумывать!

– Надо написать президенту, – заявила Хелен, поднимаясь. – Он наверняка знает, что делать.

– Не уверен, – нахмурился Дэн. – Мы два раза писали – и тишина. Боюсь, он нас разлюбил.

– Не говори ерунды. В последней программе он клялся нам в любви, даже обещал детей.

– Он вечно обещает, – отмахнулся Дэн. – А толку?

Щенок по-пластунски выбрался из угла. Дэн занес ногу для удара.

– погоди, моя очередь, – вмешалась Хелен и с размаха пнула щенка в голову. Тот откатился в сторону, натурально поскуливая. На сердце сразу полегчало. – Вот что, давай писать президенту!

– Ну, давай, – вздохнул Дэн.

Они неохотно приблизились к пишущей машинке – одно

ее присутствие вызывало комплекс неполноценности. Хелен нажала на кнопку.

– Нам... мы бы хотели написать письмо.

Машина загудела.

– Кому?

– П-президенту.

– Секунду. – Агрегат настроился на нужную частоту. – Продолжайте.

– Г-господин президент, – проямлила Хелен, – мы... нам совершенно нечем заняться. С нетерпением ждем новых игр. Подпись: Дэн и Хелен Смит. – Ликуя, она обернулась к мужу. – Все, дело в шляпе!

Пастыри

Выпустив телефон, Хайнс наблюдал, как тот, пятясь, исчезает за дверью своей крошечной кельи, потом обвел взглядом троих помощников: толстомордого Моргенштейна, рыбаглазого Риппа и вислощекого Траска.

– Снова старик! Жалуется насчет писем. «С нетерпением ждем новых игр!» Варианта, что у нас иссякла фантазия, никто даже не допускает.

– А вам не приходило в голову дать им возможность самим придумывать себе развлечение? – осведомился Траск.

– Приходило, и сразу попало в разряд «Идиотские затеи». – Хайнс сложил изящные ладони на столешнице. – Ибо не сеют они, Траск, и не жнут... Моргенштейн, ваши предложения?

– Может, снова повысить квоту на рождаемость?

– Не потянем, – решительно возразил Хайнс. – Прокормить еще ладно, а куда их девать потом, когда вырастут? Рипп, слушаем тебя.

– Поскольку старые игры закончились, а новых нет, пуб-

лику можно отвлечь, добавив остроты в шоу-катастрофы, — заметил Рипп.

— Нельзя. Они и так острее некуда, — снова возразил Хайнс. — Пятьдесят процентов насилия и пятьдесят — расчлененки.

Тонкие губы Риппа растянулись в улыбке — ни дать, ни взять трещина на ледяной глади.

— Есть другой выход. — Он замолчал, вопросительно глядя на Хайнса. Тот кивнул. — До сих пор мы свято чтим традиции, внушая зрителям, что беда случается с кем угодно, только не с ними. Учитывая вымышленный характер событий и места действия, а также полное отсутствие названий — на них даже в лучшие времена никто не обращал внимания, — упирается все в сюжет — и здесь мы ни разу не поступились ни совестью, ни интеллектуальными ресурсами. Если наводнение, то исключительно там, где никто не живет, чтобы публика, обитающая на побережье, не начала трястись за свою шкуру. Ураган — только в захолустье, хотя их давно стерли с лица земли, но зритель-то не в курсе. Главное, он знает, что живет в мегаполисе и никакое несчастье ему не грозит. — Рыбьи глаза уставились на собравшихся. — Надо, чтобы в следующий раз бутафорный отдел устроил наводнение в декорациях прибрежного мегаполиса, ураган пусть обрушится на мегаполис в центре, а страстолайнер упадет не в лесу, а прямо на улицу — желательно, людную.

Траск возмущенно вскочил.

— Немыслимо! Люди решат...

Хайнс жестом велел помощнику сесть.

— Дай Риппу закончить.

Лицо советника вновь исказила трещина улыбки:

— Траск уже все сказал. Люди решат, что они в опасности — как раз этого мы и добиваемся. Пускай поймут:

наводнение, ураган, катастрофа могут затронуть их напрямую. Народ устал быть сторонним наблюдателем. Вот испытают на своей шкуре весь страх и ужас, мигом набросятся на игры, даже не посмотрят, новые они или нет.

Моргенштейн кивнул, жирные щеки колыхнулись в такт.

— Думаю, стоит попробовать.

Белый как мел, Траск уставился на коллег.

— Напоминает расправу, которую русский царь учинил над группой социалистов в девятнадцатом столетии, — фальцетом заговорил он. — Слыхали, джентльмены, или вас просветить? Царь приговорил социалистов к расстрелу, им зачитали приговор, дали поцеловать распятие, сломали над головой жезл. Когда первую тройку поставили к стенке, преступникам сообщили о помиловании. В результате, один даже тронулся.

— Зато другие нет, — отрезал Рипп. — Если не ошибаюсь, на том эшафоте побывал Достоевский. Как знать, вдруг этот печальный опыт дал толчок к написанию «Братьев Карамазовых». — Он повернулся к Хайнсу. — Ваше мнение?

Хайнс потер седеющий висок — верный признак сомнения, потом наконец нарушил затянувшееся молчание.

— Все верно: эмоциональные потрясения меняют людей. Возможно, царь, сам того не осознавая, стал идейным вдохновителем «Карамазовых». Но Достоевских уже не осталось. Меня больше волнует тот, что потерял рассудок.

— Врожденная чувствительность после потрясения сделала Достоевского настоящим знатоком душ, она же свела с ума более слабого в интеллектуальном плане товарища, — вклинился Рипп. — К вашему сведению, у нас отсутствуют не только Достоевские, но и склонные к безумию индивиды.

— К вашему сведению, у нас есть царь, готовый подписать приговор, и сидит он прямо за этим столом! — взвизгнул Траск.

Хайнс слегка поморщился.

— Все мы здесь, включая Риппа, делаем общее дело, и если дело требует жестких мер, винить надо его, а не Риппа. Соглашусь с Моргенштейном: стоит попробовать.

— Как бы не так! — подскочил Траск. — Лично я отправлюсь к старику и...

— Сядь, — тихо, но властно скомандовал Хайнс, в серых глазах застыл лед. — Молодец. А теперь пора восполнить пробелы в твоих знаниях, недополученных в школе. В первых, современное общество создали ни мы, ни предшествующее поколение генераторов идей. Оно возникло само по себе, всякий раз выбирая на правящие посты идеологических сторонников и подвергая анафеме инакомыслящих. В итоге новой системе удалось достичь главного — безопасности, единообразия и материального благополучия.

— За все нужно платить. Победа над Троей стоила Агамемнону верности жены; расплатой Наполеона за Москву было Ватерлоо; Перл-Харбор аукнулась японцам Хиросимой. Наказанием для нашего общества стала стерильность — не физическая, спровоцированная перенаселением, — а моральная и духовная, начисто лишившая людей созидательной искры, за исключением группы избранных. По сути, так было всегда, но не в таком масштабе. Массы испокон веков ждали свежеиспеченного хлеба и зрелищ, однако прежде соотношение творцов и потребителей не выходило за рамки разумного. Теперь, благодаря пятидневной нерабочей неделе в сочетании с творческой атрофией, творцы просто-напросто перестали существовать как класс. На нас четверых лежит ответственность за судьбы почти миллиарда человек. Мы — единственный оплот созидания в нынешнем поколении. Наша задача — сеять, хотя на неплодородной почве современных умов любой урожай обречен на гибель. Не пойми меня превратно, Траск. Ленъ — чудесное

качество, нужно только знать, как его применить. А вот если не знаешь, или, еще хуже, не хочешь, тогда оно превращается в монстра, и мы должны побороть его любой ценой. Не позволить притаившемуся в шкафу чудищу вырваться на волю. Нужно использовать любые средства, даже если они идут вразрез с устаревшим идеализмом. Повторюсь: вариант Риппа стоит попробовать. Голосуем, господа. Моргенштейн?

— За.

— Рипп?

— За.

— Триск?

— Против.

— Я за. — Хайнс нажал кнопку интеркома: — Соедините меня с бутафорным отделом.

Голые парзити

Дон Ньюкомб медленно раскручивался. Дюк Снайдер попятился к центру площадки. Близился конец игры, Бруклин опережал Нью-Йорк на одно очко со счетом 3:2; второй аут и пустые базы. Отбивал Микки Мэнтл.

Ньюкомб сделал подачу. В свете бутафорного солнца блеснул бутафорный бриллиант. Описав дугу, мяч полетел к внешнему углу поля. Мэнтл размахнулся — мимо!

— Дьявол! — выругался Дэн. — Ну кто так бьет! Точно сломался.

— Не ту команду выбрал, — наставительно заметил его коллега Гарри, — поэтому и проиграл. Ну и ладно, на дополнительный иннинг времени все равно не осталось.

Дэн обиженно выпятил нижнюю губу.

— Говорю тебе, Мэнтла замкнуло. Обычно «Янки» делают «Доджерсов» на раз-два.

Звонок возвестил окончание обеденного перерыва, и оба игрока поспешили из комнаты отдыха по кабинетам. Их примеру последовали другие сотрудники. Втиснувшись за узкий стол, Дэн уставился на прорезь в стене, откуда полчаса спустя появится карта с итоговыми цифрами вверенного ему подземного цеха. Чтобы скоротать время, рисовал закорючки в бюваре, уже сплошь покрытым каракулями. Надо бы заказать новый, пронеслось в голове.

Прозвенел долгожданный отбой. Обменявшись приветствиями со второй сменой, Дэн зашагал к табельным часам. По календарю был вторник, карта легла в верхний слот, из нижнего выпрыгнул чек.

Отстояв очередь в банк, Дэн скормил чек механическому кассиру, а тот разом погасил квартплату, налоги, бытовые товары, лекарства, продукты. В лоточке звякнули пятнадцать центов сдачи. Дэн сунул монету в карман и вышел на улицу.

При мысли о переполненном игровом счете настроение испортилось. Домой новых игр не привозили. В «Манеж» скорее всего тоже. А ведь впереди целые выходные!

Отчаяние настигло и не отставало, даже когда Дэн шагнул в гостиную поцеловать Хелен, смотревшую документальный фильм. В ожидании ужина Дэн устроился перед экраном.

Фильм рассказывал о демографическом бунте в начале двадцать первого века. Дело четы Варлеу. После рождения пятерняшек супругов арестовали: в основу сюжета легли события, развернувшиеся после ареста. Дэн наблюдал их не раз, но как истинный фанат суда Линча, решил посмотреть снова. Отчаяние отступило при виде толпы у тюремных ворот, а когда в ход пошла сварочная горелка, плохое настроение как рукой сняло! Горелка придавала двойному линчеванию особую пикантность. Легкими, как обычно,

побоями преступники тут не отделались. Под конец супруги молили, чтобы их повесили – особенно миссис Варлеу. Чего скрывать, досталось ей изрядно. Сама виновата – раньше надо было думать.

– Что приготовить на ужин, милый? – спросила Хелен, едва затихли вопли несчастной.

Дэн вздохнул.

– Что-нибудь новенькое есть?

Хелен покачала головой.

– Давно не завозили. Хочешь ягненка «Ум отъешь»?

– Давай.

Пока Большая Бриджет трудилась, Дэн исполнил на скрипке «Полет шмеля», однако вместо привычного упоения нахлынула тоска. Пустота, что с недавних пор поселилась в душе, не желала заполняться. Наоборот – она только ширилась с каждым днем.

Ужинали перед тривизором – как раз начался «Очевидец катастрофы». На экране охваченный пламенем стратолайнер устремился к земле.

– Да сколько можно! – в сердцах воскликнул Дэн.

– Надоели! – вторила Хелен. – Новый способ убийства придумать не в состоянии!

Катастрофа в точности повторяла виденную на прошлой неделе. То же озарившееся алым судно в атмосфере; те же обуглившиеся пассажиры. Тот же...

Хотя нет, пейзаж изменился. На передний план выступил мегаполис, прежде маячивший в отдалении. Город был как на ладони, взгляд различал окна домов, пешеходные дорожки, людей, мечущихся в поисках укрытия.

Дэн подался вперед, ложка с кашей зависла в воздухе.

– С ума сойти!

– Думаешь, лайнер упадет посреди улицы?

– Разрази меня гром! Похоже на то.

Следом раздался грохот. Из домов посыпались стекла. Вспыхнул огонь. Выли сирены. От криков закладывало уши. Черный, с красными прожилками дым взметнулся к небу. В гостинной запахло гарью, рождая ощущение, будто катастрофа произошла где-то неподалеку. Однако ни Хелен, ни Дэн не бросились к окну, замороженно глядя на экран. Картинка крушения погасла, уступив место урагану. Снова мегаполис – тот же или другой, не поймешь, все они на одно лицо. За ураганом последовало наводнение, землетрясение и чудовищной силы циклон.

Дэн швырнул картонную миску с ложкой в мусоропровод и, поднявшись, зевнул.

– Какие у нас планы на вечер? – спросил он и, памятуя о грядущих выходных, добавил: – А также на завтра, послезавтра и после-послезавтра?

Отчаяние тяжким грузом легло на плечи; почуяв неладное, из конуры выбрался механический терьер, Дэн наградил питомца отменным пинком.

– В «Манеже» опять глухо?

Хелен кивнула.

– Да.

– Проклятье! Даже письма не помогают!

– А вдруг им нужно время, чтобы придумать игры?

– При нынешних технологиях это максимум неделя, – парировал Дэн.

– А ты не боишься?.. – начала Хелен и осеклась.

– Боюсь чего?

– Что у них иссякла фантазия.

Бледный как полотно, Дэн забыл пнуть ластившегося к нему терьера и обессиленно рухнул в кресло.

– Не верю! Скорей всего, президент не получил наше письмо.

– Так давай напишем еще одно, – предложила Хелен, – и пошлем первым классом.

– Давай.

Супруги направились к агрегату, щенок с лаем крутился у них под ногами. Наконец Дэн повернулся, мощным ударом отшвырнул пса в угол и вновь склонился над машинкой.

Хелен нажала кнопку.

– Нам... мы бы хотели написать письмо –

Пустошь

Проводив глазами исчезающий за дверью телефон, Хайнс поймал на себе вопросительный взгляд Риппа.

– Старик звонил. Жаловался насчет писем.

Рипп был воплощенное отчаяние:

– Никак не угомонятся?

– Подавай новые игры, и точка. – Хайнс тяжело вздохнул. – Если ничего не придумаем, нам несдобровать.

Триск ликовал:

– А я предупреждал! Видите, не такие уж они бесчувственные.

Хайнс поморщился:

– Бесчувственные – полбеда. К сожалению, народ совсем расслабился, никому и в голову не придет, что с ним или с родным мегаполисом может произойти несчастье.

– По-моему, мы слишком торопимся, – заметил Моргенштейн. – Надо забить эфир катастрофами, вдруг проймет.

– Забить-то забьем, – ворчал Хайнс, – но результат очевиден. Через пару дней зрителям все надоест, и они заскучают с новой силой. Единственное решение – игры.

– А если в придачу к собаке запустить кошку? – предложил Моргенштейн. – Ее можно шпынять, наступать на

хвост, когда псина не помогает.

– Игры, – повторил Хайнс. – Больше нас ничто не спасет. Людей нужно развлекать, а не отвлекать. – Он обвел собравшихся пристальным взглядом. – Есть идеи?

Все молчали.

– Ладно, попробуем иначе. Думать будем в одиночку, а утром поделимся соображениями.

Советники разошлись, Хайнс остался один в конференц-зале. За огромным окном сгустились сумерки, огни Мегатполиса №6 сияли словно стая светляков, летящих неведомо куда.

Председатель встал, подошел ближе – вопреки обыкновению вечерний пейзаж не нагонял тоску; вдохновившись, он всецело отдался потоку сознания.

На месте огней зеленел луг, засаженный густой травой и деревьями. Внезапно на опушку выскочил красавец-олень и замер. Грянул выстрел, над кустами взвился черный дымок. Встрепенувшись, олень бросился вниз, словно надеялся скрыться в недрах земли. Ветвистые рога вспахали борозду. Ноги животного судорожно дергались в воздухе.

Из чащи возник охотник и пустил в оленя вторую пулю. Тот затих.

Пинать собак это хорошо, но не идет ни в какое сравнение с охотой. Ни тебе удовлетворения, ни чувства гордости. Пса не привяжешь к багажнику, чтобы похвастать своей удалью в ближайшей таверне. Во-первых, багажники вместе с машинами канули в лету, а во-вторых, собачками для битья теперь не удивишь – у всех друзей-приятелей есть такие, да и шпынять животное особого ума не надо.

Вот и получается – времени охотиться полно, только охотиться не на кого. Даже будь в лесу зверь, охоту непременно запретили бы, чтобы не плодить охотников – как когда-то поступили с автомобилистами.

В конечном итоге упирается все в три слова: слишком много народу.

Народу много, работы мало. Впрочем, язык не повернется назвать работой жалкую синекуру, именуемую игрой.

Заставить работать по-настоящему?

Ну и чушь лезет в голову! Испокон веков машины трудятся, люди играют – точка.

Но допустим, работа есть. Только не настоящая, а игрушечная!

Принцип – как в настольной. Поле, фишки, клеточки, типа «РАБОЧИЙ ДЕНЬ НАЧАЛСЯ», «ВАС ПОВЫСИЛИ, ПЕРЕЙДИТЕ НА ПЯТЬ КЛЕТОК ВПЕРЕД» или «ВЫЗВАЛИ НА КОВЕР. СДЕЛАЙТЕ ТРИ ШАГА НАЗАД».

А еще лучше устроить в каждом районе по игрушечному заводу, с игрушечными станками, где офисный планктон сможет коротать выходные. Вот только где взять помещения, ведь все занято либо под дома, либо под «Манежи».

«Манежи»!

Мысли неслись галопом, но Хайнс решительно взял их под уздцы. Основная проблема никуда не делась. Да, из «Манежей» получатся отменные игрушечные заводы, и переустройство займет максимум неделю. Но! Заводы хороши для мужчин, а куда девать женщин? Хайнс задумался. Кажется, во времена до автоматизации домохозяйка с утра спешила на кухню, чтобы дать распоряжения Большой Берте... нет-нет, она шла зажечь плиту! Так и представляю, как жена, проводив мужа «на работу», бросает в мусоропровод пустые миски, приборы... нет-нет, она несет грязную посуду в раковину и моет!

Окрыленный, Хайнс в два прыжка добрался до интеркома.

– Соедините меня с Моргенштейном, Риппом и Траском! Да поживее!

Земля обетованная

«Манеж» сиял и переливался огнями. В вестибюле висели огромные часы, по обеим сторонам тянулись ряды пропускных карт. С трудом отыскав свою, Дэн опустил ее в прорезь под циферблатом. Клац! – карта вернулась с отметкой 7:00 и тут же легла на свое место в соседнем ряду. Дэн ступил под своды фабрики, где у пластмассовых станков трудились сотни мужчин. Дэна распирало от гордости – скоро и он приобщится к таинству.

Мастер подвел новичка к токарному станку из пластмассы и принялся объяснять его устройство. Дэн поставил новехонькую коробку для ланча на скамеечку и весь обратился в слух.

– Значит, здесь мы производим комплектующие для стратодвигателей. Вот капсуль. – Мастер выудил из коробки пластмассовый цилиндр. – В общем, берёшь, зажимаешь в тиски. Потом сверлишь, шлифуешь, фрезеруешь, закругляешь кромки. Сделал – и на полку, в табеле проставляешь единицу. Усек?

Дэн кивнул.

– Сам понимаешь, никакого такого капсуля в природе нет, – продолжал мастер, – да и будь он взаправду, на бутфорном станке деталь не выточить. Зато так интересней. Согласен?

– А то! – Дэн взял из коробки очередной капсуль, закрепил, просверлил, отшлифовал, отфрезеровал, закруглил кромки, вытащил и сделал пометку в протянутом мастером табеле.

– Молодец, схватываешь на лету, – похвалил мастер.

Дэн просиял.

Восемь часов спустя, сияющий, он спешил домой.

Там его встречала сияющая Хелен.

– Скорее что покажу! – твердила она, увлекая мужа на кухню, где стояла пластмассовая плита, раковина с открытым краном, пластмассовая посудомойка, гладильная доска и на ней бутаторный утюг. Полая духовка находилась как раз вровень с фартуком Большой Берты.

– Смотри! – Хелен достала из духовки две миски с дымящейся кашей. – Сама приготовила!

– Предчувствую, нас ждут насыщенные выходные, – возликовал Дэн. – У меня завод, у тебя куча дел по дому.

У Хелен вырвался радостный вздох:

– Подумать только – целых пять дней сплошной работы!

ЗАГАДАЙ ЗВЕЗДУ

...всякое наше созерцание есть только представление о явлении, ... вещи, которые мы созерцаем, сами по себе не таковы, как мы их созерцаем, и ... отношения их сами по себе не таковы, как они нам являются, и если бы мы устранили наш субъект или же только субъективные свойства наших чувств вообще, то все свойства объектов и все отношения их в пространстве и времени, и даже само пространство и время исчезли бы...

Иммануил Кант «Критика чистого разума»¹

I

Я часами бродил по улицам нижнего города, не сознавая, что делаю. К исходу дня добрался до гетто, и когда уже сгущались ноябрьские сумерки, подошел к лачуге, которую делил с Актусом.

Я не мог поверить, у меня просто не укладывалось в голове, что на афише у входа в «Театр стриптиза» была та самая девушка, о которой я грезил больше восьми лет. Как такое возможно? Как заставить себя осознать, что моя богиня бездны на самом деле всего лишь любовница какого-то аристократа-военного, жалкая подиумная шлюха, которая подставляет свое тело огням рампы, теща самолюбие хозяина.

¹ Перевод Н. О. Лосского.

Когда я вошел, Актус словно почувствовал мое настроение. Однако его уродливое лицо осталось бесстрастным, и он не задал ни вопроса. Просто встал из-за стола, зажег фонарь, свисающий с покоробленной железной крыши, и снова уселся. Я снял старенькую куртку и опустился напротив.

Рассказал об афише. От долгой прогулки разнылась искалеченная нога, вплетая новую боль в мои мучительные мысли. Когда я закончил, Актус не выказал ни капли удивления, как, впрочем, и сочувствия.

Он просто сказал:

– Тебе бы радоваться, Алан. Теперь ты знаешь, что девушка из твоего сна реальна.

Я покачал головой.

– Там было только изображение, а не она сама. Даже не фотография, а просто похабная картинка. Я не могу принять это как доказательство ее существования.

– Не можешь, потому что не хочешь. Ты идеализировал эту девушку, наградил ее всеми мыслимыми женскими добродетелями. А теперь, когда она не оправдала твоих ожиданий, подозреваешь в отсутствии тех качеств, что ей приписал. Вот и не можешь ее принять. Однако, боюсь, у тебя нет выбора, Алан. Посуди сам, как она может быть другой? Нам следовало давным-давно догадаться, что если девушка из твоего сна существует в нашей реальности, то единственно как стриптизерша и любовница аристократа.

Желтый свет фонаря выхватывал из темноты резкие черты лица напротив. Глаза под нависшими глыбами кустистых бровей, тени под выступающими краями скул. Лицо скорее неандертальское, чем благообразное, плечи тоже словно обезьяньи, а не человеческие. А меж тем, Актус был одним из самых блистательных метафизиков своего времени – Кантом двадцать первого века, только вдали от Кенигсберга и без издателя.

– Расскажи-ка мне еще раз свой сон, Алан, – сказал он, помолчав.

– Вначале была пустота и ощущение неимоверной скорости. Восемь с половиной лет назад...

Я повторял эти слова уже столько раз, что выучил наизусть. Бессильные, глупые опорные слова, которые падают на землю, когда пытаешься что-то из них построить. Слова слишком тусклые и неспособные передать ужас, красоту и мучительность реальности, которую я познавал по ночам и пытался забыть днем.

Наверное, так продолжалось почти год, и только потом я понял, что в том сне, в реальности сна глаза мои закрыты. Но даже после того, как я их открыл, зрение различало немногое. Я увидел две смутные человеческие фигуры, одну рядом, другую – чуть дальше, и обе, похоже, стояли лицом ко мне. Затем я обнаружил, что, напрягшись, могу разглядеть одну из них.

Понадобились многие недели и бесчисленное количество снов, прежде чем я понял, что мой ближайший спутник – красивая девушка, одетая в синее пальто и белое платье, и я никогда ее прежде не видел.

Глаза у нее были закрыты, и она долго их не открывала. А когда открыла, то долго, изо сна в сон, смотрела на меня. Так же старалась увидеть меня, как недавно и я сам. А когда наконец увидела, растерялась. Стало ясно, что я ей совершенно незнаком, и мы прежде не встречались.

Мы трое словно парили в сером небытии. Вокруг не было ни света, ни тьмы – даже пространства, кроме того, что разделяло наши тела. Тем не менее, даже без света я мог видеть; и даже без пространства ощущал движение – с невероятной скоростью, из одной точки в другую.

Я начал различать третью фигуру почти через год после того, как впервые «открыл глаза». Узкая грудь, длинные

прямые руки и ноги. Одежда как на аристократах-военных. Постепенно вырисовывались все новые и новые детали, и я увидел забрызганную кровью грудь серой приталенной шинели.

Лицо, которое сначала выглядело как красноватый туман, со временем превратилось в мясистый с серыми пятнами сгусток. Однако даже тогда я не представлял себе всего ужаса. И лишь заметив отсутствие лба, глаз, носа, рта и подбородка, понял, что это вовсе не лицо, а его изуродованные остатки.

Девушка, похоже, осознала, что наш спутник не имеет лица, почти одновременно со мной: ее кожа побелела, тело напряглось, губы открылись в беззвучном крике. Взгляд остекленел, и прошел не один сон, прежде чем ее глаза снова прояснились. А когда это все-таки произошло, они обратились ко мне, и мы больше никогда не смотрели на нашего жуткого компаньона.

Хотя мы с девушкой не раз пытались пообщаться, все сводилось к чтению по губам, ибо во сне звуки отсутствовали. Однако мне так и не удалось различить ничего, кроме простейших односложных слов, и, похоже, она понимала не больше.

Отсутствие звуков было далеко не самым странным, наш сон отличался от обычного куда разительнее. Он был необычайно связным – насколько я мог верить собственным ощущениям – и приходил всякий раз, стоило мне заснуть или даже ненадолго вздремнуть. И хотя с годами он обрстал новыми деталями, становясь все более и более жизнеподобным, сама его суть никогда не менялась.

В последнее время я начал замечать в себе – в том, из сна – растущие перемены. Вероятно, они начались уже давно, еще с первого раза. Не знаю. Знаю только, что в реальности сна моя изуроченная нога постепенно исцелялась и

стала почти нормальной. А недавно я заметил в себе – уже в настоящем – еще одно изменение. Мне все чаще начинало казаться, что реальности поменялись местами. Будто истинная моя жизнь – во сне. А то жалкое существование, которое я влачу в прогнившем мире военной аристократии – не более чем сон...

Лачуга наша не отапливалась, но лоб у меня покрылся холодным потом, и я смахнул его. Снаружи поднялся ветер и с неумолчным шелестом гнал по улицам гетто опавшие листья.

Я глянул через стол на Актуса в надежде, что пересказ сна по сто первому кругу дал толчок озарению, которого ждал мой собеседник. Но, даже если это и произошло, его неандертальское лицо-скала осталось непроницаемым.

– Ты все еще не знаешь, да? – спросил я.

Улыбка коснулась его уродливых губ.

– Я отчасти похож на тебя, Алан. Ты прекрасно знаешь, что на сегодняшней афише под навесом театра видел ту самую девушку из сна, о которой грезил все эти годы. Однако не хочешь, чтобы она оказалась пустышкой-проституткой, и оттого закрываешь глаза на очевидное. Я же, со своей стороны, знаю, что твой сон имеет прямое отношение к принципам бытия, но не приемлю очевидного, поскольку оно не укладывается в рамки дорогих моему сердцу онтологических теорий. Поэтому я его отрицаю и буду отрицать, пока связь между твоим сном и моей работой не станет слишком явной.

– Но что между ними общего?

– Пока тебе рано знать. Сейчас важнее, чтобы ты принял неприятное знание. Когда это произойдет, возвращайся сюда, и я в свою очередь тоже попытаюсь его принять. Если нам обоим удастся, мне будет проще рассказать о природе этой связи, а тебе – понять меня.

То есть, ты хочешь, чтобы я сходил в «Театр стриптиза» и посмотрел выступление девушки?

Актус кивнул.

– Больше ее никак не увидеть, а тебе нужно решить для себя, та ли она девушка из сна. – Подняв косматую руку, он глянул на часы-перстень. – Сейчас 19:30. Если поторопишься, успеешь к началу представления.

II

Стоял конец ноября, и под одежду забирался промозглый ветер, однако у «Театра стриптиза» старуха-цветочница все равно торговала фиалками. Правда, это были бумажные фиалки – не более странные в нижнем городе, чем количество военных на одного штатского или популярность развлечения, ущебного по своей сути.

Я остановился перед изображением девушки из сна. Идти в театр не хотелось. Разномастная толпа обитателей нижнего города обтекала меня, словно грязная река. Похотливые красные буквы над входом складывались в надпись «БОГИНЯ ДИАНА». Та же надпись повторялась на афише, но уже без эффектной неоновой подсветки.

Картинка была в полный рост, трехмерная проекция здешней примы, главной подиумной шлюхи... или богини стриптиза, если пользоваться более завуалированным определением. В длинных ногах и изящных бедрах, в бутонах полускрытых грудей и белоснежном цветении плеч было что-то сродни поэзии – но лицо женщины...

На меня вновь нахлынули чувства, которые я испытал, впервые увидев ее изображение. Грудь сдавило, неслышимый окружающим грохот сердца заглушал все звуки. Это лицо было жестким и искушенным, вовсе не тем ласковым и сострадающим, что я привык видеть во сне. Однако мяг-

кие каштановые волосы оказались теми же, как и широко расставленные глаза – голубые, словно небо в июне. И хотя чувственный рот изгибался в бесстыдной улыбке, в самих губах проглядывала нежность, а нарумяненные щеки еще хранили намек на девичьи ямочки.

Она не могла быть кем-то другим, отрицать более не имело смысла. Как заметил Актус, нет ничего удивительного в том, что она нашлась в «Театре стриптиза». Как и всех красивых женщин, ее присвоила элита, и теперь владец выставляет свое приобретение на сцене, чтобы потешить тщеславие. Но, как бы я ни пытался, все равно не мог смириться с очевидным.

Годами девушка из сна оставалась для меня лучезарным символом всего утраченного цивилизацией, мерой всех мер, и я хотел, чтобы такой она и осталась.

В театре я нашел свободное место в задних рядах, зато совсем близко к оконечности сверкающей подковы подиума. Над головой высоким полукругом зал огибали ложи, где военные аристократы, развалившись на антикварных диванах, потягивали изысканные вина из бокалов тончайшего стекла. Изукрашенные самоцветами ножны мечей искрились в свете старинных люстр, мерцали линзы раздвижных моноклей, пресыщенные лица румянились в предвкушении.

Я знал истинную причину их нетерпения. На первый взгляд, выставление напоказ своих любовниц могло показаться пережитком той псевдодемократии, что существовала в армии до катастрофы. Ничего подобного: элитой двигало исключительно честолюбие. Рядовые со штатскими могли сколько угодно вожделеть из партера этих женщин, но и только.

За миг до того, как в зале померк свет, я увидел Дестейла, коменданта города. Главная ложа нависла надо мной, и, чтобы взглянуть на его порочное лицо, пришлось изогнуть

шею. За мной водилась привычка, заметив его в толпе, смотреть в глаза и говорить, насколько это удавалось без слов, что я на самом деле думаю о нем и системе, которая его породила.

Я не раз оскорблял его взглядом прежде, не упустил случая и теперь. Однако, если Дестейл и замечал мое существование, его белесые глаза никак этого не выдавали.

Вскоре свет померк, и я повернулся к подиуму. Раздвинулся занавес, и на сцену упал широкий луч голубого света, выхватив из темноты кордебалет. Из динамиков полились первые звуки увертюры к «Либидо», и девушки принялись жеманно прохаживаться по подиуму.

Круг света следовал за ними, окутывая полуобнаженные тела дымкой цвета индиго. Собственность младшего офицерского состава, эти красотки, тем не менее, тщательно отбирались по коллективным фермам и городским гетто. По партеру прокатился беззвучный вздох — рядовые военнослужащие и гражданские рабы бессильно созерцали недосягаемое.

После того, как в круге прогулялись все девушки из кордебалета, появилась первая богиня стриптиза. На ней был обычный набор тонких, как паутинка, шалей, и она снимала их по одной, презрительно отбрасывая в партер дерущейся толпе солдат и штатских. Выступление было рассчитано так, что, сняв последний шарф, она возвращалась, и занавес опускался.

Однако еще до того, как девушка ушла, я понял: это не богиня Диана.

Следующая тоже не была ею, и следующая, и следующая. Прима обычно выходила в конце. Я сидел, ожидая, когда закончится скучная чередка цветных огней и жеманных походочек, и чувствовал растущую горечь. Хотелось встать и уйти, сохранить в душе то небольшое, что осталось от мое-

го идеала, но я не тронулся с места. Невзирая на возможное разочарование, я должен был узнать, правда ли девушка на афише – моя девушка из сна.

Наступила пауза. Затем в заключительную часть «Либидо» ворвался грохот диссонирующих ундецимов, и занавес раздвинулся, явив богиню в ореоле чистейшего золотого света.

Я понял: это она, та самая!

Диана медленно двинулась в обход сцены. Не жеманно, как другие, а степенно и грациозно. Сняла с себя первую шаль – та бледной бабочкой слетела с пальцев. Она подходила все ближе, и я упивался ее реальностью. Вопреки моим ожиданиям, вкус оказался не горьким, а сладким и дурманящим – аура достоинства высоко поднимала ее над вульгарным окружением, отгораживая от навязанного ей образа жизни.

Дойдя до дальнего конца подиума, она на мгновение остановилась, сняла очередную полупрозрачную шаль и бросила в партер. И в этот миг наши глаза встретились.

Я понял, что жесткое выражение лица с афиши – не более чем игра театральной актрисы, потому как в лице, которое плыло надо мной в золотой дымке светового круга, не было ни тени надменной пресыщенности. Такое же ласковое участливое лицо я видел во сне, и никакая бесстыдная улыбка не уродовала нежных губ, не затмевала летнюю голубизну глаз.

Встретив мои, ее глаза расширились – вначале потрясенно, потом недоверчиво. Она внезапно потупилась, и золото ее шеи потемнело от бросившейся к лицу крови. Девушка отвернулась и пошла дальше. Однако ее походка лишилась прежней неторопливости, и, хотя зрители вопили, требуя продолжения похотливого пиршества, больше им не перепало ни одной шали, и занавес вскоре опустился, скрыв божественное тело.

Выбравшись из зала на улицу, я помедлил под навесом у входа. Представление закончилось, и меня со всех сторон толкали солдаты со штатскими, во множестве выходившие из театра. Заметно похолодало, и сквозь ажурные переплетения дорожек верхнего города над головой падали снежные хлопья.

«Она узнала меня, — подумал я. — Она поняла, кто я».

Логический вывод ошеломлял: она тоже видела мой сон! Но почему она застыдилась? Кажется, я знал ответ: ее не заботило, что думает о ней безликая толпа в партере и извращенцы в ложах, но волновало, что думаю о ней я, потому что она хотела моего уважения. Возможно даже, мое присутствие во сне успокаивало ее точно так же, как меня — ее, и она нуждалась во мне не менее отчаянно.

Внезапно я понял, что должен увидеть ее, должен коснуться ее лица, волос. Должен поговорить с нею о нашем сне. Скоро она со своим хозяином сядет на крыше театра во флаер и улетит. Надежда перехватить ее там представлялась слабой, но иной у меня не было.

Я вернулся в театр и пошел по окаймляющим партер коридорам. От холода больная нога разболелась, и я подошел к лифтам, хромая. Их построили еще до того, как город переиначили, превратив в архитектурный символ армейской кастовой системы. Тогда между штатскими и офицерами еще существовало какое-то подобие равенства, и в верхний город нас допускали. Однако, когда военная диктатура урезала права гражданских, низведя нас до уровня простых солдат, об этом пришлось позабыть, и лифты встали за ненадобностью. Я надеялся найти тот, который еще работает, так как другого пути на крышу для меня не было.

Мне повезло. Кнопка третьего лифта отозвалась, и мгновение спустя я ступил под обжигающую холодом метель.

Нашел темный уголок на крыше театра и встал на ветру, ожидая.

Надо мною парили тусклые от налипшего снега огни флаеров. Справа были лифты лож, и всякий раз, когда наружу выходил аристократ-военный с любовницей, один из флаеров спускался и подбирал их. Я продолжал надеяться, что Диана еще не улетела, хотя уже понял: на разговор рассчитывать бесполезно. Зато, по крайней мере, я мог выяснить, кто ее владелец, сколь бы горьким ни было такое знание, а значит, где ее искать, сколь бы бесполезно это ни было.

Внезапно меня охватило осознание абсурдности ситуации. Заурядный штатский раб воспылал желанием встретиться с любовницей аристократа! Ветер с хохотом налетел из-за карниза, глумясь над моей потрепанной одеждой. Искалеченная нога разболелась с новой силой. И в этот миг из лифта появилась Диана под руку с блистательным офицером.

Когда я узнал владельца девушки, смех ветра превратился в безумное крещендо. Следовало бы догадаться, что богиня с подиума окажется собственностью самого высокопоставленного офицера в ложах. Женщина Дестейла, чья же еще!

Они прошли совсем рядом с моим укрытием, за ними спустился флаер больше и роскошнее остальных. На худом заостренном лице Дестейла играл гордый румянец собственника — я был готов убить этого человека голыми руками. Однако меня отрезвила мысль о фотонных пистолетах охраны, и я лишь в оцепенении смотрел, как Диана, теперь уже в норке и бриллиантах, забирается в ярко освещенное нутро флаера в сопровождении своего любовника. Машина, урча, поднялась и ушла в ночь, скрывшись за косым снегом и равнодушной темнотой.

Выждав немного, я тенью проскользнул обратно к лифту, вернулся в нижний город и направился в гетто, где меня ждал Актус.

III

Радиоактивные осадки, выпавшие по всему миру в 1969 году, доказали бессмысленность ядерных ударов. Воевать никому больше не хотелось. Западная диктатура, которая установилась вслед за катастрофой, настолько слабо отличалась от диктатуры на Востоке, что и причин драться не осталось.

Диктатура стала неизбежным следствием военного положения, объявленного после осадков. Военные узурпировали власть, сбросив термоядерную бомбу на Вашингтон, когда Конгресс собрался на заседание, а президент находился в Белом доме.

После двух продуманных политических убийств в собственных рядах военные аристократы, как они теперь себя называли, объявили, что отныне как морские, так и воздушные вооруженные силы будут подчиняться командованию сухопутной армии. Воинская повинность приобрела чудовищные масштабы, пожирая каждого гражданского старше шестнадцати лет. Заводы и фабрики превратились в военизированные формирования с рабочими-рядовыми, мастерами-сержантами и директорами-офицерами. Физически ущербных граждан, не сумевших устроиться в мелком городском бизнесе, отправляли на коллективные фермы, подчиненные ближайшей военной комендатуре.

Однако и мелкие предприятия обернулись каторгой, когда элита понизила общественный статус гражданских, сделав их столь же бесправными, как рядовые солдаты. Последние не выиграли от нового порядка вещей, зато штат-

ские обнаружили, что за пребывание в городах теперь придется платить унижениями, честью своих дочерей и уничтоженной собственностью. В результате за пределами каждого военного полиса выросли беспорядочные скопления наскоро построенных лачуг.

К 2030 году школы и университеты еще действовали, и Актус был доктором метафизики в одном из последних. А затем, как всегда внезапно, власть предержащие решили, что им не нравятся образованные калеки – к тому времени в аудиториях Лиги Плюща не осталось других учеников – и армейский сапог опустился с сокрушительной силой. Все гражданские учебные заведения были объявлены вне закона, а их сотрудники – подвергнуты гонениям.

Впервые я увидел Актуса в сточной канаве гетто, где его бросили умирать подручные Дестейла. На мощном запястье еще прощупывался пульс, и я как-то сумел затащить громадное тело к себе в хижину. Была поздняя ночь, и здешнего доктора пришлось вытаскивать из постели. Неандертальская голова и обезьяноподобное тело кровоточили от многочисленных побоев, однако, закончив обрабатывать раны, доктор уверил меня, что пациент выживет.

Актус и впрямь выздоровел быстро. За считанные дни его длинные руки и короткие толстые ноги вновь налились силой. К концу недели он уже мог ковылять по комнатушкам без моей помощи. Его рассказ подтвердил то, о чем я и так догадывался: Актус был одним из немногих потомков тех, кто пострадал от радиоактивного загрязнения, мутант в третьем поколении, и входил в штат одного из последних университетов, ощутивших тяжесть военной машины.

Первым же делом он изложил мне свою онтологическую теорию...

Хотя жителям гетто приходилось калечить собственных детей, чтобы уберечь от призыва в армию, они продолжали

плодиться — как бы то ни было, дети не только причина, но и смысл человеческого существования. Однако мутанты в третьем поколении были поголовно стерильны и вынуждены искать другие способы наполнить жизнь смыслом. Философия — один из таких способов, и шаг от философии к метафизике естественен. Ну, а если вы мутант, отчаянно жаждущий лучшего мира, то сделаете и следующий, последний шаг. Онтология — изучение фундаментальных принципов бытия — была для моего друга единственным *raison d'être*¹.

Актус сидел за столом, уставившись на собственные руки.

— Ну, как все прошло, Алан? — спросил он, глянув на меня.

— Она любовница Дестейла.

Он снова опустил глаза. По его крупному телу прокатилась дрожь.

— Вот как... Дестейл, значит. — Он резко встал. — Ты уже принял свое неприятное знание, теперь моя очередь.

Схватив фонарь и махнув мне следовать за собой, Актус затопал в соседнюю комнату, которую в шутку называл «своей лабораторией». Именно здесь он занимался онтологией, суть которой, по его определению, заключалась в свободе от механических приспособлений. Единственной его «аппаратурой» были книжные полки, достаточно просторные, чтобы вместить пухлые записные книжки, койка, достаточно крепкая, чтобы выдержать его вес, и небольшой стол.

На столе лежала только что нарисованная астрономическая карта. Цветная, безупречно выполненная, она изображала двойную звезду — бело-голубой гигант и крошечный

¹ смысл существования (фр.).

белый карлик. Вокруг них на орбитах находились девятнадцать планет – вряд ли многим крупнее точек, но каждая старательно закрашенная сообразно преобладающей флоре либо ее отсутствию.

Актус поставил фонарь на ближайшую полку и нагнулся над картой, словно волосатый бог, созерцающий свое последнее творение. Обезьянобог над чертежами проекта новой реальности.

Он поднял на меня глаза.

– Хочу вкратце повторить свою теорию... Разум человека создает субъективную реальность при участии других разумов. Двух одинаковых реальностей не бывает, как не существует и двух абсолютно идентичных разумов. Однако общее сходство всегда прослеживается, кроме тех случаев, когда из-за различных жизненных обстоятельств у индивидуума возникает настоятельная потребность создать для себя дополнительную субъективную реальность. Если можно так выразиться, шизо-реальность, от греческого *σχίζω* – «раскол». Однако сама приставка «шизо» уже намекает на несовершенство этой реальности: она недостаточно полна, чтобы подменить собой ту, из которой хочет убежать шизофреник, вследствие чего он вынужден жить сразу в обеих.

Субъективную реальность можно сравнить с силовым полем идей, которое генерирует человечество. То есть, это массовая реальность или, если продолжить концепцию Беркли¹, массовое *esse est percipi*: «существовать значит быть воспринятым как идея» всем человечеством. Мы не в состоянии постичь материальную вселенную, однако все

¹ Джордж Беркли (1685–1753) – английский философ, известный своей системой спиритуалистической философии. Последовательно развивал тезис, что «бытие – это либо то, что воспринимается, либо тот, кто воспринимает».

же должны признать ее существование и допустить, что та реальность, частью которой мы являемся, состоит не только из субъективного силового поля, но и из лежащей в ее основе «вещи в себе». Познать истинную природу последней мы не можем из-за априорного¹ фактора своей интуиции. Как сказал Кант, «что касается формы... многое можно сказать *a priori*, но никогда ничего нельзя сказать о вещи самой по себе, которая могла бы лежать в основе этих явлений».

Возьмем, к примеру, этот стол. Никто из нас не способен воспринимать его без привязки к определенной точке пространства-времени. Однако как вещь в себе он лишен пространства и времени. Это наше априорное знание наделяет его и тем, и другим.

И наоборот, никто не мыслит пространства и времени отвлеченно от объектов или событий. Если не веришь, закрой глаза и попробуй сосредоточиться на чистом пространстве и чистом времени. Обнаружишь, что не в силах представить ни то, ни другое. Уже одно это доказывает, что они не часть вещи в себе, а плод нашего разума.

Следовательно, можно предположить, что вещь в себе нам откроется, только если мы сумеем освободить свой разум от влияния априорного фактора. И хотя мы не сможем обычным способом перемещаться из одной точки в другую, ибо как пространство, так и время будут отсутствовать, нам, возможно, удастся переместиться совершенно иначе: *изменив свою индивидуальную субъективную реальность*.

Иными словами, если мы создадим настолько достоверную индивидуальную реальность, что она заменит собой массовое силовое поле идей, то сможем передвигаться из

¹ Априори (лат. *a priori* – буквально «от предшествующего») – знание, полученное до опыта и независимо от него, т. е. знание как бы заранее известное.

одной субъективной точки в другую, из одного субъективного мира в другой или из одной субъективной солнечной системы в другую. А если мы сделаем эту новую реальность достаточно жизнеподобной, у нас получится забрать с собой и других — возможно, все человечество.

Например, если я сумею освободить свой разум от влияния априорного фактора и одновременно придумаю субъективную реальность на девятой планете Сириуса, которая окажется жизнеспособнее нашей текущей реальности на Земле, то мы тотчас материализуемся в той новой реальности! Таким образом, мы совершим мгновенную телепортацию без помощи примитивных передатчиков массы и прочих машин, которые так и не смогли построить армейские ученые.

Ты хочешь возразить, что в системе Сириуса, возможно, нет девятой планеты, а то и вообще никаких планет? Не забывай, мы имеем дело с субъективной реальностью, а в ее рамках все, что кажется настоящим, и есть настоящее. Других критериев просто нет! Например, откуда нам знать, существует ли на самом деле третья планета от Солнца, или, если на то пошло, само Солнце? Однако из прагматичных соображений мы охотно принимаем реальность земли, на которой стоим, воздуха, которым дышим, и объектов, которые воспринимаем.

По сути дела, при создании альтернативной реальности подобного рода нужно выполнить единственное условие: она должна казаться более настоящей, чем массовая реальность, частью которой мы являемся и которую хотим покинуть. Такая субъективная реальность должна быть тщательно, до мелочей продумана, ибо, если она хоть в чем-то уступит массовому полю идей, движение сквозь вещь в себе окажется невозможным, даже если фактор *a priori* нейтрализован.

Карта на этом столе в общих чертах отражает мое видение системы Сириуса. Она помогает мне думать, но без нее можно и обойтись. — Актус махнул на заставленные записными книжками полки, что покрывали все четыре стены комнаты. — Вот истинная квинтэссенция моей альтернативной реальности: дубликаты и вариации всех объектов восприятия, как прошлых, так и будущих, того массового поля идей, в котором мы заперты. — Он вернулся глазами к карте. — Из девятнадцати планет нас сейчас должна интересовать только одна — девятая. Эта первобытная планета изобилует горами и лесами, озерами и морями. Первозданная земля, пронизанная венами рек и...

— Но зачем же первозданная? — вмешался я. — Может, хоть какое-то подобие цивилизации? Город-другой, деревушки...

— И правда, почему? — На неандертальских губах Актуса сверкнула улыбка. Казалось, на его нескладное лицо упал солнечный луч. — Человечеству нужен еще один шанс, Алан! Ему нужны леса, а не города — Уолдены¹, а не Нью-Йорки. Ему нужны голубые небеса, под которыми оно станет ходить, и извилистые реки, которыми поплывет к синим морям.

— Человеческую природу не изменить, — не сдавался я. — Еще эоантроп бродил под голубыми небесами, а кроманьонец мог плыть к синим морям по извилистым рекам.

Улыбка Актуса смягчилась.

— Скепсис тебе не идет, Алан. Не идет потому, что ты не скептик. Ты разочарованный идеалист. Годами с горечью

¹ «Уолден, или Жизнь в лесу» — главная книга американского поэта и мыслителя Генри Дэвида Торо, в которой он рассказывает о том, как больше двух лет прожил в изоляции от общества, обеспечивая себя всем необходимым.

вспоминаешь родителей, которые изувечили тебе ногу, чтобы уберечь от призыва в армию, и в тоже время восхищаешься мужеством этого шага и обвиняешь военный режим в их голодной смерти. А еще тебе горько потому, что девушка из сна оказалась любовницей Дестейла, однако в глубине души ты до сих пор идеализируешь ее. Впрочем, хватит...

Улыбка поблекла, и он вновь сосредоточился на карте. Здоровенная мохнатая ручища прошла над двумерными планетами и зависла высоко над развернутой на столе плоскостью эклиптики.

— Голубая звезда, как ты наверно знаешь, это Сириус. Пепельный кружок на некотором удалении слева — это карлик-компаньон Сириуса. Как я уже говорил, из девятнадцати планет системы нас интересует сейчас только одна. — Ручка опустилась как огромная, но добрая птица, и ткнула пальцем в зеленую точку Сириуса-9. — Где-то здесь, на тысячах квадратных миль под моим пальцем, возвышается зеленый холм. За холмом — идиллическая долина, там вьется синяя река, окаймленная молодыми лесами. Виноградники, сады и луга; цветы и зеленые травы. Красивая долина, я старался сделать ее такой изо всех сил. Я представил ее в 8,65 светового года от той крошечной области на Земле, где мы живем. Теперь я сосредоточусь, а ты мне потом расскажешь о своих ощущениях.

Глыбы бровей на лице-скале опустились, впалые глаза над парными кряжами скул потемнели. Морщины подобно ущельям избороздили угрюмый обрыв лба.

Вначале я не почувствовал ничего. Знакомая комната, все те же записные книжки на полках; нарисованные планеты незаметно движутся, совершая свои маленькие путешествия вокруг нарисованной двойной звезды; замерший Актуст, чей палец все еще упирается в зеленую точку

Сириуса-9. А затем из ничего внезапно возникло небытие, и вокруг меня сомкнулась серая, лишенная пространства пустота сна. Рядом плыла Диана, чья красота стала еще явственнее, чем прежде, и перед нами маячила кроваво-серая, еще более жуткая, чем прежде, видимость лица...

Наверное, я упал, потому что надо мной неожиданно всплыло бледное лицо Актуса, и я почувствовал, как огромная рука поддерживает меня под плечи.

— Ну же, Алан! — нетерпеливо произнес он, помогая мне встать на ноги. — Рассказывай!

Когда я рассказал, его глаза наполнились болью, и эта боль была настолько сильной, что мне пришлось отвернуться.

— Отрицать эту связь больше невозможно, — услышал я его голос. — Твой сон и мой эксперимент суть одно и то же, но у меня пока нет объяснения. Надо подумать. Надо попытаться привыкнуть к неприятному знанию. Я старик и так сильно хотел покинуть Землю...

IV

Я вышел в пасмурный ноябрьский вечер. День, как и все прочие дни в гетто, прошел горько и уныло, но мой ларек на рынке принес обычный скудный улов. За ужином Актус объяснил — неохотно, как мне показалась, — что я должен делать для встречи с Дианой, после чего погрузился в угрюмое молчание.

О выпавшем вчера вечером снеге напоминала лишь слякоть на улицах, но ветер дул все тот же, сильный, пронизывающий, и небесное кружево переходов верхнего города пятнали грязные лохмотья облаков. Я добрался до «Театра стриптиза» задолго до начала представления и дрожал на ветру, ожидая, когда откроют двери. Затем по совету Актуса

добыл место у края подиума, недалеко от места, которое занимал прошлым вечером.

Я ерзал в нетерпении, ожидая пока заполнятся партер и ложи. Развалившиеся на диванах аристократы напоминали богов-извращенцев в ожидании безумного пира. Сияли солнца канделябров, отбрасывали пляшущие блики усыпанные бриллиантами ножны, вспыхивали начищенные сапоги. В комендантской ложе над головой я снова заметил Дестейла и едва сдержал ненависть. Его высокое жилистое тело, худое алчное лицо и безжалостные льдистые глаза словно символизировали все, что я презирал. На этот раз мы встретились взглядами. По его губам скользнула холодная усмешка, но полной уверенности у меня нет, потому что как раз в тот миг в зале погас свет и с первыми нотами «Либи́до» я переключил внимание на сцену.

Стриптизерши мало чем отличались от вчерашних. Я высиживал их номера и все думал о строках Теннисона, которые в тот день всплыли в памяти:

Ты в глазах его, — как только схлынет страсти новизна, —
Будешь чуть дороже гончей, чуть ценнее скакуна.¹

В своей горечи позабыв о месте и времени, я вздрогнул, когда ундецимы взмыли на жутковатую вершину своего гармоничного диссонанса. Вкрадчивая чувственная мелодия заключительной части «Либи́до» зазвучала в зале...

А затем горечь как ветром сдуло. На подиум снова вышла Диана, нежная, золотая Диана, яркое живое воплощение эллинских представлений о грации и симметрии. Первую шаль бледной бабочкой отнесло в партер...

Когда она приблизилась к дальнему концу подковы подиума, у меня перехватило дыхание. Не ошибся ли Актус?

¹ А.Теннисон «Локсли-Холл» (пер. С. Лихачевой).

Свяжется ли она со мной тем единственным способом, который нам доступен? Она подходила все ближе... розово-золотая богиня, прекрасная Аврора с запутавшейся в волосах солнечной дымкой...

Она встала прямо надо мной, сняла голубую шаль, замерла на мгновение... Я видел ее скованность и страх, но когда мы встретились взглядом, глаза ее наполнило облегчение, и она бросила шаль прямо в мои жадные руки.

Я с боем выбирался из зала: подныривал, изворачивался и извивался, уклоняясь от тянущихся ко мне жадных рук, и в конце концов оказался на улице. Спрятал шаль во внутренний карман куртки и поспешил к ближайшей закусочной для солдат. Уединился с рюмкой в кабинке, вынул свой трофей и осмотрел.

На первый взгляд в нем не было ничего необычного. Простой, до прозрачности тонкий кусочек ткани, деталь облачения подиумной шлюхи – и все. Однако затем в одном из уголков я заметил вышитые крошечные часы. Старинный круглый циферблат и две стрелки, которые обе смотрели вверх. Над цифрами виднелись махонькие буквы...

Полночь! Так вот когда я должен с ней встретиться. Но где?

В поисках других подсказок я обследовал каждый дюйм ткани, но больше ничего не заметил. Внезапно мне показалось, будто кто-то наблюдает за мной, и я метнул взгляд в сторону полукруглого бара. С места, на котором стоял солдат, открывался отличный обзор на мою кабину. Сейчас незнакомец смотрел на полки с бутылками, но я знал, что мгновение назад был объектом его пристального внимания.

Поспешно упрятав шарф Дианы в карман, я допил рюмку, встал и как можно непринужденнее зашагал к двери. Однако тот человек даже не повернул головы и дал мне беспрепятственно выйти на улицу.

Я тронулся в путь. Первый хронофонарь показывал 22:47. Оставался час и тринадцать минут, чтобы понять, где я должен встретиться с Дианой. С учетом времени на дорогу, даже меньше.

Я миновал военный городок – казармы мужские, женские и семейные. Дойдя до военной академии, возвратился, чтобы запутать след. Улицы нижнего города были полны солдат, бредущих из закусовых, и я не мог понять, есть ли за мной хвост.

По пути я сверялся с каждым хронофонарем: 23:10, 23:21, 23:40. Поглубже засунув в карманы окоченевшие на ветру руки, отчаянно пытался думать.

Зачем ей такая загадочность? Меня разбирал гнев, хоть для него и не было оснований. Диана не могла поступить иначе. Что, если бы ее послание попало в ненужные руки? Большинство военных не придаст значения копии старинных часов. Ее сочтут бессмысленной картинкой, вышитой на ткани производителем. Однако рабы-гражданские знают, что это такое, ибо сохраняют интеллектуальную связь с прошлым и некоторые, включая меня самого, все еще заглядывают в Исторический музей, где до сих пор встречаются архаичные часы.

Единственное место, где их до сих пор можно найти...

V

Я пробирался сквозь лабиринт улиц по тротуарам с торчащей между плиток травой. На фоне пасмурного неба впереди уже маячила темная громада музея. От обрамлявшего вход лепного орнамента осталось немного, и теперь внутрь вела зияющая дыра с двумя обвалившимися колоннами по бокам. Я тревожился, что не сумею найти Диану во тьме пустых коридоров и безмолвии залов, но тут рваные

облака разошлись, и меж них выглянула почти полная луна. На лестнице стояла облитая серебром фигура, и я услышал прерывистый вздох.

Лунный свет выдал и меня, и я робко шагнул сквозь его бледную дымку к ступеням, на которых меня ожидала она – богиня, только больше не золотая, а серебряная, не далекая, а близкая. Не знаю, как мы оказались рядом. Знаю лишь, что никто не сказал ни слова, но внезапно я ощутил серебристый холод ее щеки и гибкое тело, а затем прохладно-теплую влажность губ...

Казалось, прошла вечность.

– Я так долго искала тебя. Ты не мог не быть настоящим. А потом увидела в партере, и меня охватил такой стыд...

– Успокойся, милая. Все будет хорошо.

– Я стала собственностью Дестейла месяц назад. До этого жила на ферме. Отец прятал меня много лет, но одним ужасным вечером Дестейл нагрянул с проверкой. Я была в полях, ничего не знала и пришла на площадь, а там он...

– Все будет хорошо, – снова шепнул я, снимая поцелуями серебряные слезинки с ее влажных щек.

– Когда я увидела тебя во сне, то поняла, что ты тот единственный, и больше мне никого не надо. И это ты должен был поцеловать меня первым, ты...

– Я и поцеловал тебя первым. Другие поцелуи не в счет. Прошрое не имеет значения.

– Я... Я даже не знаю твоего имени.

– Алан.

– Мое тебе, конечно, знакомо. Только сначала меня звали Даяна, но Спецслужба сменила его на Диану. Говорят, так лучше для афиши.

– Диана или Даяна, какая разница. Я тебя все равно люблю.

– Я тоже тебя люблю, Алан. Люблю долгие годы. Так странно любить человека, с которым даже не знакома, меч-

тать о том, кого даже не встречала. А ты тоже видишь этот сон? Серость и жуткая тишина, и такое чувство, будто движешься... и человек без лица...

– Да.

– Порой мне кажется, я больше не вынесу. Я словно схожу с ума. В чем смысл, Алан? Почему мы каждую ночь видим один и тот же сон?

– Пока не знаю.

Я рассказал ей об Актусе и его онтологических теориях, описал, что почувствовал вчера ночью, когда тот силой мысли пытался показать мне свою новую реальность.

Лунный свет стал ярче, и я обратил внимание на одежду Дианы – простое белое платье, дешевое пальтишко выше колена.

– Твое платье, твоё пальто – они...

– Мои собственные, – гордо ответила она. – Дестейл не имеет к ним никакого отношения... Потому я их и надела.

– Те же самые, что ты носишь в нашем сне.

Диана подняла руку и рассмотрела синий рукав. Затем опустила глаза на подол белого платья, выглядывающий из-под пальто.

– Ну да, те же самые, – удивленно сказала она, потом взглянула на меня, на мой старый костюм и потрепанную куртку. – И твоё одеяло – оно тоже как во сне!

Она была права. Внезапно возникло чувство, что я почти знаю ответ на загадку нашего раздвоенного существования.

– Идем, – сказал я. – Познакомлю тебя с Актусом.

– А как же Дестейл? Если я скоро не вернусь, он меня хватится и поднимет на ноги весь город.

– Неважно, я все равно не могу тебя отпустить. А ты сама хочешь обратно?

Она передернула плечами.

– Нет! Ни за что на свете.

Мы стали спускаться по ступенькам. Просвет в облаках сузился, но луна все еще ярко сияла в нем, делая длинную жухлую траву похожей на серебристый морской прибой и превращая кусты и кроны деревьев в серебряное кружево. В темной путанице ветвей свет дробился на осколки, вспыхивая там и тут пронзительными искрами... Уж не на ножнах ли мечей?

Я дернул Диану назад в темноту входа, и тут из кустов на лужайку перед музеем высыпали фигуры в военной форме. Одна была выше остальных и казалась знакомой. На мгновение луна высветила заостренное лицо – Дестейл!

Мы заскочили в музей и кинулись наверх по пыльным ступеням. Меня не покидали мысли о солдате, который стоял в закуской, и о других, которые наверняка шли за мной по улицам и докладывали начальству каждый мой шаг. Я путал след как только мог и несколько раз возвращался, чтобы проверить, нет ли хвоста, но, очевидно, был недостаточно осторожен.

А может, это Диана была недостаточно осторожна. Не исключено, что Дестейл проследил и за ней. Мы сильно его недооценили. А ведь по насмешке в его глазах я мог бы и догадаться, что он заметил, как Диана посмотрела на меня прошлой ночью – взглянула и покраснела, после чего ушла со сцены, не закончив представления.

И вот он пришел лично вернуть любовницу и разделаться с соперником – но не из гнева, просто решил еще немного потешить эго, отказав мне в том, на что лишь сам имеет право. Для такого, как он, неверность Дианы ничего не значит – всего лишь очередная крестьянская девушка, которую он присвоил. Он ею владеет, но не любит.

Внизу громко протопали сапоги, и фонари прорезали темноту рапирами света. Взмывав по ступенькам, я отыскал на ощупь старинное пианино, больше века украшавшее

лестничную площадку. Ощувив под пальцами запыленное красное дерево, навалился плечом и толкнул изо всех сил. Колесики ножек скрипнули, выдавая наше местонахождение, но тяжеловесный инструмент сдвинулся с места и покатился.

Знай аристократы, что за махину выхватил из темноты свет их фонарей, в жизни бы не ступили на лестницу. Я дал им подняться до половины, а потом с помощью Дианы толкнул тяжеленное пианино вниз.

Лестница была узкой, с одной стороны стена, с другой – кованое ограждение. Когда военные увидели, какое неожиданное оружие против них применили, музей огласился разноголосыми криками. Солдаты сами прыгали вниз, и свет брошенных фонарей дико плясал на стенах.

С предсмертным всхлипом лопнувших струн пианино завершило свою жизнь у подножия лестницы. Мы не стали ждать, пока преследователи опомнятся, и, проскочив к выходу, поспешили скрыться в ночи. Луна снова спряталась в лохмотьях облаков, улицы утонули в темноте.

Мы оба пришли в музей пешком, как, по всей вероятности, и Дестейл со своими людьми. Однако я опасался, что скоро появятся флаеры. Чем быстрее мы доберемся до запутанных улочек гетто, зачастую укрытых навесами, тем скорее окажемся в безопасности.

Путь лежал через городское кладбище. Мы прошли рукотворные холмы и долины солдатских захоронений, обогнули высокую стену, за которой находились неприкосновенные могилы аристократов, миновали болотистую низину, выделенную гражданским для их покойников, и наконец оказались в гетто. Погони пока не наблюдалось, но я все равно не осмеливался остановиться и отдохнуть и все поторапливал Диану в лабиринте узких улочек, переулков, внутренних двориков. Вот и рынок...

– Алан, ты хромаешь.
– Да. – Я остановился.
– Ты поранился! Почему не сказал мне?
– Это случилось очень давно. – Несмотря на все попытки сдерживать застарелую горечь, она прозвучала в моем голосе.

– Ой, извини.

– Да нет, мне давно следовало рассказать.

Закончив, я почувствовал ее руку в своей. Мы долго молчали. Выл ноябрьский ветер, разметая по тротуарам мертвые листья. Облака в просветах между зданиями висели низко как никогда... Некоторые, казалось, касались крыш. Облака...

Или флаеры с выключенным огнями?

Я затащил Диану под низкий навес и напряженно вгляделся во мрак. Она, похоже, не заметила моего страха.

– Постарайся не злиться так, милый. Аристократы тоже несчастливы. Даже Дестейл несчастлив. Слышал бы ты, как он кричит по ночам... Он достоин жалости, а не ненависти.

– Еще чего. – Я уже не сомневался, что темные размытые пятна над кровлями лачуг – это флаеры.

– Я много раз задавалась вопросом, почему он кричит, – продолжала Диана. – Такое чувство, что ему ужасно больно, невыносимо больно. Теперь я, кажется, знаю ответ. Во сне на человеке без лица офицерская форма. Знаки отличия на воротнике залиты кровью из раны, поэтому невозможно определить звание, но он высокий, худой и очень знакомый. Мы оба видели его прежде.

Я уставился на нее, флаеры были позабыты.

– Дестейл!

Она кивнула.

– Да, он и есть наш человек без лица.

VI

— Пришло время проанализировать ваш сон, — сказал Актус.

Мы с Дианой переждали под навесом, пока не улетели флайеры, и поспешили к моей хижине. Я думал, Актус станет уговаривать нас покинуть город, но он равнодушно отнеся к моему отчету о засаде и ничуть не встревожился, узнав о погоне. Он просто кивнул и попросил Диану рассказать ее версию сна.

Теперь Актус невозможно стоял перед нами, его длинные обезьяньи руки свисали по бокам, неандертальское лицо напоминало бесстрастную маску. Увидев его впервые, Диана обмерла, но вскоре оправилась от потрясения и рассказала свою версию, по сути почти не отличающуюся от моей. Рассказала спокойно и просто и сейчас смотрела на ученого с растущим благоговением.

— Хотя вы оба, как и тот третий, видите один и тот же сон уже много лет, событие, которое станет его причиной, еще не произошло.

Когда я попытался перебить его, он поднял свою огромную лапищу.

— Пожалуйста, Алан, дай мне закончить. Времени очень мало, а я хочу, чтобы вы понимали, когда попадете на Сириус-9, почему ваш перенос туда в каком-то смысле произошел мгновенно, а в каком-то потребовал больше восьми лет.

Тихие слова, которые слетали с его грубых губ, звучали успокаивающе. При свете фонаря я заметил, что Диана расслабилась, и ощутил, как меня отпускает собственное напряжение. В присутствии этого чудесного человека любой бы почувствовал себя в безопасности.

— Если учесть период частичного осознания, то сон, где вы увидели друг друга, начался примерно восемь лет и

восемь месяцев назад. А поскольку вы оба до недавнего времени воспринимали третьего не более чем смутную мужскую фигуру, то события, которые дадут толчок сну, видимо, настолько неприятны, что ваша психика выставила блоки. А так как и ты, Алан, и вы, Дайна, оба видите сон, есть вероятность, что третий его тоже видит, хоть и совершенно иначе. Однако мы не поймем, что он испытывает, если не докопаемся до первопричин самого сна.

Он на мгновение замолк и наклонил голову набок, будто прислушивался. Но снаружи доносились лишь завывания ветра и редкое гроыхание жестяной кровли.

Актус продолжал:

— Прошлой ночью я сказал, что можно создать индивидуальную субъективную реальность вне массового поля идей, в котором мы заперты. Я сказал также, что освободив свой разум от влияния априорного фактора, смог бы переместить не только себя, но и вас из одной субъективной точки вещи в себе в другую субъективную точку без всяких вспомогательных устройств. Однако мои рассуждения были ущербны, во-первых, потому что перемещение подобного рода все же потребует некоего устройства — человека как устройства, — а во-вторых, априорный фактор будет по-прежнему влиять на разум людей, которых я телепортирую, а значит, непременно скажется и на самой телепортации.

Посудите сами: массовое поле идей представляет собой совместное усилие человечества постигнуть вещь в себе. И если в ходе человеческой истории это поле развивалось, становясь все сложнее и сложнее, все насыщеннее идеями, то и с априорным фактором, который помог его формированию, происходило то же самое.

Всем миром зоантропа были холмы и деревья, дни и ночи. Звезды в небе представлялись огнями столь близкими, что до них можно дотянуться, если подняться на высокую

гору. А солнце виделось просто небесным костром где-то рядом со звездами. Априорный фактор при зоантропе находился в зачаточном состоянии и был столь же примитивен, как и связанное с ним поле идей.

Однако теперь поле идей достигло такой степени зрелости, что у нас есть континенты и моря, века и тысячелетия, звезды и галактики. Пространство и время сливаются, становятся единым целым, и априорное знание современного человека развилось настолько, что уже учитывает ограничивающий фактор скорости света...

С улицы послышались крики. Затем треск фотонного ружья и женский вопль.

– Дестейл! – воскликнул я. – Он прочесывает весь сектор. Надо убираться отсюда!

– Нет. – Нескладное обезьянье лицо в желтом свете фонаря вдруг словно постарело. Вокруг рта пролегли складки, которых там раньше не было, глаза совсем запали.

Я обнял Диану за плечи.

– Не бойтесь, – раздался голос Актуса. – Вам двоим опасаться нечего. Еще чуть-чуть, и окажетесь в раю. Сон, который вы видите уже восемь лет и восемь месяцев – это подсознательная априорная попытка рационально объяснить ваше мгновенное перемещение отсюда на Сириус-9. Хотя вам и кажется, что вы видите один сон, потому что ваши версии схожи, на самом деле это два отдельных сна. Даже три, если считать версию вашего спутника. В вашем случае сон представляется идентичным, так как вы оба сходным образом участвуете в событии, которое дало ему толчок.

Поскольку вы даете рациональное объяснение не только собственному перемещению, но и чужому, другие люди имеют правдоподобный физический облик. Однако, хотя вы «увидели» их в темноте, вы фактически вспоминаете их такими, как в момент перехода.

Действия и реакции, которые вы приписываете другим людям, всего лишь плод воображения. Например, Алан, когда ты сказал, что лицо Дианы побелело, тело замерло, а губы открылись в беззвучном крике, едва она осознала отсутствие лица у третьего участника сна, тебя выдали речевые штампы. Ты ожидал, что ее реакция окажется такой, как у героини романтических сказок, которые тебе довелось читать, вот твое подсознание и нарисовало эту картину.

А когда ты пытался общаться с Дианой, читая по губам, у тебя ничего не вышло, поскольку потребовалось бы дать ответы на свои же вопросы. А у твоего подсознания этих ответов не было, так как априорное рациональное объяснение обходится и без них.

Пространства, кроме того, что разделяет ваши тела, в твоем сне нет потому, что даже априорному знанию не под силу создать пространство там, где отсутствуют объекты. Однако сама идея пространства налицо.

Света же нет, потому что, хотя априорное знание и содержит понятие скорости света, сам свет в него не входит, и, следовательно, его невозможно создать. А твое ощущение неимоверной скорости движения из одной точки в другую основано на априорной посылке, что если тело меняет свои пространственные координаты, то оно непременно движется. Тем не менее, хотя твоя субъективная скорость может равняться скорости света, ее не дано превзойти...

В дверь замолотили кулаки.

На мгновение мы все застыли. Затем Актус сказал:

— Я хотел освободить весь мир, а могу всего двух человек. Однако массовое поле идей никогда не отличалось постоянством, и, хотя человечество кидается из одной крайности в другую, возможно, в один прекрасный день ему удастся создать свою собственную утопию.

В дверь заколотили снова, еще громче. Актус нетороп-

ливо пересек комнату.

– Причинность есть насмешка... – Он распахнул дверь.

На пороге стоял Дестейл. За спиной его серели лица офицеров, бледные и нереальные в свете фонаря. Дестейл выхватил меч, его льдистые голубые глаза мигом обшарили комнату поверх широченных плеч Актуса. Когда они остановились на Диане, их голубизна усилилась, но холод никуда не делся.

Дестейл попытался оттолкнуть Актуса с дороги. С таким же успехом можно было попытаться сдвинуть гору.

– Мутант! Макака! – бросил Дестейл, гневно сверкнув глазами.

Сверкнул занесенный клинок.

Актус принял удар грудью, по-прежнему загораживая собой дверной проем, лишь повернулся, заставив Дейстейла выпустить рукоять. При виде меча, уродливо торчащего из тела друга, мои глаза застлала кровавая пелена, и я ринулся к Дестейлу, видя перед собой только его горло, обтянутое серым воротником.

Я почти добрался до него, мои жадные пальцы уже коснулись серого воротника, но мощная, как бревно, рука Актуса вышибла из меня дыхание. Отлетев на другой конец комнаты, я сбил с ног Диану, мы врезались в стену и соскользнули на пол.

Перед глазами все плыло, я лежал почти оглушенный. Дестейл все еще стоял в дверях, судорожно нащупывая фотонный пистолет непослушными пальцами. Сзади напирали люди, и отступить он не мог, что и привело его к гибели.

Актус застыл, словно каменный обезьянобог. Внезапно он вырвал меч из своей груди и метнул в пол. Медленно, неумолимо поднялась правая рука, раскрылась огромная волосатая пятерня – и отчаянный вопль Дестейла захлебнулся в булькающей кровавой пене на месте вырванного лица.

Шатаясь, аристократ шагнул в комнату и рухнул у ног Дианы; по серой груди шинели расплзлось ярко-красное пятно.

Прошло не более секунды, и в грудь Актуса ударил первый фотонный заряд. И все же этой секунды хватило. Его лицо искажилось от напряжения, кожа туго обтянула горные кряжи скул. Свет в комнате потускнел, угас, но из темноты до меня донеслись прощальные слова:

– Сириус-9, Алан! Теперь он твой, постарайся его сбегать!

VII

Мы стояли на зеленой вершине холма в теплых лучах ослепительного бело-голубого солнца. Пологий склон спустился в плодородную долину, где виднелись фруктовые сады, виноградники и изумрудные лужайки. Вдалеке, за нежной зеленью молодого леса сверкала извилистая река.

Купол неба над нашими головами был какого-то невиданно чистого, не по-земному лазурного цвета, и по нему карабкалось солнце – ласковое божество. Под этим солнцем, почти у горизонта, висело еще одно, крошечная алмазная точка – настоящая утренняя звезда.

В те первые упоительные мгновения новой реальности мы совершенно позабыли о человеке без лица.

Только оторвав глаза от небывалого неба, мы заметили на земле мертвое тело и поняли, что наш сон закончился и никогда больше не вернется.

Я увидел замешательство в глазах Дианы.

– Актус просто не успел все объяснить, – начал я. – Понимаешь, мгновенное перемещение с Земли на Сириус-9 никак не вязалось с нашими субъективными представлениями. Мы подсознательно рационализировали его, что и вылилось в наш навязчивый сон.

Между Землей и Сириусом приблизительно восемь и две трети светового года. Насколько мы знаем, скорость света невозможно превзойти, поэтому ни одно тело не способно долететь до Сириуса быстрее восьми лет и восьми месяцев. Следовательно, чтобы иметь смысл с точки зрения априорного знания, наше перемещение должно было начаться заранее. Все это, разумеется, происходило подсознательно и в виде сна. А наше постоянное ощущение невероятной скорости – скорости света – и убежденность, что мы путешествовали из одной точки в другую, лишь подкрепляют этот вывод.

Каждому из нас пришлось рационально объяснять не только свое мгновенное перемещение, но и своих спутников. В начальной фазе сна мы не пытались увидеть друг друга, как нам казалось. Мы пытались «вспомнить» друг друга – из будущего. Подобный парадокс возможен потому, что истинная реальность, вещь в себе, существует вне времени.

– А как же Дестейл? – спросила Диана.

Я взял ее за руку, и мы спустились к мертвецу. Она отвернулась, но я опустился на колени возле неподвижного тела и заставил себя прикоснуться к безвольному запястью. Оно было еще теплое, но без единого намека на жизнь.

Я встал.

– Дестейл явно умер уже здесь, вот почему он видел сон – только не тот же самый. При телепортации Актусу пришлось передать информацию, что точка нашего назначения – девятая планета системы Сириуса. Поскольку Дестейл, как и все аристократы, сведущ в науках, то наверняка знал, что Сириус в 8,65 световых годах от Солнца. Однако Дестейлу не потребовалось включать в свою априорную рационализацию кого-то помимо него самого, так как он не знал, что мы с тобой тоже участвуем в телепортации.

Так что, по всей видимости, ему снилась лишенная пространства, света и времени пустота, в которой не было ни единой души. А вдобавок к невероятной скорости он ощущал кое-что еще. Боль.

Диана содрогнулась.

– Какой ужас!

Мы долго молчали. Нежный ветерок веял из долины, лаская наши лица. Пели птицы, пахло луговыми травами.

Внезапно Диана опустилась на колени и отщипнула былинку. Протянула ее к голубому солнцу, растерла в пальцах до зеленой кашицы. Вопросительно взглянула на меня.

– Ты доказала лишь, что Актус сумел создать мир идентичный тому, который создало человечество на другой стадии вещи в себе – Земли. Поскольку самому творцу не удалось воспользоваться собственным творением, напрашивается вывод, что движение через вещь в себе возможно лишь посредством разума, непосредственно не участвующего в этом движении и достаточно мощного, чтобы преодолеть априорный фактор.

– Трава совсем как настоящая, – сказала она, глядя на свою ладонь.

– Она и правда настоящая. Субъективно реальная. А кроме субъективной реальности нас больше ничего не должно интересовать, ибо это единственная реальность, которую мы знаем или узнаем когда-нибудь. Девятая планета от Сириуса не менее достоверна, чем третья от Солнца.

Диана вдруг смущенно усмехнулась.

– В одном отношении, пожалуй, даже достовернее.

– В каком же? – Я озадаченно взглянул на нее.

– Здесь мы точно знаем, что Творец существовал.

Мы похоронили Дестейла на склоне холма, затем, держась за руки, стали спускаться в долину к синеве реки. Я чувствовал в себе новые жизненные соки, радостно ощу-

шал силу подаренной Актусом здоровой ноги. Воздух искрился, солнце пригревало. Полевые цветы у подножия холма расступались перед нами, буйная зелень садов скользила навстречу. Долина была истинным райским садом, ослепительной многоцветной поэмой новой жизни.

Диана остановилась под пышным деревом и сорвала спелый красный плод. Мне вдруг вспомнились слова Актуса, что альтернативная реальность должна быть продумана вплоть до мельчайших деталей и содержать вариации или дубликаты всех объектов восприятия, возникавших в массовом поле идей как в прошлом, так и в будущем.

И тут я заметил обвившего дерево змия.

Я выбил плод из руки Дианы, не дав донести до губ. Скорее всего, хомо сапиенс II окажется таким же ковачом¹ орудий, как и хомо сапиенс I, но пускай хотя бы начнет жизнь с чистой совестью!

¹ Имеются в виду потомки библейского Каина. «Цилла также родила Тувалкаина, который был ковачом всех орудий из меди и железа». (Бытие, 4:22).

БЕГЛЕЦЫ

И сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю.

Книга Бытия 1:28

В очереди Уоррен кожей ощущал на себе чей-то взгляд, но поворачиваться не спешил. Только выложив перед электронным кассиром покупки и продуктовую карточку, опасно глянул по сторонам. Никто вокруг не обращал на него внимания. Внезапно он встретился глазами с управляющим робомаркета, наблюдавшего за происходящим сквозь крохотное окошко в узком, словно гондола, кабинете.

Страх как рукой сняло. Менеджер обязан следить за клиентами. Электронного кассира одурачить нелегко, а ограбить еще трудней, однако прецеденты были и наверняка будут. Уоррену почудилось, что следят за ним. На самом деле смотрят за всеми.

На парковке тревоги развеялись окончательно. Просторная площадь в два акра была сплошь уставлена «шутками», «прибаутками», «штучками», «дрючками», «охами» и «ахами». Словом, одна мелочь. Даже за городом, где они с Дианой недавно обосновались, не водили ничего крупнее карет.

Взять хотя бы его «штучку» — приземистая, с гладким корпусом и отдельными сиденьями. Пошлая роскошь, но не пошлее, чем передвигаться на своих двоих. Прошагав триста метров, Уоррен бросил покупки на сиденье, сам

устроился рядом и, примкнув к веренице других карет, по-рулил к выезду. Пять минут спустя он уже мчал по авто-страде к апаротмотелю, где ждала Диана.

После ночной смены по телу разливалась приятная уста-лость. В жизни не думал, что с таким удовольствием будет работать в ночь, но когда подвернулась вакансия инжене-ра-наладчика в боулинг «Бомар», он не раздумывая согла-сился. Горький опыт подсказывал: чем меньше вокруг на-роду, тем меньше шанс, что тебя опознают. Уоррен давно забыл свой натуральный цвет волос, простился с усами, ко-торыми так гордился. Стараниями федеральных каналов его физиономию не знали только какие-нибудь отшельни-ки — по ящику то и дело крутили интервью из вестибюля больницы, когда ушлые репортеры загнали их с Дианой в угол. Из-за этого супругов уже дважды разоблачали, и уда-валось спастись только благодаря расторопности полиции.

С другой стороны, Уоррен не жалел, что пришлось бе-жать из Девятого Мегалополиса — жизнь в Пограничье при-шлась им с Дианой по душе. И почему он раньше не доду-мался переехать за город! Какой простор — на сотню метров ни единого здания. Изредка даже возникает ощущение сво-боды, недоступное в мегалополисе. Как там у Вордсворта?

О Боже! Для чего в дали блаженной
Язычником родиться я не мог!
Своей наивной верой вдохновенный,
Я в мире так бы не был одинок.¹

Здорово подмечено. Как будто строчки писались совсем недавно, а не три столетия назад.

Час и двадцать километров спустя, припарковав «штуч-ку» на автодереве, Уоррен уселся за накрытый стол. Пока

¹ Перевод Г. Кружкова.

завтракал, Диана разбирала покупки. Брюнетка, а в прошлом ослепительная блондинка, она уже сменила три имени: Эвелин, Глория, Ивонна. Уоррен не отставал, успев побывать Уэйном, Эвереттом и Теодором.

– Познакомилась сегодня с соседкой. – Диана высыпала пятьдесят граммов песку – недельную норму – в сахарницу. – Она чуть позже заглянет – будем учиться готовить свинину как по телевизору.

Страх ледяными пальцами стиснул горло.

– По-моему, не лучшая идея...

– Нельзя вечно жить отшельниками, – парировала Диана. – Особенно за городом. У людей сразу возникнут подозрения. Тем более, Мейбел такая веселая, общительная, дружелюбная.

– В прошлый раз толпу науськала отчаявшаяся домохозяйка.

Диана осеклась, побледнела.

– Даже слышать не хочу!

– Понимаю, милая. – (Спусти столько времени с языка так и норовило сорваться «Ивонна»). – Только учти, страсти еще не улеглись. Сейчас Мейбел не признала в тебе Еву. Но а вдруг заметит сходство, начнет вспоминать, где и когда тебя видела... да ты и сама знаешь. А когда вспомнит, нам снова придется бежать.

– Да, но ее муж – сыщик. Ради него Мейбел будет молчать.

Однако Уоррена по-прежнему мучали сомнения.

– От этих домохозяек всего можно ожидать. Она ведь из отчаявшихся? Детей-то в округе нет.

– Они с Биллом пытались, но получили отказ.

При любом упоминании о детях на глаза Дианы наворачивались слезы. Слезы и страх с оттенком вины. Уоррен страдал не меньше, но никогда не выказывал своих чувств, а тему детей затрагивал только в самом крайнем случае.

Как, например, сейчас.

– Добренских нужно опасаться в первую очередь.

– Знаю, – вздохнула Диана. – Но дни и ночи здесь тянутся бесконечно, а она такая приветливая, Уэйн... то есть, Уоррен. И потом не забывай, ее муж – детектив. Думаю, с ними можно завести знакомство.

Уоррен сдался. Может, она и права, а он просто становится затворником – порыв естественный, но далеко не самый лучший.

– Ладно, подруга так подруга. Какие еще новости?

Он проспал весь день и проснулся только в пять, когда прохладное августовское утро сменилось душным полднем. Рокот карет на трассе заглушало ленивое стрекотание саранчи. Во дворе апартаментов висело знойное марево.

Завернувшись в халат, Уоррен прошествовал на кухню, где застал жену вместе с Мейбел. Диана не обманула: от соседки буквально веяло праздником. Маленькая, задорная, с буйной россыпью темных кудряшек, она легко сошла бы за девчонку, если бы не тяжелая грудь и налитые бедра.

– Ну прямо как мой Билл! – воскликнула Мейбел, едва Диана представила их друг другу. – Тот за восемь часов сна обрастает как медведь.

Уоррен потерял щетину на щеках, подбородке и ухмыльнулся.

– Уговорили. Пойду приведу себя в божеский вид.

– Ни в коем случае! – засмеялась соседка. – Обожаю небритых. По-моему, это символ зрелости. Диана, признавайся, твой созрел?

Вопрос был задан шутливым, наигранно-простодушным тоном, однако возымел обратный эффект. Диана вспыхнула, потом побледнела, губы у нее затряслись. Но каким-то чудом женщина сумела взять себя в руки.

– Еще как созрел! Живи мы в давние времена, расплодились бы почище мартышек.

– Все-таки надо побриться. – Пунцовый от смущения Уоррен поспешил в ванную.

Через двадцать минут он вернулся чисто выбритый, в слаксах и рубашке. За столом Диана и Мейбел горячо обсуждали преимущества свинятины и недоговядины. Их болтовня создавала приятную атмосферу уюта, будничности и товарищества, которой так недоставало маленькой квартирке. Может, новая подруга и впрямь пойдет Диане на пользу – и ему заодно. Оставаясь только наедине друг с другом, они обречены помнить. Хотя, бог свидетель, настало время забыть. Полгода бесконечных угрызений совести с лихвой искупают злодеяние...да какое там злодеяние! Так, ошибку, совершенную даже не ими!

Однако пять часов спустя, по пути на работу, лавируя в бурном потоке карет, Уоррен снова уверился, что дружба с кем-либо – предприятие по меньшей мере опасное. Во-первых, всегда есть риск сболтнуть лишнего, во-вторых – угроза ненароком выдать себя. Расслабляться нельзя ни на секунду.

Впрочем, Диана – стреляный воробей.

«Прибаутка» и впрямь села ему на хвост или водитель попросту зазевался? Минуты три назад, на обгоне, Уоррен уловил вспышку узнавания в его взгляде. Может, помешилось? Словно в подтверждение этой мысли, «прибаутка» перестроилась в другой ряд и вскоре скрылась за поворотом.

Хуже нет, когда твою физиономию крутят по ящику – оправдан буквой закона, виновен в глазах людей. Всюду, куда ни пойдешь, чудится слезка – и нет гарантии, что это не так.

Парадокс, но убежать от толпы сложнее, чем от поли-

ции. Толпа повсюду, от нее не спрячешься. Единственный вариант – раствориться в ней, смешаться с людской массой, уповая на короткую память соседа. Уповая, что в один прекрасный день кошмар закончится, минует опасность, перед которой практически бессилён даже закон.

Наутро он познакомился с мужем Мейбел. У Билла выдался выходной, и они собрались в Девятый Мегалополис, на шестичасовое сенсорное шоу. Диану с Уорреном пригласили с собой. Билл, мускулистый ирландец с пронизательными голубыми глазами, совсем не походил на копа. Уоррен мгновенно проникся к нему симпатией.

Однако его по-прежнему терзала тревога.

– Я пас. Нужно поспать перед работой.

Он покосился на Диану в надежде, что та откажется ехать. Но она молчала, только смотрела на него умоляющим взглядом.

Уоррен вздохнул.

– Поезжай.

Домой она явилась, сияя от счастья.

– Фантастика! Сроду не испытывала ничего подобного! Шесть часов ярких эмоций. Я словно заново родилась. Жаль, что ты не смог вырваться!

Перерождение вернуло ей здоровый румянец, зажгло веселые искорки в глазах. Уоррен вдруг захотел остаться на ночь дома, с женой, ощущая гладкую теплоту бедер и умопомрачительную мягкость груди. Он с удивлением осознал, что по-настоящему желает ее – впервые с тех пор, когда... Впрочем, неважно. Главное, они оба воспылали давно забытой страстью. Может, теперь все наладится.

В дверь постучали, и в комнату заглянула Мейбел.

– Диана, совсем забыла – завтра у меня шоппинг, нужно наведаться в робомаркет. Составишь мне компанию? Ненавижу шляться по магазинам в одиночестве!

Диана вопросительно посмотрела на мужа; ее сияющее лицо убеждало лучше всяких слов. Приносят ей прогулки такую радость – значит, пусть гуляет, и плевать на риск. В конце концов, разве не опасность двигатель прогресса? Если сидеть тише воды, ниже травы, вся жизнь пройдет мимо.

– Поезжай, милая, – кивнул Уоррен. – Попробуешь для разнообразия отовариться в сельской лавке.

Диана хихикнула.

– Я только поглазею, пока Мейбел закупается.

– Решено, завтра в половине десятого. – Соседка вдруг заговорщически подмигнула. – Все, убегаю. После шоу Билл у меня любит попроказничать. Диана, увидимся утром.

Она исчезла за дверью.

– Мне тоже пора. – Уоррен с опаской глянул на часы. – Рад, что ты хорошо провела время.

Диана шутливо надула губки.

– Я бы провела его еще лучше, будь рядом со мной ты. Такие шоу приятней ощущать вместе с мужем.

– Завтра у меня выходной. А в субботу мы...

Диана бросилась ему на шею и крепко поцеловала.

– Пойдем на шоу! Я не прочь испытать все заново. Тем более, с тобой каждый раз как первый. Возьмемся за руки, словно...

– Словно влюбленные.

– Точно! Все будет как прежде: взберемся на высокую гору, заночуем в живописном шале, спустимся по чистой реке к морю. Наведаемся к лунным кратерам, выпьем по бокалу вина на Марсе. Прощай, Земля! Мы улетаем к звездам.

Они чмокнулись на прощанье. Забрав с автодеревя «штучку», Уоррен порулил на работу.

Всю ночь, возя чистящий агрегат по дорожкам для боулинга, он не переставая думал о жене. А утром застал ее в том же чудесном расположении духа. Для похода в магазин она надела розовое платье-разлетайку. Подол туманом вилась вокруг ног, пока Диана накрывала на стол, сквозь прозрачный лиф виднелась грудь. Уоррен притянул ее к себе поцеловать, и в этот момент нагрянула соседка.

— Надо же, милуются ни свет, ни заря!

Диана демонстративно уселась мужу на колени.

— А что такого?

— Да в прежние времена вы бы расплодились как мартышки. Ладно, не смею мешать, подожду в карете.

— Две минуты. — Покончив с сервировкой, Диана поцеловала Уоррена и отбыла.

— Нас пригласили на ужин, — объявила она с порога. — Мейбел получила дополнительный паек. Они с управляющим добрые друзья.

Уоррену вспомнился пристальный взгляд, устремленный на него из окошечка тесного кабинета в понедельник. Страх ледяным кубиком проник в желудок.

— Ты и с управляющим познакомилась?

— Конечно. Милейший человек, обещал помочь с продуктами. Излишки все равно накапливаются, грех не поделиться.

Кубик льда растаял, испарился. Уоррен принял душ, побрился, сменил влажную от пота одежду, и ровно в половину шестого они с Дианой стучались к соседям. Жара стояла адская, в довершении с юга дул невыносимый, обжигающий ветер. Благо, Мейбел предусмотрительно распахнула окна, и в гостиной царило подобие прохлады. Соседские гостиные были точной копией друг дружки. Как и все апартаменты в округе.

– Билла срочно вызвали на работу, вернется чуть позже, – сообщила Мейбел. – Садитесь, сейчас принесу вам выпить.

Гости повиновались. По телевизору шла какая-то передача, Уоррен без интереса покосился на экран и стал наблюдать, как за окном дрожит и колеблется марево. Несмотря на духоту, из соседних квартир высыпал народ. Мужчины, женщины сбились в кучу и живо обсуждали что-то, но их слова тонули в рокоте автострады.

На кухне весело звякали кубики льда. Мейбел вернулась в гостиную, неся поднос. Что-то в ней неуловимо изменилось. От нехорошего предчувствия по спине Уоррена пробежал холодок.

Мейбел вручила всем высокие стаканы.

– Ваше здоровье.

Они выпили. Ледяные кубики звенели, словно китайские колокольчики. Уоррен осторожно выглянул во двор. Перед домом затормозили несколько карет, их водители присоединились к группе соседей. Та стремительно разрасталась.

Скоро здесь будет толпа...

Содрогнувшись, Уоррен исподлобья глянул на телефон. Скольким Мейбел успела растрезвонить? Наверное, двум-трем. Чтобы запалить шнур, достаточно пары звонков.

– Билл ведь не придет, верно?

Мейбел и глазом не моргнула.

– С чего ты взяла?

– Он бы не допустил.

– Ты о чем, милый?

Уоррен вскочил и рывком поднял Диану на ноги. Добраться бы до «штучки» и на шоссе, там ничего не стоит оторваться от преследователей.

– Скорее, Диана, уходим!

Отбросив притворство, Мейбел схватила со столика пистолет – «борхардт-люгер», допотопный, но в боевом состоянии, а главное заряженный.

– Сядь на место, кролик! – скомандовала она. – И ты, крольчиха.

Оба безропотно подчинились. К Диане вернулся затравленный взгляд, боль от осознания, что тебя ненавидит весь мир. Уоррен хорошо знал это чувство, но на сей раз отчаяния не было. На сей раз он почти обрадовался – почти, если бы не Диана. Как надоела вечная беготня, надоело прикидываться, что завтра все будет иначе, надоели люди. Даже бояться надоело.

– Управляющий постарался, да, Мейбел? Увидел меня в понедельник, взял у кассира адрес, выяснил, что ты живешь по соседству. Меня он сразу узнал, но хотел взглянуть на Диану, чтобы удостовериться, а потом сдать нас с потрохами. Ты втерлась к ней в доверие, повела за покупками, не вызывая лишних подозрений. А после сдала.

– Умница, кролик!

– Ты не понимаешь, что творишь! – воскликнула Диана. – Мы не виноваты, генетически ничего не предвещало, все случилось по недосмотру врачей. Их объявили виновными, не нас. Нас полностью оправдали.

– Закон может и оправдал, но не люди. Мы никогда не простим!

Забыв на мгновение про Уоррена, Мейбел обращалась только к Диане. Лицо соседки исказила гримаса жгучей ненависти. Налет благопристойности исчез, обнажив подлинную сущность во всей красе.

– Пристрелить бы тебя, да народ обидится. Из-за тебя они все лишились самого дорогого, пусть хоть полюбуются, как ты корчишься в муках. Ты и твой кролик-муженек!

Диана заплакала.

Уоррен снова повернулся к окну. Кареты все прибывали, толпа росла как на дрожжах. Вдобавок, она обрела голос – приглушенный, ропщущий. И до боли знакомый.

Кто-то из мужчин перебросил веревку через свободную ветку автодерева, будто темная полоса прорезала багровое августовское небо.

Очередная карета въехала во двор, из нее выскочила знакомая фигура и бросилась к злополучному апартмотелю. Билл. Он вихрем ворвался в комнату и с порога накинулся на жену.

– Я сразу догадался, что ты затеяла! Отослала меня под дурацким предлогом, а сама! Мейбел, ради всего святого, неужели тебе совсем наплевать на мою работу? – Бледный, как полотно, он вырвал пистолет у нее из рук.

– Очнись! Они же Кролики! – взвизгнула жена.

– Понял, когда увидел толпу. Идиотка! Теперь мне их спасать.

Мейбел потянулась к «люгеру», но Билл оказался проворней и залепил супруге пощечину. Женщина рухнула в кресло. Не мешкая, Билл поволок Уоррена с Дианой к двери.

– Скорей, пока они окончательно не озверели.

С «люгером» и полицейским значком наперевес он принялся расчищать путь. Затравленная чета следовала за ним по пятам. Люди напирали со всех сторон. Ропот перешел в зловещий гул. Билл взмахнул пистолетом.

– Эти люди под моей защитой. Не смейте приближаться, иначе буду стрелять.

Толпа нехотя отступила.

Перебежками троица добралась до автодерева. Билл спустил с ветки «штучку» Уоррена.

– Забирайтесь, живо. И проваливайте.

– Грязные твари!

- Расплодились, Дионны¹ проклятые!
 - Прикончим их! Прикончим!
 - Пошевеливайтесь, чего вы ждете! – рявкнул Билл.
- Диана уже рыдала в голос.

Уоррен помог ей забраться в карету, сам сел на водительское кресло и хотел поблагодарить своего спасителя за смелость. Однако ненависть в глазах соседа остудила его пыл. Мотор взревел, «штучка» рванула на трассу, где ее поглотил поток карет и грузовиков.

Ночь застала опальных супругов в дороге. Диана больше не плакала, глядя, как за окном мелькают огни заправок и кафе.

– Мои малыши, – повторяла она. – Отдайте мне моих малышей.

Они снова переедут и начнут все заново. С помощью правительства сменят имена, страховку – втайне, чтобы никто не узнал. Обоснуются в новом апартаменте, Уоррен найдет работу. А дальше – только ждать, когда уляжется шума и ненависть сойдет на нет. Ждать в надежде, что их, наконец, оставят в покое и вернут близнецов. А пока придется прятаться, затаиться там, где их никто не найдет. В толпе, среди людей.

¹ В 1934 году канадская семья Дионнов прославилась на весь свет рождением пятерняшек. Однойичевых близнецов, девочек, в первые же дни отняли у родителей и поместили в специальный питомник, впоследствии превратив в национальную достопримечательность для заработка денег.

ПРОЕКТ «ПИРАМИДА»

Сфинкс

С врагом Дэниел Холл встретился под синим небом NRGС 984-D. Впрочем, пока нельзя сказать, кто чей враг – и враг ли. Скажем только, что встреча вышла скомканной. Заметив друг дружку, два разведывательных корабля – один с Земли, другой с Авелии, – мигом развернулись и помчались кто куда. О судьбе авелианского пилота расскажем позже. Пока сосредоточимся на землянине.

Его корабль приземлился на краю необъятной равнины, прочертив борозду в белоснежном песке. От удара кронштейн обзорного экрана оторвался и дважды срикошетил от стены. На третий он вспорол левый рукав скафандра, от локтя до плеча. На четвертый вдребезги разнес радиопередатчик и, прокатившись по полу, замер.

Холл не планировал жесткую посадку. Он вообще не собирался садиться. Неведомая сила, завладев приборной панелью, низвергла судно с небес.

Дэниел кинулся к приборам. Щелкнул одним, другим, обоими разом – тишина. Включил рацию, умом понимая, что толку не будет: сигнал SOS не пройдет через стратосферу, а все старания увенчаются помехами. Так оно и вышло. На этом терзания передатчика закончились.

Зато планета NRGС 984-D радовала относительно приятным климатом и атмосферой – по крайней мере, если ве-

ритель датчикам. Недолго, но жить можно.

Дэниел ухмыльнулся. Ключевое слово здесь — недолго. Вряд ли Терранская эскадра передумает атаковать авелиан только из-за того, что какой-то несчастный корабль, которого отправили выяснить, есть ли жизнь на планете в радиусе атаки, не вернулся с докладом. Вся эта кутерьма с разведкой — простая условность, дополнительная галочка к отчету по окончанию войны. Обитаема NRGС 984-D или нет,

командующий эскадрой выполнит полученный приказ; спровоцируй грядущий бой хоть с десятков тектонических сдвигов на планете – а он спровоцирует, тут к гадалке не ходи, – земляне будут в ответе за них не больше, чем за Карфаген, Дрезден и Деймос.

Согласно разведданным, авелиане были поразительно схожи с землянами в культурном и физическом плане; наверняка пилота встречного корабля тоже послали для галочки, и очутись он, как и Дэниел, без связи, на командующего авелианского флота это никак не повлияло бы. Как ни крути, бедная NRGС 984-D очутилась не в том месте не в то время – иначе говоря, попала на ось координат в момент, когда между Землей и Авелией вот-вот разразится битва.

У Дэниела начала болеть рука. Ноги подкашивались. Вскрыв аптечку, он промыл рану на руке и забинтовал. Кровотечение прекратилось, но слабость никуда не делась. По-хорошему, прилечь бы отдохнуть, однако Дэниел пересилил себя. Во-первых, он все равно обречен, а во-вторых, глаз различил вдалеке знакомые очертания построек. Теоретически там, где есть здания, должны быть и разумные существа. Осталось проверить, насколько это предположение верно. Глупо, конечно – какая разница, с кем придется разделить печальную участь, – но выяснить, тем не менее, хотелось.

Сняв громоздкий скафандр и шлем, Дэниел открыл шлюз и выбрался наружу. Планета уже преодолела меридиан. Астронавт мгновенно сориентировался по солнцу. С севера и востока равнину ограничивали подернутые дымкой холмы. Небо на востоке пронзали острые шпили гор. На юге виднелись таинственные строения. Три по форме напоминали пирамиды. Четвертое, что стояло восточней, разительно отличалось от остальных, и напоминало, напоминало...

Дэниел прищурился, вглядываясь в знойное море. Невероятно, но четвертый силуэт смахивал на... сфинкса!

Горячая согласно справочнику, в действительности NRGС 984 с ее изнуряющим жаром могла смело претендовать на звание сверхжаркой звезды: через полмили Дэниел изнывал от жажды. Еще че-

рез полмили появилось желание бросить все и вернуться. Бедняга постоянно прикладывался к фляге, которую захватил с корабля, делая крошечные глоточки ледяной воды. Впереди четко вырисовывались аналоги пирамид... Хотя кого он обманывает? На горизонте маячили именно пирамиды. Четвертое сооружение – точнее, не сооружение, а статуя, и впрямь оказалось сфинксом.

Едва волоча от жары ноги, Дэниел гадал, не занесло ли его часом в Египет – к равнине Гиза, где великий сфинкс Гармахис охраняет пирамиды Хеопса, Хафра и Микерина, расположенные в земной столице Кафр-эль-Харан. Чем дальше, тем сильнее крепла уверенность, что его отбросило на пять тысяч лет назад, в древний Египет, когда пирамиды и сфинкс сияли девственной новизной, ибо здешние конструкции возвели совсем недавно. Пирамиды построили будто вчера, сфинкс и вовсе смотрелся как живой – казалось, он вот-вот вскочит на огромные лапы и бросится на встречу путнику, чтобы поприветствовать его.

Или убить.

А может, третий вариант, самый логичный: ранение и безжалостные лучи стали причиной галлюцинации. Но откуда такая экзотика? Если бредить, то чем-нибудь своим, наболевшим. Почему не представить залитую огнями улицу, где соседствуют игорные и публичные дома, или кристально-чистое озеро, хижину на поросшем деревьями берегу и каноэ на тихой глади волн?.. Как и многие путешественники, Дэниел жаждал забыться в одиночестве и пороке, правда, безуспешно. Но эти образы хотя бы крутились в голове, чего не скажешь о египтологии. Да, он бывал в равнине Гиза, видел пирамиды, сфинкса, читал у Геродота о Хеопсе, Хафре и Микерине. Однако в причудливой смеси приключений, выпавших на его долю, фараоны и усыпальницы не играли ни малейшей роли, а потому пригрезиться просто не могли.

Или могли? Дэниел решил подойти поближе и проверить, хотя здравый смысл советовал прервать опасное путешествие и вернуться на корабль.

Пирамиды вырисовывались все отчетливей, особенно первая, настоящий монолит. В семистах метрах восточнее возвышался сфинкс. Тот, что стоял в Гизе, насчитывал почти пятьдесят восемь метров в длину и двадцать один в высоту, из них десять – расстояние от лба до подбородка. Однако здешний истукан явно превосходил его размерами.

Похоже, сфинкс прочел мысли Дэниела, ибо каменное чудище повернуло голову, и его золотые глаза уставились на путника. Тот оцепенело наблюдал, как исполин поднялся и бросил оценивающий взгляд на разделявшие их пятьдесят метров.

Ноги у Дэниела подкосились, разом нахлынуло все: потеря крови, изнуряющая жара, сомнения, терзавшие его после убийства повстанцев с Деймоса – и он кулем рухнул

на землю. Пески задрожали – еще бы, когда по ним скачет такая махина!

Вскоре астронавта накрыла прохладная тень. Небо заслонила огромная голова, золотистые глаза смотрели, не мигая. Исполин нагнулся, разинул гигантские челюсти. Дэниел потянулся за пистолетом, но вдруг обнаружил, что не может шевельнуть правой рукой. Углубившись в недра сознания, он отыскал темную пещеру, заполз туда и зажмурился.

Дочь Хеонса

Очнулся он уже не в пещере. И явно не в желудке сфинкса. Тело покоилось на чем-то мягком, ноздри щекотал приятный аромат. Внутри разливалась невероятная легкость, рука перестала болеть. Почувствовав прикосновение нежных пальцев, Дэниел открыл глаза.

Над ним склонилась девушка: узкое лицо, царственный лоб, тонкий прямой нос, острый подбородок. Черные как смоль волосы убраны под причудливую тиару в форме короны. Худенькая, но с округлыми формами, которые только подчеркивал облегающий лиф и облегающая юбка до колен. Тиара, лиф, юбка отливали золотом. Приподнявшись на пуховой перине, Дэниел различил на незнакомке плетеные сандалии того же оттенка, увидел оливково-смуглую кожу.

Однако ни экзотическая внешность, ни диковинный наряд, ни гармонирующее с ними королевское высокомерие, не шли ни в какое сравнение с необычайными глазами девушки. Миндалевидные, чуть раскосые, словно золотистые бездонные озера, в которых так легко утонуть. Пылкий взгляд сметал все заслоны, которые Дэниел успел воздвигнуть вокруг себя.

«Пирамиды, сфинкс, теперь еще египтянка, – раздосадовано думал он. – Хотя она вполне вписывается в антураж».

– Только не говори, что тебя зовут Клеопатра, – начал Дэниел и осекся: правильная английская речь в ее ушах наверняка прозвучит тарабарщиной.

В первые же секунды египтянка убрала руку с его лба, отступила от ложа, но при этом ни грамма не смутилась.

– Наглец! Мало того, что дочь фараона врачует ему раны как простая служанка, так он еще смеет требовать ее имя!

Она вдруг нахмурилась, в изумлении глядя на почти невесомый внутренний скафандр. В сочетании с черными космическими ботинками наряд выдавал в Дэниеле десантника терранских ВВС, однако девушке не говорил ровным счетом ничего.

– Где ты обучился египетскому наречию, чужеземный раб?

«Определенно, NRGС 984-D полна сюрпризов, – пронеслось в голове у Дэниела, – пора бы уже привыкнуть и не удивляться». Но это получалось с трудом – Дэниел смотрел на девушку, разинув рот. Приподнявшись на локте, он заметил, что она и впрямь перевязала рану и даже сумела унять боль, вернув часть прежних сил. А еще – подумать только! – назвала его рабом.

– Египетскому я научился там же, где ты общесоюзному, – ехидно парировал Дэниел.

Девушка растерянно моргнула, не понимая, о чем речь. В бездонных глазах читалось желание парой метких фраз поставить наглеца на место, но лезть на рожон она не рискнула.

– Велик мой грех перед Амоном-Ра, коли он наказал меня такими тяготами и обществом.

Холл присел на возвышении, оказавшемся кроватью.

Стояла она в небольшой, но на редкость уютной комнатке. Стены и пол из розового гранита, повсюду множество свечей в нишах, почти неотличимых от бра. Дополняли интерьер две мраморные скамьи, мраморный столик, небольшой постамент из зеленоватого диорита увенчанный неглубокой диоритовой чашей, похожей на птичью поилку. Однако Дэниел сообразил, что замысловатая конструкция на самом деле очаг. Напротив ложа виднелся завешанный пологом вход в другие покои. Украшала полог вышивка в виде человеческих фигурок с коровьей головой.

Дэниел никак не мог избавиться от ощущения, что находится внутри самой большой пирамиды – от одного этого бросало в дрожь, а тут еще надменная дочь фараона.

– Скажи, кто твой отец? – не выдержал он.

Египтянка горделиво выпрямилась, глядя на Дэниела, как на ошметок грязи из-под колесницы. Однако он готов был поклясться: за нарочитым высокомерием в ее голосе таился стыд.

– Мой отец – великий царь Хуфу, да продлятся его дни! Как ты смеешь, раб, не знать имени великого властителя?

Хуфу! Значит, она дочь старика Хеопса, и ей без малого пять с половиной тысяч лет. Дэниел тяжело вздохнул.

– А по платью и не скажешь.

Девушка смолчала.

Дэниел окинул ее проницательным взглядом.

– Выходит, мы сейчас в окрестностях Мемфиса, в пирамиде, которую твой батюшка строил целых двадцать лет.

Впервые египтянка не смогла скрыть замешательства, угадывающегося в ней с самого начала. Теперь она казалась не принцессой, а маленькой девочкой, которая вышла из своего двора и заблудилась в соседском.

– Я чувствую, ты не врешь, но не могу поверить. Не понимаю... Отец успел возвести лишь одну мастабу – един-

ственную в своем роде, а здесь их целых три, полностью отстроенных. Еще не понимаю, почему я тут совсем одна.

– Но как тут очутилась помнишь?

Она отчаянно помотала головой.

– Послушай, две луны назад я сидела в... – Египтянка на мгновение умолкла, собралась с духом и начала заново: – Две луны назад я легла спать, а утром, когда Амон-Ра спустился со своего трона, очнулась здесь, в этом странном краю. Не знаю, что теперь мне делать.

Казалось, она вот-вот заплачет. Но Дэниел не испытывал жалости, задетый высокомерием красавицы. Душа не лежала к людям, называющим других рабами. Это во-первых. А во-вторых, в байку про Хеопса верилось с трудом. Неужели это и впрямь дочь фараона? А если нет, то кто? Авелианская Мата Хари? Чушь! Шпионка может прикинуться кем угодно, но надо быть чокнутой, чтобы выдать себя за египетскую принцессу пяти тысяч лет от роду! Да и откуда взяться шпиону на планете, о существовании которой обе империи узнали какие-то пару дней назад и не узнали бы никогда, не очутись NRGС 984-D в точке, где терранские и авелианские войска вот-вот сойдутся в схватке, которая определит исход столетней войны. Скоро решится, кто будет править Галактикой: демократ-социалисты с Авелии или социократы с Земли.

– Скажи, мне померещилось, или снаружи и впрямь слоняется чудище размером с гору? – вдруг спросил Дэниел, намереваясь застать девушку врасплох.

Однако та и бровью не повела.

– Нет, не почудилось, – откликнулась спокойно, словно речь шла не о сфинксе, а о бродячем коте. – Та-Что-Возводит-Усыпальницы осталась со мной. Вопреки опасениям, она не покинула меня. Увы, Великая Зодчая не удостоила меня беседой, и я не смогла выяснить, почему она бросила

строить гробницу отца, зачем возвела эти три и для кого.

Сфинкс-строитель стал последней каплей. Девица и раньше несла откровенную чушь, но история про Зодчую не лезла ни в какие рамки. Спрыгнув с высокого ложа и убедившись, что лазерный пистолет по-прежнему в набедренной кобуре, Дэниел засобирался уходить:

— Все равно от тебя ничего не добьешься, поэтому перестань вешать мне на уши лапшу, Мисс-Не-Знаю-Как-Вас-Там, лучше покажи, как отсюда выбраться. Дальше я сам.

Египтянка на мгновение опешила. Топнула правой ногой. Потом левой. Воинственно сжала кулаки.

— Бессовестный раб! Как ты смеешь упрекать меня, дочь великого Хуфу, в обмане!

— В обмане? — передразнил Дэниел. — Да ты врешь как сивый мерин.

Он бы добавил еще много чего, но передумал, увидев в бездонных глазах слезы. Отвернувшись, девушка ткнула пальцем в полог.

— За этими покоями будут другие, за ними следующие. После начинается коридор, ведущий в галерею. Ступай, раб.

Дэниел так и сделал.

Проект «Пирамида»

Шагнув за порог, он вдруг вспомнил, что не спросил, как попал внутрь пирамиды. Хотя чего спрашивать. Мадам накормит его очередной байкой.

И все-таки, как?

Может, после галлюцинаций со сфинксом, он прополз остаток пути, а таинственная незнакомка подобрала его и затащила сюда? Как ни крути, она спасла его от неминуемой смерти, а он так грубо с ней обошелся.

Судя по убранству, вторая комната была гостиной: повсюду обитые дорогой тканью кушетки, на пушистом ковре уютно разбросаны подушечки-думки. За гостиной следовала кухня. Всю стену до потолка занимали полки с разной утварью, огромный кирпичный очаг запросто вместил бы слона. Рядом виднелась жаровня поменьше, для не столь толстокожих блюд.

Вопреки словам девушки, за третьим пологом вместо коридора оказался просторный внутренний двор. До самого потолка, словно подпирая его, высились каменные колонны, увенчанные коровоподобными ликами. Изогнутые рога переплетались с капителями, создавая причудливый орнамент. Дэниел вдруг вспомнил, кого изображала скульптура – Хатхор, богиню любви.

Не мешкая, он пересек двор, миновал широкую арку и вскоре очутился в длинном коридоре. За ним вырисовывался треугольный монолит, посеребренный лунным светом. Дэниел устремился туда, с наслаждением вдыхая ночную прохладу. Похоже, без сознания он пролежал долго.

Поскорей бы увидеть звезды! Умом Дэниел понимал, что никак не мог оказаться в древнем Египте, а сфинксу, пирамидам и смуглянке скорее всего есть вполне логичное объяснение, но лучше знать наверняка. Звезды ему подскажут. Они никогда не лгут.

Дэниел запрокинул голову. Постройка за спиной и галерея скрывали половину неба, на видимой же половине не горело ни одного знакомого созвездия. У Дэниела вырвался вздох облегчения. Интересно, почему? Разве древний Египет не лучше? Там у него есть шанс прожить долгую жизнь. Здесь он вряд ли протянет до утра.

По ту сторону широкой и просторной галереи до самого потолка тянулись четыре исполинских колонны, неотличимые от тех, что стояли во внутреннем дворе. Между двумя

центральными белели мраморные ступени, уходящие вниз. Миновав мраморную площадку, Дэниел легко сбежал по лестнице.

Вокруг царила мертвая тишина. Над головой, растопырив лапы, переливался звездный крокодил. Вобрав небесный свет, белые пески равнины сияли миллиардами крошечных частиц, излучающих собственное сияние. Позади высилась пирамида Хеопса – вопреки здравому смыслу Дэниел продолжал величать ее именно так, – острый шпиль возвышался над землей на добрых сто пятьдесят метров. Слева темнели пирамиды поменьше, справа возлежал величественный Сфинкс.

Красота статуи невольно внушала восхищение, почти благоговейный трепет. Женщина-сфинкс серебрилась в мерцании звезд. Бока гладкими кручами перетекали в изгиб позвоночника. Величественная голова заслоняла мириады светил. Благородный профиль вырисовывался на фоне ночного неба.

Дэниел направился к каменному исполину. Еще в Гизе монумент произвел на него неизгладимое впечатление. Даже обветшавший с веками, он не утратил магического очарования, которое неумолимо влекло к себе. Однако сфинкс в Гизе не шел ни в какое сравнение со здешним и казался всего лишь грубо вытесанной глыбой, поддерживаемой кирпичной кладкой. Под ладонью ощущался камень и ничего кроме камня. Женщина-сфинкс была апофеозом архитектурного мастерства. Неудивительно, что в бреду Дэниел принял ее за живую. Даже в ясном уме чудилось, что она вот-вот встанет и царственной поступью зашагает по пустыне.

Интересно, что случилось с ее зодчими? С теми, кто возвел три пирамиды, на страже которых она стоит? Не они ли строили пирамиды Египта? Не они ли...

«Со строителями ничего не случилось, Дэниел Холл. С ними ничего не случится, если поведут себя умно».

Как только эти слова отзвенели в голове, Дэниел увидел, что колосс поворачивается к нему – неподвижное секунду назад гигантское тело вдруг налилось силой. Непроницаемые глаза, точно два золотых солнца, светились недюжинным умом. Дэниел сам застыл как статуя.

В конце концов, почему бы сфинксу не ожить? Ваяют же статуи людей, но это не значит, что люди сделаны из камня.

«Даже бедное дитя, врачевавшее твои раны в храме Хатхор, не столь высокомерно как ты. Она с первого взгляда узрела во мне живое существо. Ты же позволил себе усомниться и вознегодовал только потому, что бедняжка в своем заблуждении не сочла тебя ровней, назвала рабом. Позор, позор тебе, Дэниел Холл!»

— И что теперь? — спросил он со смесью цинизма и страха. — Сожрешь меня?

«И снова в тебе говорит гордыня! Думаешь, всякий, кто больше тебя, воплощает зло. И чем огромней существо, тем оно злей и жадней до человеческой плоти. Нет, я не собираюсь пожирать тебя, Дэниел Холл. Это ты и тебе подобные норуют пожрать нас с сестрами. Точнее, пожрали бы, не прими мы соответствующие меры. Хотя у вас еще есть шанс преуспеть. Вы вот-вот уничтожите нас, не потому, что хотите, а потому, что не удосужились узнать, существуем ли мы».

— Неправда, — запротестовал Дэниел. — Меня затем и послали, чтобы выяснить.

«Как и авелианина. Но даже сумей вы оба, или по-отдельности, доложить о своем открытии начальству, битва все равно состоится, о чем тебе хорошо известно. К слову, тебе совсем необязательно говорить и уж тем более кричать. Я умею читать и внушать мысли на расстоянии».

«Так это ты управляла кораблем! Из-за тебя мы разбились!»

«Да, я управляла приборами, из-за меня вы разбились, Дэниел Холл. Моя сестра на соседней территории позаботилась о твоём противнике. Если наш проект удастся, вы

оба понадобятся. Но я, хоть и спровоцировала аварию, Дэниел Холл, физического вреда причинить тебе не хотела. Такие мелочи не подвластны телекинезу. Впрочем, благодаря искусному врачеванию Ахуры ты полностью исцелен».

«Ахура?»

«Юная принцесса, с которой ты так бесцеремонно обошелся в храме Хатхор».

«Из нее такая же принцесса, как и из тебя! — «выпалил» Дэниел. — Египет уже сто лет как присоединился к Союзу Земных Государств, когда столицей назначили Кафр-эль-Харан, и никаких принцесс там быть не может, хоть эта малютка тресни. Как класс они исчезли давным-давно».

«Но в прежние века они существовали. Ахура не солгала, она и впрямь дочь Хеопса».

«Чушь! Дочь Хеопса умерла пять тысяч лет назад!»

«Нет, — спокойно парировала Сфинкс, — она жива, хотя до вчерашнего дня об этом не подозревала. Прибыв сюда пятьдесят два столетия назад и согласовав с сестрами наш план, я вскоре узнала, что Хеопс в своем стремлении воздвигнуть гробницу отдал родную дочь в дом терпимости. Вина за случившееся отчасти лежала на мне, ведь это я потребовала у фараона все сокровища в обмен на пирамиду. Поскольку кого-то вроде Ахуры все равно планировалось забрать, я выкрала ее, погрузила в летаргический сон, после чего построила специальную капсулу и попросила сестру забрать девушку с собой. Ее поместили в особую гробницу на Торносе — известном тебе как NRGС 984-D — ждать своего часа. Два дня назад он пробил: я забрала Ахуру из гробницы, одела в привычное ей платье, перенесла в храм Хатхор и воскресила. Естественно, Ахура — ее настоящая имя. Принцесса решила, что покинула дом терпимости совсем недавно, и непроизвольно сделала шаг к новому обличью. Я вовремя вмешалась, но пережитый кош-

мар успел наложить свой отпечаток».

Тонуший Дэниел ухватился за первую же соломинку.

«Но Геродот пишет, что принцесса пробыла гетерой довольно долго, а в качестве платы брала с клиентов строительные блоки, из которых потом сложила маленькую пирамиду рядом с отцовской».

«Стыдись, Дэниел Холл, ты ведь и сам не веришь в то, что говоришь. Геродот в твоём представлении отец истории и отец лжи одновременно. Его рассказы о Египте суть задокументированные слухи, однако едва ли он лгал с умыслом. Скорее всего, просто повторял байки, что слагли поколения, пришедшие на смену четвертой династии. Так или иначе, про Ахуру у Геродота нет ни слова правды».

Но Дэниел уже и думать забыл о принцессе.

«Ты утверждаешь, что прилетела на Землю пятьдесят два столетия назад. Значит, тебе свыше пяти тысяч лет!»

«Верно, — согласилась Сфинкс, — даже больше, если считать инкубационный период, а считать его нужно, ибо мы взрослеем задолго до того, как являемся на свет..А живем в среднем пятнадцать тысяч лет — по вашему летоисчислению, разумеется. Как видишь, у меня в запасе еще есть время — точнее, будет, если предпринятые нами меры предотвратят Армагеддон, который ваши и авелианские войска норовят учинить в этих землях».

Золотые глаза обратились к небу, а после вновь уставились на Дэниела.

«Плеяд» пока нет, — констатировала Сфинкс. — Но скоро появятся. Кстати, термин я позаимствовала из твоего сознания, Дэниел Холл».

Плеядами разведка называла космический флот на планетарной орбите. Впрочем, Дэниела сейчас мало заботила военная терминология, у него были дела поважнее.

«Выходит, вы с сестрами создания партеногенетические?»

«Совершенно верно, Дэниел Холл.

«И у каждой свои пирамиды?»

«Нет, только у тех, кому они необходимы».

«Хорошо, а кто их построил?» – продолжал он допрос.

«Мы сами, но не коллективно, а поодиночке. Пирамиды в Гизе возводила я».

«Да перестань! – взорвался Дэниел. – Ты строила пирамиды? Интересно, чем?»

«Моя левая лапа прямо перед тобой. Смотри внимательно, Дэниел Холл. Что ты видишь?»

Дэниел присмотрелся. Повисло долгое молчание.

«Вижу... – нарушил паузу землянин, – вижу пять могучих приспособлений. Первые два, которые можно соотнести с моими большим и указательным пальцами, похожи на огромные клешни. Третий смахивает на инструмент для выделки камня. Четвертый и пятый подходят для любой работы».

«Правильно. Мы с сестрами прирожденные каменички и строители, но с веками наши способности росли и теперь охватывают бесчисленное множество сфер. Камень для строительства пирамид, что у тебя за спиной, я добывала в горах на западной границе своих дхена – моих владений, потому проблем с транспортировкой не возникло. Благодаря расположению дхенов, на нашей планете они вообще возникают редко. Однако камень, из которого сложены пирамиды в Гизе, пришлось добывать в соседних областях, поэтому вопрос перевозки встал ребром, и я прибегла к помощи царствующих фараонов. Без их участия усыпальницы вряд ли бы удалось воздвигнуть. Строительство растянулось на полторы сотни лет – почти все время правления четвертой династии. Не скрою, я могла закон-

чить и раньше, но срок был выбран специально, кроме того, мне хотелось, чтобы пирамиды считали плодом человеческих трудов. Первая пирамида принадлежала Хеопсу, вторая – Хафру, третья – Микерину».

«Но зачем понадобилось строить их на Земле?»

«Мы с сестрами обладаем даром предвидения. Дар этот особенный, возникает лишь в минуты, свободные от тревог и печалей, но даже в эти короткие мгновения позволяет узреть многое. Пятьдесят два века назад по вашему летоисчислению моя сестра увидела, как над Торносом столкнутся терранский и авелианский флот, в результате схватки наша планета погибнет. Сестра также предугадала появление разведывательных кораблей противников и, по нашей давней традиции, созвала срочный совет. Тщательно проанализировав ситуацию, старейшины выработали единственно верное решение: отправить двоих на Терру и Авелию, чтобы там принять меры по спасению нашей цивилизации. Основываясь на стратегическом местоположении наших дхенов и точке вашего с авелианином появления, мне выпал жребий лететь на Землю. Сестре из соседних владений досталась Авелия».

«Быстро вы, однако, подсуетились! А как же сражение? Или оно не состоится?»

«Не должно. В любом случае, мы сделали все возможное – не допуская ярого геноцида и преждевременного вмешательства в естественное развитие двух цивилизаций».

«Если уж смотрите на пятьдесят два столетия вперед, могли бы заглянуть чуть дальше в будущее и узнать наверняка, чем все закончится!»

«Ты плохо слушаешь, Дэниел Холл. Дар появляется в минуты, свободные от забот и страха, а они терзали нас на протяжении всех пятидесяти двух веков».

Дэниел ненадолго задумался, потом снова ринулся в атаку.

«Хорошо, допустим, что ты сумела добраться до Земли безо всякого космического корабля. Допустим, умудрилась остаться незамеченной летописцами и считаешься мифом. Но будь добра, объясни, как можно предотвратить битву строительством пирамид на другой планете за много тысяч лет до начала войны?»

«На двух других планетах, Дэниел Холл, — поправила Сфинкс. — Пока я возводила пирамиды на Терре, моя сестра из соседних владений строила точно такие же на Авелии».

«На одной, на двух — не суть. Или все дело в форме, размерах и расположении пирамид в Гизе? В смысле, за ними кроется какое-нибудь сверхоружие четвертого измерения?»

Сфинкс громогласно захохотала.

«Да, дело отчасти в форме, размерах и положении пирамид, но в остальном неверно, Дэниел Холл. К рассвету ты получишь ответ на свой вопрос. Насчет двух других не уверена, поэтому разъясню сама. Мы с сестрами перемещаемся посредством телепортации, используя паравоображений источник энергии. К сожалению, мы не в силах перенестись из пункта А в пункт Б, если их космические переменные не связаны, что весьма сужает наши возможности. Если же, как в данном случае, одной сестре нужно попасть из пункта А в пункт Б, а другой — из А в Д, причем за единый телепортационный период, тогда космические переменные ограничивают нас вдвое. Пятьдесят два века назад при соотношении Торнос-Земля и Торнос-Авелия, телепортационный период сократился до трех столетий. Следующие тысяча двести лет исключали телепортацию, триста лет после разрешали и так далее. Теоретически, какой-нибудь телепериод должен был совпасть с тремя столетиями, предшествующими сражению, но на практике этого не произошло, поэтому нам при-

илось прибегнуть к окольному методу для спасения родной цивилизации. К счастью, первые три века вполне подходили для задуманного нами плана. Что касается второго вопроса, мое появление осталось незамеченным, поскольку я сделала все, чтобы этого не допустить. В противном случае люди наверняка разгадали бы наш секрет, поставив под угрозу весь план — и весь наш род. Вот почему, покидая вашу планету, я стерла у землян воспоминания о себе, приписав заслугу строительства пирамид в Гизе фараонам. Увы, стереть память можно лишь на девяносто пять процентов; забыв мои деяния, фараоны, жрецы и рабы продолжали помнить меня. Я подозревала нечто подобное, но окончательно убедилась лишь сегодня, когда прочла твои мысли, пока несли твоё брненное тело к Ахуре. Хорошо, воспоминания сохранились обрывочные, хоть меня и связывали с пирамидами в Гизе, никто и помыслить не мог, что я приложила руку к их созданию. В итоге меня отнесли к пантеону богов, а в Гизе возвели статую, где я стараниями Гармахиса предстала в образе бога солнца Амон-Ра. Прочие же, как вы их зовете, «сфинксы» своим происхождением безусловно обязаны мне, как и многочисленные пирамиды за пределами Гизы. Хотя еще до Хеопса некий архитектор Имхотеп изобрел модель ступенчатой пирамиды, которая могла лечь в основу более поздних сооружений. Что до неегипетских пирамид и сфинксов, коих на вашей планете в избытке, частично они возникли благодаря мне, но в большинстве случаев на то имелись свои религиозно-социальные причины. Так или иначе, я возвела лишь усыпальницы в Гизе. Да будет тебе известно, моя сестра предвидела не только грядущий Армагеддон, но и местоположения будущих столиц Земли и Авелии».

«Кстати, о сестре, которая отправилась на Авелию. Она тоже построила там пирамиды?»

«Точную копию тех, что находятся в Гизе. Помимо внешнего и внутреннего сходства, у землян и авелианцев почти одинаковое прошлое. В широком смысле слова, разумеется».

Сфинкс обратила взор на восток. Проследив за ее взглядом, Дэниел различил на небе первых «Плеяд». На огромном расстоянии крупинками звезд мерцали дредноуты, суда поменьше оставались невидны.

Дэниел насчитал шесть ярких точек – вопрос, чьи они. У Терры с Авелией было по шесть главных военных кораблей. Он повернулся к западу. Так и есть: над горами поднимались еще шесть звезд.

«Похоже, нам предстоит любоваться действием от начала до конца, – посетовал землянин. – Хотя по мне, лучше бы они выступали засветло – хоть какой-то шанс».

«На самом деле, никакого. Даже не знаешь, где ваш флот, Дэниел Холл?»

«Не знаю и не хочу знать!»

«Понимаю. – Сфинкс секунду молчала. – Может, тебе вернуться к Ахуре и подставить бедняжке свое крепкое плечо? Нет ничего хуже страха неизвестности».

Дэниел вспылил.

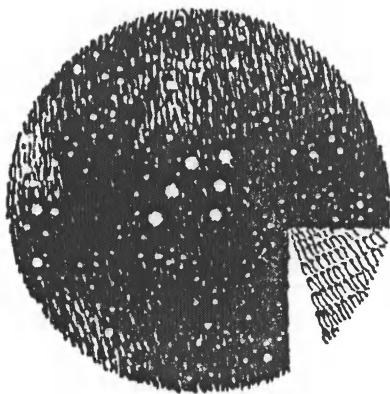
«Сама бы ее и просветила!»

Сфинкс снова захохотала.

«Скажи, Дэниел Холл, как объяснить битву гигантских космических флотов наивному дитя, свято верящему, что вселенную сотворили три антропоморфных существа одним волшебным взмахом руки? Бог воздуха Шу держит на своих плечах сестру Нут, небо, а посередине пролегает их брат Геб, земная твердь. С момента воскрешения Ахуры я успела многое, в частности обучила ее вашему языку».

«Намек понят. Ладно, можно попробовать».

«Нужно, Дэниел Холл. Правда, займет это не дни, не не-

дели, даже не месяцы, и пробовать придется тебе, а не мне. Ахура умна и, дай срок, научится всему, что ты можешь ей дать. А мудрые книги и учебные подспорья, хранящиеся в первой ступени маленькой пирамиды, станут источником безграничных знаний как для Ахуры, так и для тебя, Дэниел Холл».

«Минуточку! – возмутился Дэниел. – Допустим, я соглашусь помочь тебе с неведомым проектом, но какой мне прок от мудрых книг на древнеегипетском, которые вряд ли удастся открыть, учитывая их габариты?»

«Все книги написаны на общесоюзном языке и размером не отличаются от привычных тебе, Дэниел Холл. У нас были тысячи лет, чтобы подготовиться к решающему моменту, и поверь, подготовились мы на славу. Сейчас нет смысла обсуждать, согласен ты или нет. Битву еще не предотвратили, и не факт, что предотвратят. Если все кончится хорошо, возвращайся сюда. А пока ступай к Ахуре. Можете укрыться в храме Хатхор, но ты не хуже меня знаешь, что без системы отражателей от смертоносных лучей эскадры нет спасения».

Дэниел заглянул в непроницаемые золотые глаза и уловил в них... горечь? Печаль? Точно не скажешь.

«А если вы не остановите сражение?»

«Тогда прощай, Дэниел Холл. Рада была знакомству. По сути, наши расы очень похожи. Все мы, включая авелиан,

движимы единым порывом, только величаем его по-разному. То, что у нас зовется «эгоизм», вы с авелианами именуете патриотизмом. Человеку свойственно любить родину, но страна есть не более чем продолжение нас самих, и любовь к ней прямо пропорциональна любви к самим себе. Нельзя изменить свою сущность, но поняв ее, можно принять истину. Теперь ступай, Дэниел Холл. Ахура ждет».

Рассказ Ахуры

Ахура устроилась на нижней ступеньке галереи. Дэниел сел рядом.

– А вот и я.

– Вижу. – Раскосые глаза следили за восточными «Плеядами», сияющими высоко над горизонтом. В звездном свете классические черты придавали египтянке сходство с античной статуей. Наконец она повернулась к Дэниелу. – Если желаешь, могу приготовить тебе трапезу.

– Потом, я не голоден.

– Я предлагаю не по зову сердца, а по велению Той-Что-Возводит-Усыпальницы.

– Не беда, – легко откликнулся Дэниел. – Тебе все равно даже чайник не вскипятить.

Египтянка нахмурилась.

– Ты говоришь загадками, раб.

– Можешь звать меня по имени – Дэниел. Пусть я всего лишь винтик в терранской военной машине, но не раб точно.

– Дэн'ел?

– Типа того.

– А меня зовут Ахура. Уверена, Великая Зодчая тебя уже просветила.

– Более чем. У меня вообще чувство, что мы до сих пор у нее под колпаком.

– Великая Зодчая всезнающая, – авторитетно заявила девушка и чуть погодя добавила: – Судя по странному платью и неучтивости, ты прибыл из далекой страны.

– Ты о такой даже не слышала. И не надо. – Заметив, что взгляд Ахуры вновь устремился к восточным «Плеядам», он ткнул в участок неба над горным хребтом. – Там еще одни.

– Знаю. Сегодня небосклон оделся в причудливый наряд, куда необычней вчерашнего.

Девушка обратила взор к созвездию Крокодила – туда, где должно состояться сражение, если оба флота не изменят траекторию.

– Узи! Себек поднялся со дна реки и воспарил над миром. Это плохой знак, Дэн'ел.

Египтяне и впрямь почитали крокодила среди прочих божеств, вспомнил Дэниел. Тем временем Ахура сидела, судорожно стиснув руки – за внешней невозмутимостью крылся панический страх. Своими примитивными инстинктами она не хуже землянина понимала, что смерть уже тянет к ним когтистые лапы.

– Не нервничай. Себек исчезнет к рассвету и вновь засияет Амон-Ра, – попытался успокоить девушку Дэниель.

– Плохой знак, – грустно повторила она, – и виною тому не только Себек. Весь день у меня из головы не идет история обреченного принца, услышанная в далеком детстве. Не к добру это, не к добру.

– Если из головы не идет, надо с кем-нибудь поделиться. Со мной, например.

Ахура угрюмо взглянула на него, словно прикидывая. Дэниела как током ударило: да она же красавица, поразительная, несравненная!

Наконец египтянка решилась.

– Ладно, расскажу. Жил на свете царь, и не было у него сыновей. В отчаянии он взывал к богам, умоляя послать

ему наследника. Боги смилостивились, и в положенный срок царица родила первенца. Но вестники Хатхор предрекли ему печальную участь, сказав, что мальчик погибнет от укуса зверя: крокодила, змеи или собаки. Преисполненный скорбью отец велел выстроить в пустыне дом, настоящий дворец, и запретил сыну покидать его пределы. Юный принц подрос и в один прекрасный день с крыши заметил собаку, бегущую по дороге вслед за хозяином. «Что это за зверь?» – спросил принц слугу. «Собака» – ответил слуга. «Принеси мне такую же» – потребовал мальчик. Слуга отправился к царю, и тот велел: «Добудьте ему собаку, дабы в душе у него не поселилась тоска». Так у принца появилась собака.

– Улавливаешь суть? – вклинился Дэниел. – Дав слабинку в самой безобидной угрозе, отец сделал сына более уязвимым перед лицом двух других.

В золотых глазах мелькнуло удивление.

– Ты мудро рассуждаешь, Дэн’ел. Напрасно я звала тебя рабом. – И она продолжила: – Став юношей, принц обратился к отцу: «Почему ты держишь меня взаперти? Раз уж мне предначертано умереть, позволь мне самому встретить свою судьбу». На том и порешили. Принца снарядили в дорогу, дали оружие и вместе с верным псом отправили в восточные края. Отец сказал на прощанье: «Слушай сердце, оно укажет тебе путь». Сердце позвало юношу на север, пищей ему служила дичь, добытая в пустыне. Вскоре он забрел во дворец владыки Нахарина, у которого была единственная дочь, жившая в башне высотой в семьдесят локтей. Владыка собрал сыновей окрестных вельмож и сказал: «Тот, кто доберется до верхнего окна башни, возьмет мою дочь в жены». Увидев многочисленных юношей, осаждающих башню, принц спросил, зачем все это. Выслушав ответ, вскарабкался по стене, прямо к окну принцессы Нахарина.

Она поцеловала победителя, прижала к груди...

Взгляд Ахуры скользнул вверх – на сей раз к западным «Плеядам». Те поднимались медленнее восточных, то ли потому, что намеченный курс совпадал с осью вращения планеты, то ли командующий просто не хотел спешить. Так или иначе, битва вот-вот состоится в центральной точке небес NRGС 984-D – акkurat в созвездии Крокодила.

«Поди угадай, где враги, а где друзья, – размышлял про себя Дэниел. – Отсюда идеологических разногласий не видно. Интересно, беспристрастная Сфинкс различает мысли с любого расстояния?»

Дэниел криво усмехнулся. Ахура судорожно расплетала и переплетала тонкие пальцы, нижняя губа чуть-чуть дрожала. Дэниел придвинулся ближе, однако обнять девушку не рискнул.

– Рассказывай дальше, – попросил он, – а то оставила меня висеть в семидесяти локтях над землей.

Непритворное изумление Ахуры в других обстоятельствах показалось бы забавным.

– Ты говоришь загадками, Дэн’ел. Совсем как Та-Что-Возводит-Усыпальницы. Но так и быть, слушай. Увидев, что юноша добрался до окон принцессы, владыка Нахари-на отдал ему девушку в жены, подарил дом с большими угодьями, скотом и слугам. Вскоре юноша признался жене: «Меня преследуют три злых рока: крокодил, змея и собака. От кого-то из них я обречен погибнуть». Тогда принцесса сказала: «Давай убьем пса, он ходит за тобой по пятам». Но молодой супруг воспротивился убивать существо, которое воспитывал с младых ногтей. В страхе за мужа принцесса не отпускала его в странствия одного. Однажды чета отправилась в Египет и взяла с собой пса. В город пробрался обитавший в реке крокодил, но местный великан пленил хищника. Каждую ночь, пока крокодил спал, великан

уходил, а на рассвете возвращался и так продолжалось два месяца. Однажды юноша устроил в доме пир, а вечером лег и провалился в глубокий сон. Жена тем временем налила плошку молока и поставила рядом с постелью, сама села рядом. Вскоре в дом забежал пес, за ним в спальню вползла гадюка. Слуги напоили

ее молоком. Напившись, змея перевернулась на брюхо. Юная принцесса вспоролла его кинжалом, а после разбудила изумленного мужа со словами: «Узри, твой бог отдал твою судьбу в мои руки. Я отвела эту беду, отведу и другие». И воздал юноша хвалу своему богу, и каждый день благодарил его за милость. Шли дни, молодой принц гулял по угодьям, и верный пес с ним. Однажды пес погнался за дичью, молодой принц следом. Вскоре оба очутились в реке. Потом...

Ахура осеклась, когда яркий луч, устремившись от восточных «Плеяд» к западным, отразился от защитного экрана и копьем пронзил атмосферу NRGС 984-D, чудом не задев горы на западной границе владений Сфинкса. Огромная махина Великой Зодчей, темнеющая на фоне восточного неба, даже не шелохнулась.

Содрогнувшись, египтянка зажала трясущейся ладонью рот.

– Если хочешь, кричи, – посоветовал Дэниел. – Сейчас самое время.

Новый слепящий луч, на сей раз от западных «Плеяд», расколол небеса и, срикошетив от отражателя, исчез в глубинах космоса. По закону больших чисел следующий удар придется точно в центр NRGС 984-D, в результате образуется кратер глубиной две тысячи миль, который спровоцирует мощный тектонический сдвиг. За ним последует цепная реакция, а всплеск сейсмической и вулканической активности довершит начатое, стерев планету вместе с обитателями с лица земли.

— Суть сражения в том, чтобы пробить защитные экраны противника, — начал объяснять Дэниел, напрочь позабыв, что его слушательница выпала из двадцать девятого века до нашей эры. — На самом деле это не так трудно, как кажется. Экраны включаются и выключаются через определенный интервал времени, надо лишь улучшить момент. При всей их уязвимости я бы сейчас многое отдал за такой экран. Поправка: отдал бы, функционируй он не только в вакууме.

Прижимая ладони ко рту, Ахура стала раскачиваться взад-вперед.

— Я не понимаю тебя, Дэн'ел, — пролепетала она. — Понимаю лишь, что Себек гневается, а Гебу грозит страшная опасность.

— Ты понимаешь куда больше, Ахура. По-своему тебе не хуже моего известно, что происходит. Человечество вот-вот погубит себя из-за собаки — собственного эгоизма. Вот почему из головы у тебя не идет история обреченного принца. Человечество и есть обреченный принц, только с надеждой на спасение. Еще не все кончено ни для нас с тобой, ни для Той-Что-Возводит-Усыпальницы. Лучше дорасскажи мне про принца.

— Рассказывать особо нечего, Дэн'ел. Ступив в воду вслед за псом, принц повстречал крокодила. Тот привел его

к великану и сказал: «Я рок, настигший тебя»¹. На этом история обрывается.

– Выходит, никто не знает, что случилось с принцем. Вдруг он спасся от крокодила, – предположил Дэниел.

– Не исключено, – согласилась Ахура, – но ведь остался пес.

– Да, пес это вечная проблема. Но, возможно, познав ее, нам удастся избежать печальной участи.

Дэниел поднял глаза и обомлел.

– Ахура, гляди! Они улетают.

Египтянка запрокинула голову: в звездной вышине на востоке и западе стремительно исчезали огни «Плеяд». Последняя вспышка – включились сверхзвуковые двигатели, и оба флота растворились в темноте.

– Неужели мы спаслись? – дрожащим голосом спросила Ахура.

Дэниел обнял девушку.

– Несомненно. Кстати, я голоден как лев. Предложение перекусить еще в силе?

Она несмело, словно нехотя, выскользнула из объятий.

– Идем, тебя ждет царский пир.

Миротворцы

«Смотрю, у вас все движется к тому, чтобы жить долго и счастливо, как говорят на Земле, – тонко улыбнулась Сфинкс. – А где Ахура? Я прервала контакт с ней, едва вы ступили в храм любви».

«Прибирается на кухне, – ответил Дэниел, глядя на заливное звездным светом исполинское лицо. – Кстати, я был

¹ История Ахуры представляет собой краткий пересказ египетской легенды «Обреченный принц» (прим. автора).

прав: она даже воду кипятить не умеет. Пришлось объяснять, представляешь. Объяснять!»

«Но согласись, она оказалась способной ученицей и под твоим чутким руководством быстро всему научится».

«Кто сказал, что я буду ее учить? Если на то пошло, чему учить и зачем?»

«Всему, – последовал лаконичный ответ. – А не учить нельзя, ведь вам обоим предстоит стать нашими парламентариями и заключить на миллион лет мирный договор между Торносом, Авелией и Землей. Моя сестра в соседних владениях поручила ту же миссию пилоту авелианского ко-рабля».

Дэниел застыл как вкопанный.

«Так вот что вы затеяли! С чего ты вообще взяла, что из меня получится дипломат?»

«Мы рискнули, Дэниел Холл, и выиграли. В дипломатии ты и впрямь профан, но я помогу. Зато ключевых качеств у тебя в избытке. Ты умен, отважен, за легкомысленным обликом скрывается доброе и чуткое сердце. Умеешь быть жестким, если того требуют обстоятельства, а главное – у тебя есть стимул. После убийства повстанцев на Деймосе ты ненавидишь войну и все, что с ней связано. С поддержкой Ахуры ты станешь величайшим миротворцем. Как муж и жена вы...»

– Минуточку! – возмутился Дэниел. – По-моему, ты забегаешь вперед.

«Не обманывай себя, Дэниел Холл. Ты ведь почти влюбился. Она, к твоему сведению, тоже. Ведь не только слышу ваши речи, но и улавливаю ваши чувства. Моя сестра в соседних владениях сообщает, что у ее принцессы с авелианским пилотом тоже все хорошо».

«У ее принцессы?»

«Она привезла свою с Авелии, я – с Земли. Мы собираемся устроить двойную церемонию с учетом традиций ваших четырех религий. Мне выпало совершить обряд, не противоречащий убеждениям принцесс. Надеюсь вы, как истинные джентльмены, не станете возражать. В большой пирамиде для вас готово уютное гнездышко, выполненное почти в исконном древнеегипетском стиле – дабы ублажить Ахуру, – но со многими современными удобствами, которые наверняка придутся тебе по душе. Научишь супругу управляться с электричеством и водопроводом».

Дэниел нетерпеливо замахал руками.

«Ладно, допустим. А теперь может приподнимешь завесу тайны и объяснишь, как тебе удалось предотвратить величайшую битву тысячелетия и разогнать две могущественные эскадры?»

Сфинкс тихонько засмеялась.

«Ответ отчасти известен тебе. Известна наша партогенетическая сущность и то, что мы возводим так называемые пирамиды. А еще ты знаешь, что в легендах нас зачастую изображают крылатыми. Как думаешь, почему, Дэниел Холл? Почему нам приписывают крылья, которые у нас сроду не водились?»

Внезапно Дэниела осенило.

– Вы откладываете яйца!

«Так и есть. Их защищают сверхпрочные капсулы, невидимые глазу. А хранятся они под куполом строений, известных тебе как пирамиды. Мы же зовем их гнездами. Раньше откладывали яйца в них подсознательно, теперь с полным осознанием. При инкубационном периоде длиною в пятьдесят два века, по вашему летоисчислению, эти гнезда как нельзя лучше подходят для сохранения нашего потомства. Они оберегают, согревают...»

— Бред! — взорвался Дэниел. — Ни одно яйцо не содержит столько питательных веществ, чтобы кормить эмбрион на протяжении пятидесяти двух веков!»

«Конечно нет. Мой народ на девяносто пять процентов питается солнечной энергией, а в этом плане ваше солнце значительно превосходит наше. На вид я состою из плоти и крови, но это не так — по крайней мере, не в привычном вам смысле».

«И вы всегда строите три гнезда разных размеров?»

«Всегда. И яйца всегда три, а потомство различается по величине. Не слишком сильно, но тем не менее. Сейчас, когда все три яйца в Гизе вылупились, мне предстоит сделать новую кладку, в новых гнездах. В определенный момент я подниму пока еще негерметичный купол, положу созревшие яйца в капсулы и закупорю пирамиды. Предвкушаю твой следующий вопрос, Дэниел Холл, поэтому не трудись его задавать. Да, инкубационный период незыблем и высчитывается с точностью до секунды. Вот почему нас с сестрой снарядили для этой работы — наше потомство должно было появиться на свет в самый разгар битвы между Землей и Авелией. Так сложилось, что из яйца вылупляется не детеныш, а взрослая особь. Не такая развитая физически, но со зрелым умом, наделенная знаниями и способностями родителей, с похожими суждениями. Едва родившись, она готова выполнять указания, заложенные

в ее сознание еще с начала инкубационного периода. Своим отпрыскам в Гизе я внушила три задачи: захватить земную столицу Кафр-эль-Харан, затем немедленно связаться с космическим флотом и приказать всем подразделениям срочно вернуться на базу и наконец полностью подчинить себе правительство Терры до получения новых указаний. Моя сестра проделала то же самое с Авелией, отныне оба государства находятся под влиянием Торноса и останутся там до тех пор, пока не будет подписан мирный договор на миллион лет. Моя сестра уже убедила авелианского пилота сотрудничать, теперь будущее нашего проекта в твоих руках, Дэниел Холл».

Дэниел тяжело вздохнул.

«Предположим, я соглашусь – тут надо быть полной свиньей, чтобы отказаться. Но прежде чем перейти к делу, давай проясним один крошечный нюанс. Допустим, мы с Ахурой влюблены друг в друга, но для счастливого брака этого недостаточно. Может, заглянешь в будущее, посмотришь, выгорит у нас или нет?»

«Попробую».

Сфинкс устремила взгляд вдаль, исполинский лик искадила гримаса напряжения. Через несколько минут Зодчая повернулась к Дэниелу – и подмигнула.

В СЕНТЯБРЕ ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ

Объявление в окне гласило: «ПРОДАЕТСЯ УЧИТЕЛЬНИЦА, ОЧЕНЬ ДЕШЕВО». А чуть ниже мелкими буквами: «Может готовить, шить и выполнять любую работу по дому!»

При слове «учительница» Денби вспомнил парты, ластик, осенние листья, учебники, школьные мечты и веселый детский смех.

Владелец маленького магазина подержанных вещей нарядил учительницу в яркое цветастое платье и маленькие красные сандалеты, и она стояла в окне в прямо поставленной коробке, словно большая, в человеческий рост кукла, в ожидании, когда кто-то явится и пробудит ее ото сна.

Денби шел по оживленной улице, пробираясь на стоянку к своему малолитражному бьюику. Было понятно, что дома уже, видимо, заказан по номеронабирателю ужин, что он стынет на столе, и жена разгневется за опоздание, однако он остановился и продолжал стоять на месте, высокий и худой, рядом со своим детством, блуждавшим в его задумчивых глазах, робко выглядывавших на мягком лице.

Денби всегда раздражала собственная апатичность. Он тысячу раз проходил мимо этого магазина на пути от стоянки автомобилей к месту службы и обратно, но почему-то только сегодня впервые остановился и обратил внимание на витрину.

Но, может быть, только сейчас что-то такое, в чем он крайне нуждался, впервые появилось в самой витрине.

Денби задумался. Нужна ли ему учительница. Вряд ли. Однако Луаре несомненно необходим помощник в доме, а купить автоматическую служанку они не в состоянии. Да и Билу наверняка не помешают дополнительные занятия к предстоящим переходным экзаменам сверх программы обучения, даваемой по телевидению, а...

...а ее волосы напомнили ему сентябрьское солнце, ее лицо – сентябрьский день. Осенняя дымка окутала Денби, совершенно внезапно апатия прошла, и он двинулся, но не к стоянке автомобилей.

– Сколько стоит учительница, что выставлена в витрине? – спросил он.

Всевозможные антикварные вещи были раскиданы на полках этого магазина. Да и сам хозяин – маленький подвижный старичок с седенькими кустистыми волосами и проницательными глазами – напоминал одну из них.

Услышав вопрос Денби, он весь засветился.

– Вам она понравилась, сэр? Она просто прелесть!

Денби покраснел.

– Сколько же? – повторил он.

– Сорок пять долларов девяносто пять центов, плюс пять долларов за коробку.

Денби едва верил сказанному. Сейчас, когда учителя столь редко встречаются, было бы естественно рассчитывать, что цены на них вырастут, а не наоборот. К тому же и года не прошло, как он собирался купить какого-нибудь третьесортного, побывавшего в ремонте учителя, чтобы помочь Билу готовить уроки, и самый дешевый, которого он отыскал, стоил больше ста долларов. Даже и за такую сумму он его купил бы, если бы не Луара, которая отговорила его. Она никогда не ходила в настоящую школу, поэтому не

знала, что это такое.

А тут сорок пять долларов девяносто пять центов! Да еще умеет шить и готовить! Уж теперь Луара наверняка не станет возражать...

Конечно не станет, если он не даст ей такую возможность.

– А-а... она в хорошем состоянии?

Лицо старичка помрачнело.

– Прошла капитальный ремонт, сэр. Заменены полностью все батареи и серводвигатели. Ленты прослужат еще лет десять, а блоки памяти и того больше. Сейчас я ее вытащу и покажу.

Хотя коробка стояла на роликах, управиться с нею было нелегко. Денби помог старичку вытащить учительницу из витрины и поставить возле двери, где было посветлей.

Старичок отступил назад в восхищении.

– Я, быть может, несколько старомоден, сэр, – заявил он, – однако должен вам сказать, что современные телепедагоги и в подметки ей не годятся. Вы когда-нибудь учились в настоящей школе?

Денби кивнул.

– Я так и подумал. Интересно,...

– Включите мне ее, пожалуйста, – прервал его Денби.

Учительница запускалась в действие с помощью маленькой кнопки, спрятанной за мочкой левого уха. Хозяин магазина немного покопался, прежде чем найти включатель, затем послышалось легкое «Щелк!», сопровождаемое еле слышным гудением. Вскоре на щеках учительницы заиграли краски, грудь начала ритмично вздыматься и опускаться, раскрылись голубые глаза...

Денби сжал кулаки так, что ногти впились в ладони:

– Попросите ее сказать что-нибудь!

— Она откликается и реагирует почти на все, сэр, — заметил старичок. — На слова, фразы, сцены, события... Возьмите ее, сэр, и, если она вам не подойдет, можете привезти обратно, и я с удовольствием верну вам деньги.

Старичок заглянул в коробку.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Мисс Джоунс, — в голосе ее слышался шепот сентябрьского ветра.

— Ваша профессия?

— Основная — учительница четвертого класса школы, сэр. Но могу преподавать в первом, втором, третьем, пятом, шестом, седьмом и восьмом классах и имею хорошую подготовку по гуманитарным дисциплинам. Кроме того, умею петь в домашнем хоре, готовить и выполнять простейшие операции по шитью — штопать дырки, пришивать пуговицы, поднимать петли на чулках.

— В последние модели фирма внесла много новшеств, — заметил старик, обращаясь к Денби. — Когда они в конце концов поняли, что телеобучение приобретает популярность, они стали делать все, что в их силах, чтобы побить конкурирующие компании пищевых концентратов. Но толку не добились. Ну-ка, мисс Джоунс, выйдите из коробки и покажите нам, как мы ходим.

Она прошла по захламленной комнате; ее маленькие красные сандалеты мелькали по пыльному полу, яркое платье чем-то напоминало золотую осень. Затем она вернулась и встала в ожидании возле дверей.

Денби не в силах был сказать ни слова.

— Хорошо, — вымолвил он наконец. — Положите ее обратно в коробку. Я беру ее.

— Пап, это для меня?! — закричал маленький Бил. — Да?

— Так точно, — ответил Денби. Он вручную подкатил ко-

робку к дому, поднял ее на маленькую веранду, а затем сказал. — И для нашей мамочки также.

— Ну когда это кончится? — сердито спросила Луара, стоя со скрещенными руками в дверях. — Ужин давно остыл, а тебя все нет.

— Ничего, можно подогреть, — отвечал Денби. — Бил, смотри!

Он, слегка запыхавшись, перетащил коробку через порог и покатил ее дальше по небольшому коридорчику в гостиную. В этот момент гостиной всецело завладел какой-то уличный торговец в красном, ворвавшийся туда через 120-дюймовый экран телевизора и всю расхваливавший новую модель «линкольна» с откидным верхом.

— Осторожней, ковер! — вскричала Луара.

— Да не волнуйся, ничего с твоим ковром не случится, — сказал Денби, — и пожалуйста, выключи этот телевизор, а то ничего не слышно.

— Пап, сейчас я выключу!

Девятилетний Бил маленькими шажками подскочил к телевизору и одним ударом прикончил торговца в красном и все остальное.

Денби, чувствуя на своем затылке дыхание Луары, развязывал коробку.

— Учительница! — задохнулась от изумления Луара, когда коробка наконец была открыта. — Это все, что взрослый мужчина мог купить своей жене! Учительница!

— Она не просто учительница, — возразил Денби. — Она также может готовить, шить... Она... она может делать все, что угодно. Ты всегда говорила, что тебе нужна помощница, вот ты ее и получила. Кроме того, у Била будет учительница, чтобы помочь ему готовить уроки.

— И сколько же она стоит?

Денби впервые обнаружил, какое скаредное у жены лицо.

– Сорок пять долларов девяносто пять центов.

– Сорок пять! Да ты с ума сошел, Джордж! Я экономлю буквально каждый цент, чтобы приобрести вместо нашего старенького бьюика кадилетт, а ты швыряешь такие деньги за какую-то старую поломанную учительницу! Что она понимает в телеобучении? Да она же отстала лет на пятьдесят, не меньше.

– Такая помочь мне не сможет, – заявил Бил, сердито поглядывая на коробку. – Мой телепедагог сказал, что старые учителя-андроиды никуда не годятся. Они... они бьют детей...

– Ну, это чепуха, – сказал Денби. – Никого они не били, это я знаю точно, потому что сам ходил в настоящую школу.

Он обернулся к Луаре.

– И вовсе она не поломанная и не отстала на пятьдесят лет. О настоящем образовании она знает больше, чем все твои телепедагоги когда-либо узнают. К тому же она умеет еще шить, варить...

– Ну ладно, прикажи ей подогреть ужин.

– Сейчас.

Денби склонился над коробкой, нажал маленькую кнопку за ухом и, когда голубые глаза раскрылись, сказал:

– Пойдемте со мной, мисс Джоунс, – и повел ее на кухню.

Он был восхищен тем, как она легко, с полслова схватывает его указания, где, какие кнопки нажать, какие рычаги поднять или опустить, что означают те или иные цифры на индикаторах.

Минута – ужин исчез со стола и в мгновение ока принесен обратно: горячий, дымящийся, вкусный.

Луара и та смягчилась.

– Ну ладно, – сказала она.

– Я тоже так думаю, – обрадовался Денби. – Я же говорил, что она умеет готовить. Теперь тебе не придется жаловаться на заедание кнопок, поломку ногтей и...

– Ну помолчи, Джордж. Хватит об этом.

Лицо жены вновь приняло нормальное для нее выражение ограниченности, которое в обычных условиях, вместе с темными горящими глазами и сильно накрашенным ртом даже придавало ей некоторую привлекательность. Но сейчас грудь Луары воинственно вздымалась, и она выглядела довольно грозной в своем новом золотисто-алом халате. Чтобы не осложнять положения, Денби решил промолчать. Он взял ее за подбородок и поцеловал в губы.

– Пойдем-ка есть.

Денби почему-то совсем забыл о Биле. Глянув из-за стола, он увидел собственного сына, стоящего в дверях и зло поглядывавшего на мисс Джоунс, которая в эту минуту варила кофе.

– Она не должна бить меня! – заявил Бил в ответ на вопросительный взгляд отца.

Денби рассмеялся. Теперь, когда сражение было наполовину выиграно, он чувствовал облегчение. Другой половиной можно заняться попозже.

– Конечно, не будет! – сказал он. – Иди сюда, садись ужинать. Будь хорошим мальчиком.

– И поторопись, – добавила Луара. – Сейчас начнется фильм «Ромео и Джульетта», так что давай побыстрей.

Бил смягчился:

– Вот это здорово!

Однако, проходя на кухню, чтобы усесться за стол, он обошел мисс Джоунс стороной.

Ромео Монтеки ловко свернул сигарету, сунул ее в рот, скрытый от взоров телезрителей огромным сомбреро, и,

прикурив от кухонной зажигалки, направил свои стопы по залитому лунным светом склону холма к ранчо Капулетти.

«Мне, надо полагать, поостеречься лучше малость, — начал он свой монолог. — Ведь эти подлые Капулетти, простолюдины — пастухи, являющиеся кровными врагами моих родных и близких, благородных скотоводов, пристрелят меня так, что и пикнуть не успеешь. Впрочем, девчонка, которой я свидание назначил, стоит небольшого риска».

Денби нахмурился. Он не имел ничего против переделывания классиков на современный лад, однако ему казалось, что на сей раз переделыватели зашли слишком далеко в своем увлечении ковбойскими кинобоевиками. Но Луару с Билом это, видимо, нисколько не тревожило. Они с таким увлечением смотрели картину, что невольно думалось — переделыватели классиков знают свое дело.

Даже мисс Джоунс и та вроде бы заинтересовалась. Правда, Денби тут же подумал, что вряд ли она может увлечься картиной. Ведь как бы разумно ни светились ее голубые глаза, единственное, что она, сидя здесь, фактически делает, так это попросту расходует батареи питания. Денби не мог последовать совету Луары и выключить учительницу. Было бы жестоко лишить ее жизни, пусть даже временно...

Он раздраженно заерзал в своем видеокресле, опомнившись: «Фу, черт, придет же в голову такая чепуха!» — и тут же обнаружил к собственной досаде, что нить пьесы им потеряна. К тому моменту, когда он снова стал понимать, что к чему, Ромео уже перелез через ограду ранчо Капулетти, прошел через парк и встал под низким балконом в безвкусном, аляповатом цветнике.

Джюльетта открыла старинные французские двери, выглядевшие на общем фоне нелепым анахронизмом, и вышла на балкон. На ней была коротенькая мини-юбка и

широкополое сомбреро, которое увенчивало ее крашенные, светлые локоны. Она склонилась над перилами балкона, всматриваясь в гущу сада.

– Ромео, где ты? – протянула она.

– Что за чепуха! – неожиданно раздался голос мисс Джоунс. – Эти слова, костюмы, место действия – какая-то пошлятина.

Денби с удивлением уставился на нее. Он вспомнил вдруг, что владелец магазина говорил, будто учительница реагирует не только на слова, но и на сцены и события. В тот момент он полагал, что старичок имеет в виду сцены и события, непосредственно связанные с ее педагогическими обязанностями, а не любые...

Его охватило неприятное предчувствие. Он заметил, что Луара и Бил перестали смотреть пьесу и с нескрываемым удивлением разглядывают мисс Джоунс. Минута была критической.

Он откашлялся.

– Пьеса не так уж плоха, мисс Джоунс. Это просто переделка. Понимаете, оригиналы никто не хочет смотреть, а раз так, какой же смысл тратить на их постановку.

– Но зачем понадобилось переделывать Шекспира в вестерн?

Денби с тревогой глянул на свою жену. Удивление в ее глазах сменилось бурным негодованием. Он не торопясь повернулся к мисс Джоунс.

– Сейчас вестерны распространились словно эпидемия. Похоже, что возрождается ранний период телевидения. Вестерны нравятся людям, поэтому рекламодатели, естественно, вкладывают деньги в них. Писатели-сценаристы идут на поводу у заказчиков и рыщут в поисках новых сюжетов.

– Джульетта в мини-юбке... Это ниже всякой критики!

– Ну хватит, Джордж, – голос Луары был холоден и резок. – Я тебе говорила, что она отстала на пятьдесят лет. Либо ты ее выключишь, либо я уйду спать!

Денби со вздохом поднялся. Он испытывал стыд, когда подошел к мисс Джоунс и нащупал у нее за ухом маленькую кнопку. Учительница глядела на него спокойным, немигающим взглядом, руки неподвижно покоились на коленях, воздух ритмично проходил сквозь синтетические ноздри.

Это напоминало убийство. Денби прямо передернуло, когда он вернулся и сел в свое видеокресло.

– Ты и твои учительницы... – начала было Луара.

– Заткнись, – коротко сказал Денби.

Он уставился на экран, силясь вникнуть в суть пьесы. Но из этого ничего не получалось, он оставался равнодушным. Потом начали передавать другую вещь – детектив под названием «Леди Макбет». Фильм нагнал на него еще большую скуку. Он продолжал изредка поглядывать на мисс Джоунс. Теперь, когда дыхание ее замерло, глаза закрылись, комната показалась ему страшно пустой.

Наконец он не выдержал и встал.

– Пойду прокачусь немного, – бросил он на ходу Луаре и вышел.

Он вывел из гаража бьюик и направился по тихой улочке к бульвару, вновь и вновь спрашивая себя, почему его так взволновала какая-то устаревшая учительница. Он понимал, что тут не просто тоска по прошлому, безвозвратно ушедшему, хотя тоска и играла в этом определенную роль – тоска по сентябрю, по настоящей школе. Ему до страсти захотелось прийти снова сентябрьским утром в класс и увидеть, как учительница выходит после звонка из маленького кабинета, поднимается к доске и говорит:

– Доброе утро, мои маленькие друзья! Какой сегодня чудесный день для занятий, не так ли?

Нет, он не больше других ребят любил школу и сейчас понимал, что сентябрь воплощает в себе не просто учебники и юные мечтания. Этот месяц являлся символом чего-то такого, что он потерял навсегда, чего-то неопределенного, но крайне нужного ему сейчас.

На своем бьюике он обгонял спешащие автомобилеты. Свернув на боковую улицу, ведущую к бару Френдли Фреда, он заметил на углу новый небольшой павильон, а рядом объявление:

Скоро! Скоро!

Открывается сосисочная с жаровней на настоящем
древесном угле.

Будут настоящие горячие сосиски, поджаренные
на настоящем огне!

Он проехал дальше по сверкающей вечерними огнями улице, втиснулся на стоянку автомобилетов вблизи бара Фреда и, вылезши из бьюика, направился к дверям. Бар был переполнен, но Денби посчастливилось найти свободную кабинку. Он закрылся в ней, сунул четвертак в щель распределителя напитков и набрал номер пива. Когда в запотевшем от холода бумажном стаканчике пиво появилось на столике, он принялся задумчиво потягивать его. Маленькая душная кабинка пропиталась запахом какой-то синтетической дряни, которую пил предшествующий посетитель. Денби на минутку отвлекся от своих мыслей. Он помнил этот бар еще с тех незапамятных времен, когда крошечных кабинок на одного человека не было и в помине и можно было стоять бок-о-бок с другими завсегдатаями и наблюдать, кто как пьет и сколько пьет. Затем его мысли вернулись к мисс Джоунс.

Над распределителем напитков виднелся маленький экран с надписью: «У вас неприятности? Включитесь на бармена Френдли Фреда – он вас выслушает! Только 25 центов

за 3 минуты разговора». Денби сунул четвертак в щель автомата. Послышался легкий щелчок, и монета загремела в тарелке возврата денег, а записанный на пленку голос Фреда произнес: «Сейчас занят! Позвоните попозже!»

Выждав некоторое время и заказав другой стаканчик пива, Денби снова сунул монету в щель автомата. На сей раз экран двухсторонней телесвязи загорелся и на нем четко возникло полное, румяное приветливое лицо Френдли Фреда.

– Хеллоу, Джордж, как жизнь?

– Да ничего, не так уж плохо, Фред, не так плохо.

– Но не мешало бы лучше, ведь так?

Денби кивнул:

– Ты отгадал, Фред, что верно, то верно.

Он взглянул на столик, где в одиночестве стоял стакан с пивом.

– Слушай, Фред... я... я купил школьную учительницу, – сказал он.

– Учительницу?

– Да. Я понимаю, вещь не совсем обычная, но я думал, быть может, ребенку потребуется помощь в подготовке уроков по телевидению – скоро экзамены, а сам понимаешь, как ребята переживают, когда дают неправильные ответы и не получают награды. А потом, я думал, она... Это, понимаешь, особенная учительница. Я думал, она сможет помочь Луаре по дому. Такие дела...

Денби замолчал и глянул на экран. Френдли Фред важно кивал головой. Его толстые румяные щеки колыхались.

Потом он сказал:

– Послушай, Джордж! Брось-ка ты эту училку. Слышишь? Брось ее. Эти учителя-андроиды ничуть не лучше прежних настоящих учителей, ну тех, я имею в виду, которые дышали и жили, как мы с тобой. Поверь мне, Джордж, я знаю. Они обычно бьют детей. Это точно. Бьют их за...

Тут послышалось какое-то жужжание и экран погас.
– Время истекло, Джордж. Хочешь поговорить еще на четвертак?

– Нет, спасибо, – ответил Денби.

Он осушил стакан и вышел.

Почему никто не любит школьных учителей и почему в таком случае всем нравятся телепедагоги?

Весь следующий день на работе Денби размышлял над этим парадоксом. Пятьдесят лет назад казалось, что учителя-андроиды решат проблему образования столь же капитально, как снижение цен и размера личных автомашин решило экономические проблемы столетия. И действительно, проблема нехватки преподавательских кадров полностью отпала, однако тут же возникло другое – недостаток школьных помещений. Что из того, что учителей много, если заниматься негде. А как можно ассигновать достаточную сумму на постройку новых школ, когда в стране не хватает хороших шоссейных дорог?

Конечно, глупо было бы утверждать, что строительство новых школ важнее строительства дорог. Ведь если перестать строить новые дороги, автоматически сокращается спрос на автомобили, а следовательно, экономика падает, растет депрессия, а это ведет к тому, что строительство новых школ становится делом еще более бессмысленным и ненужным, чем вначале.

Теперь, когда этот вопрос уяснен, нужно откинуть прочь ненависть к компании пищевых концентратов. Введя телеобучение, они спасли положение. Один педагог, стоящий в маленькой комнате с классной доской на одном конце и телекамерой на другом, может обучать сразу чуть ли не пятьдесят миллионов детей, а если кому-то из них не понравится, как он преподает, все, что нужно сделать, так это переключиться на другой канал телепередачи. Разумеется,

родители должны следить, чтобы ребенок не перескакивал из одного класса в другой, более высший, и не настраивался на программу следующего года обучения без предварительной сдачи переходных экзаменов.

Главное же в этой конгениальной системе обучения заключалось в том приятном факте, что компании пищевых концентратов платили за все, освобождая тем самым налогоплательщиков от одного из самых обременительных расходов, оставляя его кошелек более податливым к уплате различных пошлин и налогов. И единственное, что компании просили взамен от общества, так это чтобы ученики (и по возможности родители) потребляли их пищевые концентраты.

Таким образом, никакого парадокса и в помине не было. Школьную учительницу предали анафеме, ибо она символизировала собой дополнительные расходы для налогоплательщиков; телепедагог являлся уважаемым слугой общества, потому что давал людям весьма ощутимую прибавку к их бюджету. Но Денби понимал, что последствия оказались более серьезными.

Несмотря на то, что ненависть к школьной учительнице представляла собой некий атавизм, злоба эта была в основном порождением той пропагандистской шумихи, которую подняли компании пищевых концентратов, когда впервые приступили к осуществлению своего плана. Именно они ответственны за широкое распространение мифа, будто учителя-андроиды бьют учеников, и этот жупел до сих пор еще пугает инакомыслящих.

Беда в том, что большинство людей обучались по телевидению и, следовательно, не знали истины. Денби представлял собой счастливое исключение. Он родился и вырос в маленьком городе, расположенном высоко в горах, затруднявших и делавших невозможным прием телепередач, и

ему пришлось, прежде чем его семья переехала в большой город, ходить в настоящую школу. Он-то знал, что учительницы никогда не били и не бьют своих учеников.

Конечно, могло случиться, что фирма «Андроидс инкорпорейшн» выпустила по ошибке две-три неудачные модели, да и то вряд ли. «Андроидс инкорпорейшн» была фирмой солидной. Возьмите, например, рабочих для работы на станциях обслуживания автомобилеттов или отличных стенографисток, официанток и домработниц, которых она выпускает в продажу. Конечно, рядовой служащий или средний домовладелец не может себе позволить купить их. Так почему же тогда Луаре не удовольствоваться (мысли Денби путались, перескакивали с одного предмета на другой) временной служанкой?

Однако она не удовольствовалась. Когда он вечером вернулся с работы домой, ему достаточно было бросить беглый взгляд на Луару, чтобы тут же, без всяких колебаний установить, что она недовольна их приобретением.

Никогда прежде он не видел у нее такого красного лица и гневно сжатых губ.

— Где мисс Джоунс? — спросил он.

— Она в коробке, — ответила Луара. — И завтра же утром ты отвезешь ее туда, откуда привез, и получишь обратно наши сорок пять долларов!

— Она больше не будет бить меня! — сказал Бил, сидя поиндейски на корточках перед телевизором.

Денби побелел.

— Она его била?

— Почти, — ответила Луара.

— Била или нет? — повторил Денби.

— Мам, расскажи ему, что она сказала о моем телепедагоге! — закричал Бил.

Луара презрительно фыркнула.

– Она сказала: стыд и срам делать из классической вещи, такой, как «Илиада», ковбойско-индейскую мелодраму и называть это образованием.

Дело постепенно прояснилось. Очевидно, мисс Джоунс сразу же, как только Луара включила ее утром, начала интеллектуальную борьбу и продолжала ее вести до тех пор, пока ее не выключили. По мнению мисс Джоунс, все в доме Денби обстояло не так, как надо: и телеобразовательные программы Била, которые транслировались по маленькому телевизору в детской; и дневные программы большого, установленного в гостиной телевизора, развлекавшие Луару; и рисунок обоев в вестибюле – маленькие красные кадилетты, стремительно мчащиеся по переплетениям дорог; и полное отсутствие в доме книг.

– Только представь, она воображает, что у нас до сих пор еще издаются книги, – сказала Луара.

– Все, что я хочу знать, – сказал Денби твердо, – так это была она его или нет?

– Я подхожу к этому...

Часов около трех мисс Джоунс прибирала в детской. Бил послушно смотрел урок по телевидению, сидя за партой – такой смирный и хороший, просто загляденье – весь поглощенный усилиями ковбоев захватить индейскую деревушку под названием Троя. Вдруг учительница совершенно неожиданно, словно сумасшедшая, пересекла комнату и с кощунственными словами относительно подобной переделки «Илиады» выключила телевизор прямо на полуроке. Бил поднял крик, и Луара, когда ворвалась в детскую, увидела, как мисс Джоунс держит одной рукой его за плечо, а другую подняла, готовясь дать ему подзатыльник.

– Хорошо, что я подросла вовремя, – заявила Луара. – Незачем говорить, что она могла сделать. Она же убила бы его.

– Мне что-то не верится во все это, – сказал Денби. – А что потом произошло?

– Я вырвала Била и приказала ей вернуться в коробку. Затем я выключила ее и закрыла крышку. И знай, Джордж Денби, коробка останется закрытой. И, как я сказала, завтра утром ты отвезешь ее обратно... если хочешь, чтобы мы с Билом оставались жить в этом доме!

Денби весь вечер пребывал в раздраженном состоянии. Он ворчал за ужином, томился при просмотре очередного кинобоевика, то и дело, когда был уверен, что Луара на него не смотрит, поглядывая на стоящую безмолвно возле дверей закрытую коробку.

Главная героиня фильма – блондинка-танцовщица с пропорциями 90-60-90, звалась Антигоной. Кажется, два ее брата убили друг друга во время перестрелки из пистолетов, и местный шериф, герой по имени Креонт, – разрешил похоронить только одного из них, необоснованно настаивая на том, что другого следует бросить на пустыре на растерзание зверям. Антигона совершенно не в силах понять логики этого приказа. Она говорит, что если один из братьев достоин погребения, то другой заслуживает его ничуть не меньше. Она просит свою сестру Йемему помочь ей похоронить второго брата. Робкая и слабохарактерная Йемена отказывается, поэтому Антигона заявляет; раз так, она одна справится с этим и совершит все нужные обряды над убитым. Затем в городе появляется дряхлый старатель Тиресий...

Денби медленно поднялся, прошел на кухню, а затем через черный ход вышел на улицу. Он уселся за руль своего бьюика и направился к бульвару, опустив стекла, чтобы теплый летний ветер освежил его. Он проехался взад и вперед по бульвару.

Строящаяся на углу улицы сосисочная была почти готова. Он скользнул по ней безразличным взглядом, когда сворачивал на боковую улицу. Бар Френдли Фреда был пуст наполовину, и Денби закрылся в первой свободной кабинке. Он выпил в одиночестве пару стаканов пива, стоявших на маленьком голом столике, и крепко призадумался. Потом, прикинув, что жена с сыном уже спят, он вернулся домой, открыл коробку мисс Джоунс и включил ее.

— Вы сегодня намеревались побить моего сына? — спросил он.

Голубые глаза открыто смотрели на него, ресницы ритмично вздымались и опускались, расширенные зрачки медленно сузились под действием яркого света лампы, которую Луара оставила горящей в гостинной.

Наконец мисс Джоунс ответила:

— Сэр, я не могу ударить человека. Полагаю, это записано в моем гарантийном паспорте.

— Боюсь, мисс Джоунс, ваш гарантийный срок давно истек, — возразил Денби грубо и добавил. — Впрочем, сейчас это не имеет значения. Вы схватили его за руку, так?

— Да, сэр.

Денби нахмурился. Его слегка качало, когда он поплелся обратно в гостиную на ставших вдруг ватными ногах.

— Миш... мисс Джоунс, подите-ка сюда, сядьте и расскажите все по порядку, — сказал он.

Он смотрел, как она вылезла из коробки и пошла по комнате. Было что-то странное в ее походке. В ней не чувствовалось прежней легкости: мисс Джоунс двигалась неуклюже, а ее прямой стан как-то скособочился. Он с первого же ее шага понял, что она хромает.

Мисс Джоунс тяжело опустилась на кушетку, а он присел рядом с ней.

— Он, наверное, пнул вас ногой, так? — спросил Денби.

– Да, сэр. Мне пришлось схватить его за руку, чтобы он еще раз не ударил.

Красный туман разлился по комнате и поплыл перед его глазами.

Потом туман медленно рассеялся, однако в душе остался какой-то неприятный осадок.

– Я страшно огорчен, мисс Джоунс. Боюсь, Бил слишком агрессивен.

– Вряд ли его можно винить в чем-либо, сэр. Я сегодня была совершенно ошеломлена, когда узнала, что ужасные телепередачи, которые он смотрит во время уроков, составляют его единственную духовную пищу. Ведь его телеучитель лишь немногим лучше полуобразованного члена конгресса, чьей главной заботой является стремление помочь своей компании выгодно сбывать очередную партию кукурузных хлопьев. Теперь мне понятно, почему ваши писатели вынуждены обращаться за идеями к классике. Их творческие силы разрушаются штампами еще до того, как вышли из эмбрионального состояния.

Денби был потрясен. Никогда еще до этого ему не приходилось слышать такого. Поражали не только слова, какими это было сказано, а и убежденность, сквозившая в интонациях учительницы, в ее голосе – хотя он исходил из искусно смонтированного громкоговорителя, связанного с невообразимо сложными блоками памяти.

Так сидя рядом с мисс Джоунс, следя за каждым движением ее губ, видя частый взмах ее черных ресниц над иссиня-голубыми глазами, он почувствовал, что к ним в дом пришел сентябрь месяц и сидит в гостиной. Внезапно чувство глубокого умиротворения охватило Денби. Богатые, полные изобилия сентябрьские дни проходили длинной чередой перед его глазами, и он понял, чем они отличались от остальных дней: осенние дни были полны содержания,

красоты и спокойствия, ибо их голубое небо вселяло надежду и уверенность, что наступят дни еще более богатые и содержательные...

Они отличались тем, что были полны смысла.

Мгновение было столь мучительно сладостным, что Денби страстно хотел, чтобы оно оказалось вечным. Даже мысль, что оно пройдет, потрясла его невыносимой болью, и он инстинктивно сделал то единственное, что мог сделать: он повернулся к мисс Джоупс и обнял ее за плечи.

Она не шелохнулась и продолжала сидеть спокойно, грудь ее равномерно вздымалась и опадала, длинные черные ресницы взмахивали словно крылья птицы, скользящей над голубыми прозрачными водами...

— Скажите, чем вам не понравилась вчерашняя постановка «Ромео и Джульетта»? — спросил он.

— Она просто ужасна, сэр. Это же по сути пародия, дешевка, где красота шекспировских строк или искажена, или утрачена совершенно.

— Вам известны эти строки?

— Да, часть.

— Прочтите мне их, пожалуйста.

— Хорошо. В конце сцены у балкона, когда двое влюбленных расстаются, Джульетта говорит:

Желаю доброй ночи сотню раз!

Прощанье в час разлуки

Несет с собою столько сладкой муки,

Что до утра могла б прощаться я...

А Ромео отвечает:

Спокойный сон очам твоим, мир — сердцу!

О, будь я сном и миром, чтобы тут

Найти подобный сладостный приют.¹

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

– Почему они выбросили это, сэр? Почему?

– Потому, что мы живем в обесцененном мире, – ответил Денби, удивленный собственной проникающей силой, – а в дешевом мире, таком, как наш, драгоценности души ничего не стоят. Повторите, пожалуйста, еще раз эти строки, мисс Джоунс.

– Желаю доброй ночи сотню раз!

Прощанье в час разлуки

Несет с собою столько сладкой муки,

Что до утра могла б прощаться я...

– Позвольте я закончу. – Денби сосредоточился:

Спокойной ночи очам твоим, мир – сердцу!

О, будь я сном или миром, чтобы... сладостный...

Чтобы найти сладостный приют!

Вдруг мисс Джоунс резко встала.

– Доброе утро, мадам, – сказала она.

Денби встать не удосужился. Да и ни к чему хорошему это все равно не привело бы. Он достаточно хорошо знал свою жену. Она стояла в дверях гостиной в новой пижаме, разрисованной кадилеттами. Когда она крадучись спускалась по лестнице, ее босые ноги не вызывали ни шороха. Двухместные кары на ее пижаме выделялись ярко-красными пятнами на золотистом фоне, и, казалось, Луара опрокинулась навзничь, а они неистово носятся по ее телу, дефилируя по ее роскошной груди, животу, ногам...

Он увидел ее заострившееся лицо, холодные безжалостные глаза и понял, что бесполезно ей что-либо объяснять, что жена не захочет, да и не сможет его понять. Он увидел с потрясающей ясностью, что в мире, в котором живет, сентябрь ушел на долгие годы, и четко представил, как этим утром грузит коробку с учительницей на машину и везет ее по сверкающим городским улицам в маленькую лавочку

подержанных вещей. Ему отчетливо представились двери магазина, но тут он очнулся и, посмотрев по сторонам, увидел, как мисс Джоунс стоит в какой-то нелепой позе перед Луарой и повторяет словно испорченный патефон: «Что случилось, мадам... Что случилось...»

Несколько недель спустя Денби вновь захотелось побывать в баре Френдли Фреда и пропустить пару пива. К этому времени они с Луарой уже помирились, но то был уже не прежний мир. Денби вывел автомашину, выехал на улицу и погнал к сверкающему огнями бульвару. Стоял чудный июньский вечер, звезды булавочными головками утыкали небо и сверкали над залитым неоновым светом городом.

Сосисочная, что строилась на углу улицы, была открыта. У сверкающего хромированного прилавка виднелось несколько посетителей, а у пламенеющей жаровни официантка переворачивала шипящие шницеля. Было что-то странно знакомое в том, как она двигалась, в ярком каскаде ее платья, в мягких, цвета восходящего солнца волосах, обрамлявших кроткое лицо... Ее новый владелец стоял в некотором отдалении, грузно склонившись над прилавком, и о чем-то оживленно беседовал с клиентом.

В груди Денби тревожно заныло. Он резко остановил машину, вылез и, перешагнув цементный порог, направился к буфетной стойке – кровь ударила ему в голову, в нем все напряглось, как перед боем. Есть вещи, мимо которых вы не можете пройти равнодушно, вы непременно вмешиваетесь, не задумываясь над последствиями. Он подошел к прилавку, где стоял хозяин сосисочной, и уже собирался, перегнувшись через стойку, ударить по толстой загорелой физиономии, кал вдруг увидел маленькое картонное объявление, прислоненное к горчинице, на котором было написано: «ТРЕБУЕТСЯ МУЖЧИНА...»

От сентябрьского класса школы до сосисочной лежит долгий путь, и учительница, раздающая жареные сосиски, не идет ни в какое сравнение с учительницей, разносящей вокруг мечты и надежды. Но коли вам чего-то страстно хочется, вы любой ценой, но своего добьетесь.

– Я могу работать только вечерами, – сказал Денби владельцу сосисочной – Скажем, от шести до двенадцати...

– Что ж, прекрасно, – ответил тот. – Правда, боюсь, что я не смогу платить сразу помногу. Понимаете ли, заведение только открылось...

– Не беспокойтесь, – сказал Денби. – Когда мне приступить?

– Чем скорее, тем лучше...

Денби обогнул буфетную стойку, зашел за прилавок и снял пиджак. Если Луаре это не понравится, пусть катится к чертям. Впрочем, он знает, что дома будут довольны, ибо деньги, которые он здесь заработает, дадут жене возможность купить предмет ее мечтаний – новый кадилетт.

Он напялил на себя фартук, что вручил ему владелец сосисочной, и присоединился к мисс Джоунс, стоящей у жаровни с настоящим древесным углем.

– Добрый вечер, мисс Джоунс, – сказал он.

Она обернулась, и ему показалось, что глаза ее вспыхнули, а волосы засверкали словно солнце, встающее туманным сентябрьским утром.

– Добрый вечер, сэр, – ответила она, и по сосисочной в этот июньский вечер прошелся сентябрьский ветерок. Стало похоже, что после бесконечно длинного скучного лета наступил новый, полный смысла учебный год.

ПРОПАДАЙКА

I

Он лежал спиной на замерзшей земле. За ночь холод сковал руки и плечи, наполнил грудь – тело почти уже стало частью земли. Оставалось либо вырваться, либо пропасть навсегда.

Усилием воли он отогнал череду слепящих огненных кошмаров, повернулся на бок и разлепил глаза. Да, вот это загул! От уютного бара на площади Телетеатра в Старом Нью-Йорке – в дальний космос, зажигать среди звезд. Отыграл, открывлялся краткий час на сцене, побегал, пошумел – и вот конец.

Заря вышла из своего серого обиталища на востоке и уже зажигала розовые свечи, освещая задворки этого мира. Мира, которого Николас Хейз не помнил, хотя и знал, что уже видел его. Видел из темных глубин опьянения, сквозь туман, в котором нет ни боли, ни воспоминаний, с обманчивых высот никогда не наступающего завтра. Видел, но успел забыть.

Вокруг раскинулось поле. Сжатая стерня в бороздах перемежалась полосами мерзлых сорняков. За полем виднелся лес, а за лесом – холмы.

Изо рта поднимался пар, а сквозь пар виднелось кое-что еще. Какой-то зверек – припал к земле шагах в десяти и глядит сквозь траву.

Не в голове ли поселился этот зверек? Кряхтя, Хейз поднялся на локте, подобрал комок земли и швырнул. Видение тут же исчезло.

Он похлопал себя по карманам в тщетной надежде отыскать бутылку. Поднял взгляд – зверюшка на том же месте. Сидит, смотрит.

– Кыш! – прохрипел он, зажмурившись. Открыл глаза – никуда не делась.

На вид вроде собаки, но толком не разглядеть. Похоже, не мерещится. Он привел себя в сидячее положение и обшарил карманы. Там обнаружился бумажник – пустой, карточка Телетеатральной Гильдии – аннулированная, паспорт, полная горсть мелочи, а еще – плитка твердого шоколада.

Отломил половинку, бросил зверю. Тот снова пропал, но тут же появился в полусотне шагов – чудеса... Посидел, посмотрел – опять исчез. Появился там, где был сначала, проглотил угощение.

Хейз протер глаза – не помогло. Зверюшка не уходила, поглядывая с голодным видом. Он протянул оставшуюся половинку шоколадки.

– Если хочешь, подойди и возьми.

Странный пес – а что-то собачье в нем определенно было – распластался на брюхе и стал медленно подползать. Тем временем за матерью-зарей с ее последней розовой свежей явился день, и его свет позволил разглядеть нового знакомого. Песик был размером с карликового пуделя. Шерсть густая, но совсем не курчавая, цвета утреннего тумана. Нескладные щенячьи лапы, тоскливый ищущий взгляд золотистых, слегка раскосых глаз. Так и есть – совсем еще щенок. Длинноватая мордочка заканчивалась комично вздернутым носом, а уши-оборвыши свисали, как пара старых тряпок вроде тех, которыми в барах протирают столы. Но

самым примечательным был довольно пышный хвост с белой кисточкой. Он не вилял, а вращался – сначала по часовой стрелке, потом обратно, закручиваясь и раскручиваясь, подобно заводной пружине. Посреди лба сияла белая отметина в форме звезды.

Псина явно оголодала, а может, все дело в щенячем аппетите, но остаток угощения мигом исчез в ее пасти, и глаза жадно уставились в ожидании добавки. Хейс недоверчиво ощущал лохматое тряпичное ухо.

– Ну, хоть не мерещишься... Но если настоящая, почему исчезаешь?

Хейз поморщился, держась за голову. Ладно, это потом, сейчас есть вопросы поважнее. Например, что это за место? А еще – зачем он здесь?

Он помнил, что наугад выбрал планету и купил билет в Большом Восточном космопорту. Смутно помнил посадку в подпространственный лайнер и столь же смутно – бесконечную болтовню в баре, порой с другими пассажирами, но большей частью с самим собой. Вот и все, что осталось в памяти. Тогда он и дошел до точки, где не было ни боли, ни воспоминаний, там и достиг высот никогда не наступающего завтра и показал Вселенной язык.

Но вот завтра наступило, и те высоты остались безнадежно позади.

Хейз заставил себя встать. Голова разламывалась, тело было куском глины на негнущихся ходулях. Ни шапки, ни пальто, рубашка и брюки – в грязи. Он повернулся в ту сторону, откуда, вероятно, пришел. Невдалеке виднелось что-то вроде дороги, и вскоре он брел по ней к погруженной в туман кучке домов, означавших присутствие людей.

Сзади раздалось тихое поскуливание. Он обернулся. Собачка замерла, не сводя с него тоскливых глаз.

— Ну и что ты мне скажешь? — вздохнул Хейз. — Идем, Тряпка, так и быть, накормлю. Смотри только, больше не исчезай.

— Р-р-афф! — ответил пес и завертел хвостом. Хейс дал ему с собой поравняться, потрепал за ухом и двинулся дальше.

II

Он взмок от пота, пока доплелся до первых домов, и в то же время дрожал от холода, а добравшись до делового центра, уже едва дышал от боли в груди.

Городок еще не пробудился, но такие незатейливые фасады и грубые деревянные тротуары могли принадлежать лишь галактическому захолустью. Впрочем, колоний в дальнем космосе насчитывались тысячи, и это могла быть любая из них. Ничего не проясняла и вывеска над входом единственной гостиницы: «ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН».

Хейз направился к двери, собачка бежала трусцой по пятам. Не заперто, но в холле — никого. Он огляделся. Может, и бывал здесь раньше, но память ускользала.

Он шагнул из холла в бар. Ну уж здесь хоть что-то должно показаться знакомым. Однако просторный зал с деревянными балками на потолке и старомодной мебелью вызывал лишь смутные воспоминания. Да, побывал здесь недавно, но никаких подробностей не осталось.

Он уселся за ближайший столик. Явно смущенный незнакомой обстановкой, пес нырнул под стол и свернулся клубочком в ногах. Обстановка в зале была аскетичная, под стать безлюдью. Высокие окна смотрели на улицу; от центральной балки к балкончику на стене напротив стойки тянулась нелепая лохматая веревка, похожая на лиану; в глубине дверь — вероятно, на кухню.

Хейз постучал по столу. Должен же хоть кто-нибудь уже проснуться!

Он не ошибся. Из кухни решительно шагнула рослая блондинка с волосами до плеч. Широкие бедра, красивые ноги. Голубые глаза сверкнули гневом.

— Что это вы расселись, мистер? Завтрак не раньше полдевятого! — Она вдруг осеклась, затем медленно подошла к столу. Гнев в глазах угас.

— Простите, мистер Хейз, я вас не узнала.

Благодаря высоким скулам и манере зачесывать волосы ее щекастое лицо казалось тоньше. На вид лет под тридцать или чуть больше, примерно ровесница. Однако Хейз понятия не имел, кто она такая.

— Мы встречались? — спросил он.

— Нет, я видела вас по телевизору. Вчера, когда вошли, тут же признала. — Девушка на миг потупилась. Платье до колен с цветочным узором закрывало плечи, и золотистые волосы падали на разноцветные лепестки как утренний свет. — Скажем так, я одна из ваших многочисленных поклонниц.

— Кто-нибудь еще меня узнал?

— Вряд ли. Боюсь, до планеты Чернозем ваши записи пока не дошли.

Чернозем? Стало быть, Процион-16. Кой черт его сюда занес?

— Что-то у меня туман в голове... Я не упоминал, случайно, как оказался здесь?

— Я слышала, как вы сказали бармену, что прилетели аэробусом из Звездопорта, а до этого — с Земли. Не припоминаете, мистер Хейз?

— И долго я здесь ошивался?

— Почти до закрытия. Я хотела с вами поговорить, но постеснялась. Потом оглянулась, а вас уже нет. Вашей сумки

и пальто в коридоре не нашла и решила, что вы отправились ночевать в другое место.

– Так и вышло, – поморщился Хейз. – Хотя сначала, похоже, планировал всего лишь прогуляться под звездами.

Собака высунула голову из-под стола. Девушка отпрянула.

– Где вы ухитрились раздобыть пропадайку, мистер Хейз? Я думала, их навсегда отпугнули обратно в холмы.

– Кого?

– Так их прозвали поселенцы. Пропадай умеет телепортироваться. То пропадает, то появляется.

– Тогда понятно, – сказал Хейз, – а то сперва я решил, что померещилось. Да вот увязался... голодный, небось. У вас не найдется для него чего-нибудь?

– Конечно, найдется. Должно быть, вы ему понравились, мистер Хейз. Обычно при виде человека он перескакивает куда подальше. Вернее, оно. Пропадаи двуполые, размножаются партеногенезом.

В ее глазах вдруг мелькнуло беспокойство.

– Вы весь дрожите, мистер Хейз. Включить отопление?

– Не надо... Лучше принесите тройной виски.

Половину он проглотил сразу, и все тело будто взорвалось дрожью. Комната едва не перевернулась вверх тормашками, но он вовремя ее остановил, схватившись обеими руками за край стола. Заметил, что девушка склонилась над ним.

– Вам плохо, мистер Хейз?

– Сейчас будет хорошо. – Он проглотил остаток виски. – Кстати, как тебя зовут?

– Мойра. Мойра Блэр.

– Принеси-ка мне, Мойра, еще один тройной.

В голубых глазах девушки мелькнуло беспокойство.

– А вам не...

– Нет. – Хейз покачал головой. – Неси.

Она принесла виски, затем скрылась на кухне. Через пару минут вернулась и поставила на пол тарелку с мясными обрезками, на которые пес жадно накиннулся.

– Вы уже назвали его как-нибудь, мистер Хейз?

– Пускай будет Тряпка.

Он опрокинул в горло вторую порцию, достал из кармана мелочь и высыпал горкой на стол.

– Этот могильный холмик, Мойра, – последние материальные активы Николаса Хейза. Носите выпивку, пока они не иссякнут, а затем благоразумно отправьте бедолагу в ближайшую канаву, где ему самое место.

– Позвольте мне вам помочь, мистер Хейз.

– Зачем?

– Затем, что так нельзя – это не для вас! Еще в Новой Северной Дакоте на Марсе, где было телевидение, я пересмотрела все ваши роли, все премьеры и повторные показы. Вашего Тамерлана Великого, ваших Сирано и Гамлета, Эдуарда Второго и Вилли Ломана. Вы были гениальны. Были, есть и всегда будете!

– Угу. Только моего Милтона Помфрета не видела. На премьере «Двустороннего треугольника» – не видела. И не увидишь. Нигде, даже в своей Новой Северной Дакоте!

Хейз стукнул кулаком по столу.

– А знаешь, Мойра, почему не увидишь? Потому что на премьеру я пришел пьяный, как астронавт в увольнительной, и из Телетеатра меня вышибли! И к тому все шло, заметить. Потому что далеко не в первый раз, милая Мойра, я был пьяный, как астронавт. Далеко не в первый раз Шалтай-Болтай Хейз свалился со стены! Вот только на этот раз вся королевская конница и вся королевская рать не потрудились накачать его алко-антидотом и сахарными пилюлями. К тому времени он достал всех не меньше, чем себя самого.

Вот они и решили, что Шалтаю-Болтаю придется собирать себя самому – если захочет. И тогда он сжег все мосты, промотал все деньги, сел на корабль и унесся к звездам – а за чем, уже не помнит и не желает вспоминать. И бога ради, принесите ему бутылку и дайте раскланяться с миром!

Никогда в своей жизни Хейз не слышал более ясного и решительного «нет». Оно заставило его вскочить на ноги – и это оказалось чревато. Стены вновь закружились, но теперь остановить их не удалось. Серой волной нахлынула дурнота, за которой бурлила тьма.

Черный водоворот окружал его со всех сторон, поднимаясь все выше и выше.

– Лесли! – крикнул он сдавленным голосом.

Но в густеющую тьму за ним бросилась не утонченная темноволосая Лесли, а высокая блондинка с тревогой в голубых глазах. Сильные руки подхватили его, и уже проваливаясь в небытие, он ощутил прикосновение пальцев к своей щеке.

Жар и холод, свет и тьма перемешались в хаосе дней и ночей. Иногда в спальне, где он лежал, возникала блондинка в цветастом платье, а иногда в леопардовом саронге. То и дело появлялся грубоватый бородач и тыкал пальцами в грудь. Но серый дымчатый зверек с тряпичными ушами и преданным взглядом золотистых глаз не уходил никогда.

Потом потянулась череда поздних рассветов и долгих солнечных дней. За ромбами оконного переплета лениво падал снег.

Спальня была небольшой. Даже и не спальня, а переделанная гостиная. Диван, стулья и столик с лампой, часами и «Звездной географией» Р. Э. Хеймса. Высокая тесная койка, которую явно позаимствовали из больницы для поселенцев, смотрелась в такой обстановке нелепо. Как будто укрытая простынями баржа, плывущая по воображаемой реке.

В один из вечеров девушка в леопардовой шкуре снова показалась из теней.

— Доктор Граймс говорит, вам уже много лучше, — сказала она, глядя в глаза. — Я рада.

Хейз всмотрелся в ее лицо.

— Ты ведь Мойра?

— Когда не выступаю. В костюме я Зонда Амазонская. Есть такая река Амазонка, очень большая, в джунглях на Альфе Центавра-9. Вам приходилось слышать о Зонде Амазонской, мистер Хейз?

— Кажется, нет.

— Это главная героиня трехмерного земного телешоу с тем же названием. Меня выбрали на роль, потому что требовалась высокая блондинка, и было не столь уж важно, если по актерскому мастерству она не Сара Бернар. Я качалась среди ветвей на лозах бутафорского винограда, дружила со зверушками и изрекала блистательные реплики вроде «Зонда хочет есть» и «Зонда тебя спасти — не бойся». Для марсианской девчонки из Новой Северной Дакоты справлялась, в общем, неплохо, тем более что играть-то, по сути, не умею. А потом сериал закрыли, и я оказалась на улице. Высокие блондинки, если они не умеют играть, пользуются в Вилле не большим спросом, чем когда-то Голливуде. Однако я успела кое-что подкопить, так что смогла какое-то время продержаться на плаву. А там начались повторные показы, и чеки начали поступать снова. Потом стали крутить и по третьему кругу. Сериал продали чуть ли не каждой земной станции в сети, и ради тех детишек, что меня еще помнили, я начала выступать по местным студиям. Затем наступил черед марсианских телестанций, и я стала выступать еще больше. В конце концов пленки разошлись по отдаленным планетам вроде Чернозема, где до сих пор нет трехмерного вещания, но есть видеозалы,

в которых эти пленки крутят наряду с другим старьем. Начались новые выступления, и в итоге я осела здесь, в Последнем-из-Могикан, где владелец местного отеля предложил мне пожизненный контракт, если я буду раз в неделю играть Зонду Амазонскую, чтобы оживить торговлю в баре. К тому времени меня уже тошнило от Зонды. Однако от переездов из одного постылого балагана в другой тошнило еще больше, поэтому я приняла предложение.

– И что тебе приходится делать? – поинтересовался Хейз.

– По субботам три раза за вечер летаю по залу на веревочной виноградной лозе, спрыгиваю на стойку, издаю победный клич обитательницы центаврийских джунглей и отбиваюсь от грязных фермеров.

– Это твоя комната?

Она кивнула.

– Только не думайте, что вы меня стесняете, мистер Хейз. Я никогда ею не пользуюсь.

– Сдала бы меня в ближайшую бесплатную больницу для бедных, да и дело с концом.

– Я подумала, что тут вам будет лучше. В больницах на захолустных планетах не хватает персонала, да и лекарства не всегда есть. – Она бросила взгляд на настольные часы. – Мне уже пора, мистер Хейз. Подходит время первого воздушного маневра Зонды. Тряпка составит вам компанию, пока вы не заснете. Верно, малыш?

Услышав, что к нему обращаются, пропадаяка материализовался на кровати и радостно закрутил хвостом – сначала в одну сторону, потом в другую. Лизнул Хейза в щеку.

– Р-р-афф!

Хейз улыбнулся.

– Мне бы побриться, наверное?

– Завтра приглашу цирюльника, заодно вас пострижет. –

Мойра приглушила свет. – Спокойной ночи, мистер Хейз.
– Спокойной ночи.

Едва видение из джунглей исчезло, голова Хейза плюхнулась на подушку. Он устал, совсем ослаб и чувствовал себя так, будто век не поднимется с этой постели. Тишину нарушали лишь отдаленное буханье стерео из бара внизу и легкий шум собачьего дыхания.

За ромбами оконного переплета уличный фонарь выхватывал из темноты мягкие сверкающие снежинки... В Старом Нью-Йорке сейчас было бы лето. Там всегда лето, и ласковые ветра с перенаправленного Гольфстима веют над перекроенными проспектами. На маленьких открытых сценах вокруг площади Телетеатра кипит жизнь.

Сегодня перед вами Лесли Лейк и Шалтай-Болтай Хейз в «Двустороннем треугольнике»! Нет, не Шалтай-Болтай Хейз. Шалтай-Болтай Хейз свалился со стены – помните? И вся королевская конница, вся королевская рать не позаботились его собрать.

Он закрыл глаза, прячась от внезапной унылости потолка. В отчаянии коснулся лоснистой шерстки зверька, который свернулся клубком в изгибе его локтя. Сразу полегчало – хотя бы сегодня удастся заснуть. «Сегодня перед вами, – вяло шевелилось в голове, – пропадайка-пес, Зонда Амазонская и Шалтай-Болтай Хейз в отеле «Последний из могикан»...

III

Он хотел выпить. Молил, криком кричал, требуя виски. Буйствовал, когда Мойра запирала его в комнате. Однажды она поднялась к нему после очередного выхода Зонды, а Хейз подкараулил ее за дверью, схватил за горло и, повалив на пол, угрожал убить, если она не принесет из бара бутылку.

Мойре без труда могла бы его отшвырнуть, еще позорно слабого, но лежала без движения, а потом сказала:

– Давай, Ник, продолжай... задуши меня. Чего ты ждешь?

Руки его упали, и он, пристыженный и противный самому себе, долго сидел на полу, пока она не подняла его и не помогла вернуться в постель.

На следующее утро принесла завтрак, присела у постели и заговорила как ни в чем не бывало.

– Боже мой! Почему ты меня не выкинешь? – не выдержал Хейз. – Зачем возишься со мной?

Она скользнула ласковым взглядом по его лицу.

– По ночам хуже всего, да?

– По ночам я кто-то другой. Или, может, наоборот. Неважно: в нас обоих нет ничего хорошего.

– А мне кажется, ты ни тот, ни другой – а кто-то посередине. Вроде меня. Во мне есть и Зонда Амазонская, и Мойра Блэр.

– Это совсем другое, да ты и сама знаешь... Сколько уже я здесь прохлаждаюсь?

– Три недели, но доктор говорит, еще день-другой, и встанешь на ноги. Наверное, ты и сам уже понял, что чуть не умер?

Внезапно между ними на краю постели материализовался пес. На его лапах намерз лед, а на вздернутом носу высился целый снежный сугроб.

– Где это его носило? – Хейз скормил собаке ломтик поджаренного хлеба.

– По родным холмам, скорее всего. Пропадай никогда не заблудится. Говорят, они способны телепортироваться на миллионы миль. Наверное, даже с планеты на планету, взбреди им такое в голову.

– Тут-то и нашли бы свою смерть. Пусть в каком-то

смысле телепортация и мгновенна, но все же ограничена скоростью света – разве что псы вхожи в подпространство.

– Вряд ли, раз не покидают Чернозем. Видимо, догадываются, чем чреват вакуум при абсолютном нуле. Знают же обычные собаки, что не стоит прыгать с утеса.

– Р-р-афф! – напомнил о себе песик.

– Похоже, понимает нас, – рассмеялся Хейз.

– Меня это не удивило бы. Пропадайки удивительно умные. – Мойра встала. – Мне пора, Ник.

– От Мойры Кухонной до Зонды Амазонской – долгая же у тебя неделя.

– Я не возражаю, не люблю бездельничать.

Она забрала поднос из-под завтрака.

В тот же миг пес исчез с кровати, и долю секунды спустя из коридора послышалось царапанье. Мойра открыла дверь – пропадай гордо стоял на пороге.

– Выпендриваешься? А ты прирожденный актер, Тряпка!

– Р-р-афф! – согласился он и телепортировался обратно на кровать.

Хейз уставился на плывущую собачью мордашку.

– Мойра, я вспомнил, зачем отправился к звездам! – воскликнул он. – Я собирался устроить турне по городам захолустных планет, подзаработать чтением шекспировских монологов. Тупая идея, пришла на пьяную голову и не окупилась бы даже за миллион лет. Зато сейчас у меня родилась мысль получше! Не принесешь мне блокнот и чем писать, пока ты не ушла?

– Конечно, Ник.

Он начал не сразу, посидел, поразмыслил – под спиной подушка, на коленях блокнот. Для задуманного перво-наперво требовалась подходящая сценка. Взять отрывок из старенького, чтобы не покупать права? Идея Хейзу понравилась, и он начал перебирать в уме пьесы, которые знал

наизусть. Дело запросто могло бы занять все утро, не приди ему сразу на ум «Двусторонний треугольник». Ничего другого и не надо: пьесе добрых шестьдесят лет, она неизменно пользуется успехом, и по крайней мере отрывок подойдет идеально. Он стал прокручивать в голове слово за словом, строчку за строчкой, сцену за сценой.

Одним из героев был молодой клерк по имени Милтон Помфрет, чья жена Гленда задалась целью выяснить, не волокита ли он. Для этого она решила временно превратиться в другую женщину. Сказала мужу, что пару недель погостит у матери, уложила чемоданы и сняла квартиру в центре под именем Мэри Лу Джонсон.

С помощью специалистов по коррекции внешности она за выходные изменила лицо и фигуру, а с фонетистом отработала новую манеру речи. В понедельник утром устроилась секретаршей в офис мужа и приступила к охоте. Несколько раз чуть было не стала любовницей собственного супруга, но все время что-то мешало.

В конце концов он дико в нее влюбился и предложил руку и сердце. Чего-чего, а такого Гленда не предвидела и, чтобы сохранить Помфрета, ей пришлось развестись с ним в настоящем обличье и выйти замуж под видом своего второго «я».

Сценка, на которой Хейз в итоге остановился, была одной из самых популярных в пьесе. Милтон Помфрет после свидания заглядывает к Мэри Лу, и оба садятся на большой диван в ее гостиной. Моральные бастионы Милтона уже пали, и он готов заняться любовью; что же до Мэри Лу, та более чем согласна. Однако каждый раз, когда они уже готовы войти в клинч, дело срывается.

В оригинальной пьесе эти помехи были ироничными по сути, в версии же Хейза – чистым фарсом и сводились к тому, что пропадай всякий раз материализуется между парой

любовников, едва те собираются обняться. При первом появлении зверушки Мэри Лу выставляет ее из комнаты и запирает дверь; во второй раз – запирает не только дверь, но и окна; в третий – еще и включает охранное поле; в четвертый – с помощью Милтона достает из чулана чемодан и сундук, засовывает надоеду в чемодан, запирает, затягивает ремни, кладет чемодан в сундук, опускает и запирает крышку, выволакивает сундук из комнаты, запирает и баррикадирует дверь и снова включает охранное поле. Затем, в полной уверенности, что их больше не прервут, пара незадачливых любовников возвращается на диван, и что же? Пес прыгивает между ними в пятый и последний раз.

Кроме того, Хейз внес необходимые поправки, чтобы из сценки получился независимый номер, но в целом диалоги и действие не менял.

Мойра принесла ланч, когда он уже отшлифовывал сценарий и пребывал в таком воодушевлении, что почти не притронулся к еде.

– На, читай! – протянул он блокнот. – Представь, что ты Мэри Лу, я Милтон Помфрет, а пес играет самого себя. Что скажешь?

Когда она оторвалась от последней страницы, ее голубые глаза напоминали рассветное летнее небо.

– Ты... ты хочешь, чтобы я играла с тобой?

– Ты и пес. Не сомневаюсь, он станет звездой. На Черномозге о таких знают, а вот в других периферийных мирах наверняка не слыхивали, так что эффект будет вдвое мощнее. Мы соединим старое доброе чудодейство с грубоватым юмором фронта, и даже если не сумеем рассмешить, то хотя бы заинтригуем. Ясное дело, в Старом Нью-Йорке такая пошлятина провалилась бы с треском, но стоит ли беспокоиться о Старом Нью-Йорке, если в нашем распоряжении столько захолустных планет? Я придумаю еще несколько

номеров, чтобы хватило часа на полтора, а затем устроим турне втроем, и...

– Ты серьезно хочешь, чтобы... чтобы с тобой играла я?

– Брось, Мойра. Я не оказываю тебе честь, а всего-навсего предлагаю срубить деньжат. Хочешь не хочешь, а как-то зарабатывать надо, а кроме лицедейства или чего-то близкого я больше ничего не умею. Если не хочешь терять здешнюю работу, найду кого-то другого, хотя предпочел бы выступать с тобой.

– Не смей даже думать о ком-то другом!

– Ладно, не буду. – Хейз улыбнулся. – Можем начать репетировать прямо здесь, в этой комнате. Если добудешь где-нибудь сундук, у нас появится вся необходимая бутафория, а сама комната послужит сценой. Основная трудность – пес. Он должен появляться между нами точно в нужное время, иначе из всей затеи ничего не выйдет. В этом номере, как ты видишь, каждый раз перед тем как Милтона прерывают, он произносит слово «милая». Это и будет знаком для пса. Как думаешь, сумеем мы его натаскать?

Мойра сияла, в уголках ее глаз блеснули слезы. Хейзу в жизни не доводилось видеть никого счастливее.

– Даже не сомневайся, – ответила она. – Поди сюда, Тряпочка!

Пропадайка материализовался прямо у нее на руках, хвостик его крутился как маленький пропеллер. Слеза скользнула по щеке девушки и упала псу на нос. «Сегодня перед вами, – подумал Хейз, – Зонда Амазонская, Чудо-пес Пропадай и Николас Хейз в «Проделках Мэри Лу».

IV

Репетировать они начали следующим же вечером. Хейз играл Милтона Помфрета и в то же время режиссировал.

Таких старательных актеров, как Мойра и пес, ему еще не встречалось.

Три дня все шло гладко: пес появлялся точно по сигналу, а Мойра вжилась в роль красивой, но недалекой уроженки галактического захолустья с такой легкостью, будто готовилась с пеленок. Самому же Хейзу достаточно было слегка обновить свой старый образ Милтона Помфрета и играть с привычным профессионализмом.

Между репетициями он набросал еще три сценки, полные грубоватого юмора поселенцев, после чего отработал их с Мойрой, а пес послужил единственным восторженным, хоть и озадаченным зрителем. Наконец, однажды вечером они пробежались по всем номерам шоу, оставив «Проделки Мэри Лу» напоследок. Представление прошло как по нотам.

— А теперь устроим пробный прогон прямо здесь в Последнем-из-Могикан, просто чтобы убедиться, — заявил Хейз. — Для этого придется снять местный театр, а чтобы снять театр, понадобятся деньги. — Он зашел в спальню, открыл ящик комода, куда Мойра убрала его вещи, и мгновенно спустя вернулся с платиновой статуэткой Мориса Эванса. По пьедесталу шли слова: «Вручается Николасу Хейзу в год 2186 от Р. Х. за выдающийся сценический вклад в роли Эдварда II». Хейз вручил статуэтку Мойре.

— Отвези ее завтра в Звездопорт. Должны дать пару сотен кредитов, для начала хватит.

Мойра застыла, глядя на статуэтку, словно на святое распятие.

— У меня есть деньги, Ник. Тебе не нужно идти на такую жертву.

— У тебя в руках всего лишь кусок платины. Делай как я сказал!

— Но так нельзя, Ник!

– Ладно, съезжу я.

Он потянулся за фигуркой, но Мойра убрала ее за спину.

– Я сама, – сказала она, отводя взгляд. – Ты еще не совсем здоров.

– Договорились. А я тем временем закажу кое-какую рекламу и займусь генератором охранного поля. Когда вернешься, повторим все на сцене. Через пару дней открываемся!

В первый вечер они играли перед полным залом. И во второй, и в третий. Хейза это удивило, но потом он вспомнил, что в дальних поселениях галактики вроде Последнего-из-Могикан нет, по сути дела, никаких развлечений.

Даже притом, что пропадай не был для зрителей открытием, «Проделки Мэри Лу» пользовались оглушительным успехом, да и три предшествующие сценки срывали свою долю смеха. Даже не смеха, а гогота, от которого дрожали стекла. Хейз привык к более взыскательной публике, и подобный прием ему был внове, но он быстро освоился, как и Мойра, а что касается пса, то он словно родился на подмостках и, когда они втроем возвращались в отель после первого представления, безмятежно спал у Хейза на руках.

Можно было бы играть в Последнем-из-Могикан месяц напролет, но Хейза тянуло поскорее отправиться по маршруту, который он заранее набросал, вооружившись «Звездной географией» Хеймза, а еще не терпелось попробовать аудиторию, которой еще не приходилось видеть чудесного пса. Он велел Мойре предупредить хозяина об увольнении.

Как только она отработала положенную неделю, они уложили чемоданы, сели на аэробус до Звездопорта, оформили провоз пса через таможню и купили билеты на Гесем, двенадцатую планету системы голубого Сириуса. Статуску оценили в триста кредитов, а выручка за вычетом издержек после гастролей в Последнем-из-Могикан составила

больше семи сотен, что в сумме создало капитал приблизительно в тысячу кредитов.

Дело пошло в гору.

Первую остановку на Гесеме они сделали в захолустном городке под названием Приют В Долине.

В самом городке жила всего горстка колонистов, в большинстве своем торговцы, зато прилегающий округ в четыре миллиона акров насчитывал тысяч десять иммигрантов и две тысячи коренных жителей. За те три недели, что труппа Хейза выступала в общинном зале, каждый из них, включая аборигенов, хотя бы раз нашел возможность приехать в город, чтобы подивиться на «собаку-исчезаку».

Казалось бы, чего еще желать? И Хейз не мог понять, почему не радуется.

Из Приюта В Долине трио переехало сухопутным транспортом в Овечью Купальню, из Овечьей Купальни в Восстань-и-Светись, а из Восстань-и-Светись в Сен-Шафран. Там в номере отеля Хейз наткнулся на забытый номер «Спектра», где нашел рецензию на «Двусторонний треугольник». Пьеса успешно дебютировала на ТТВ, с равным успехом шла на сценах Старого Нью-Йорка и имела, по мнению критика, все шансы на повторный показ. Блестящее исполнение роли Гленды – Мэри Лу обеспечило Лесли Лейк прочное место в высших звездных эшелонах, а ее молодой партнер в роли Милтона Помфрета с редким мастерством... Хейз выбросил журнал в мусорную корзину и подошел к окну.

Час был поздний, на улице ни души. В смежной комнате уставшая после долгой дороги Мойра готовилась ко сну.

Глухо шлепали по полу ее босые ноги, с шорохом открывались и закрывались ящики комода, куда она складывала одежду. Пропадай крепко спал в изножье кровати за спиной Хейза.

Внезапно накатило жуткое чувство одиночества.

Выйдя из номера, он спустился в холл, не нашел там ни души и шагнул за дверь.

В ночном воздухе, по-зимнему свежем, уже ощущался аромат зелени. В Сен-Шафран пришла весна. Вскоре вдоль обочин и лесных тропинок закивают голубыми и желтыми головками прелестные цветы, которые дали городку название. Запоют птицы.

Хейз пошел вдоль улицы. Городок стоял на пологом склоне, а ниже расстилалась глубокая долина с редкими огоньками ферм. Сверху ее накрывала перевернутая долина неба, и там тоже горели огоньки-звезды.

Одной из звезд было Солнце.

В Старом Нью-Йорке сейчас лето. Там всегда лето. В Старом Нью-Йорке много смеха и ярких огней, и ты никогда не бываешь одинок. В Старом Нью-Йорке, если ты достаточно хорош, можно выйти на волшебную сцену, и телекамеры размножат тебя в сотню миллионов раз. Ты окажешься в каждой гостиной на Земле и на Марсе, и люди будут знать, что ты жив. Конец, конец, огарок догорел! Конец, конец краткой карьере Николаса Хейза!

Улица закончилась. Не влилась в другую улицу, как это бывает с большинством улиц, а просто перестала существовать, потому что было незачем. Дальше к ней вплотную подступали деревья, и в темноте фосфоресцировал знак «Тупик».

Хейз устало повернулся и пошел назад тем же путем. И тут понял, что больше не один. Кто-то бежал рядом: зверушка со вздернутым носом и золотистыми раскосыми глазами.

— Тряпка! — удивился Хейз. — Что ты тут делаешь так поздно? Давно пора баиньки.

— Р-р-афф! — Песик взглянул на него так, как, бывало,

смотрела публика, когда громом аплодисментов вызывала с товарищами на сцену после выступления. И внезапно исчез.

«Боже! — подумал Хейз, — умею я телепортироваться, вернулся бы на Землю со всей быстротой крыльев света... Угу, и прибыл бы мертвым и окаменевшим лет через восемь. Впрочем, я и так считай что покойник и просто тупо вальсирую среди звезд».

Да, но разве так уж обязательно оставаться мертвым? Разве он так глуп, что не придумает способ вернуться к жизни? Нет, не глуп. Только не он, не Николас Хейз. Вопрос не в том, как найти конец. Это просто вопрос выбора!

Когда Хейз вернулся в номер, пес снова спал в изножье кровати. В смежной комнате было тихо. Может, лучше дожидаться утра? Нет, не стоит.

Он постучал в дверь:

— Мойра, не возражаешь, если я загляну поговорить?

Тишина, затем щелчок лампы.

— Конечно, Ник, входи.

Бледно-желтые, словно первоцвет, в мягком сиянии прикроватного светильника, ее волосы разметались по подушке, словно сама весна. Голубые, как летние колокольчики, глаза взглянули на Хейза.

— У тебя все нормально, Ник?

— Да. — Он подтянул стул к кровати и сел. — Сегодня вечером я ходил прогуляться, и меня посетила идея. Идея театра-корабля.

— Да, Ник?

— Знаешь, столетия назад на Земле по фортам поселенцев разъезжали шарлатаны в крытых фургонах и устраивали так называемые медицинские спектакли. Сами представления были бесплатными и имели целью просто привлечь толпу, чтобы шарлатан мог продать свои чудодейственные

микстуры. Потом изобрели подпространственный двигатель, народ повалил на другие планеты, и сейчас у нас здесь опять что-то вроде Дикого Запада. Колонисты расселились так быстро и так широко, что их невозможно обеспечить всем необходимым, в частности, лекарствами. Вот представь: мы с тобой купили старенький грузовоз, переоборудовали, чтобы жить в нем, установили сцену и набили трюм универсальными аптечками. Оставили от нашего шоу одни лишь «Проделки Мэри Лу» и вместо входных билетов продаем аптечки... А прибыль установим минимальную и не будем терзаться, что обманываем легковых людей. Более того, мы будем им помогать. Само собой, никогда не разбогатеет, но на пристойную жизнь вполне хватит, и, хотя все время будем в пути, бездомными не окажемся, потому что наш дом всегда останется с нами... Что скажешь, Мойра?

— Зачем тебе это, Ник? — спросила она после долгого молчания.

Настало время солгать. У Хейза это вышло блистательно:

— Затем, что пришло время стряхнуть прошлое. Потому что хватит считать себя актером. Мне нужно измениться, кардинально измениться. Возможно, став лекарем, я обрету покой.

Мойра отвела взгляд, посмотрела на покрывало, на свои руки — довольно крупные, привыкшие к тяжелой работе, и все же полные изящества.

— По-моему, чудесная идея, Ник, — помолчав, ответила она.

— Вот и отлично. Побудем тут недельку, а потом махнем на Марс. В Больших Песках есть известный рынок подержанных кораблей, там и подберем что-нибудь подходящее. — Он встал. — Извини, что разбудил, просто не терпелось узнать, что ты скажешь.

- Все нормально, Ник. И, Ник...
- Да?
- Большие Пески недалеко от Новой Северной Дакоты. Может, у нас получится посетить ферму и... моих родных?
- А как же, непременно! Спокойной ночи, Мойра.
- Спокойной ночи.

V

Грузовоз, на котором в конечном итоге они остановили свой выбор, был просто старым корытом, однако ионный двигатель еще вполне тянул, а подпространственный коррелятор допотопной конструкции не уступал по эффективности современным аналогам. К тому же «Доктор Альберт Швейцер», как они окрестили корабль, мог управляться единственным пилотом, как все современные суда. И, что не менее важно, его нижняя палуба возвышалась над землей всего на пару метров и в сочетании с выдвижной погрузочной платформой могла отлично служить сценой.

Хейз попросил поменять шлюзы и установить более широкие, с увеличенным проемом. Агрегатная занимала почти всю заднюю часть нижнего грузового отсека, и все же там уместились три каюты, кладовка и две примерные для Мойры и Хейза.

Мойра настаивала на том, чтобы написать на двери кладовки имя пса, поскольку Тряпка, как незаменимый член труппы, заслуживал по меньшей мере равных почестей.

Хейз поворчал, но уступил. Половину верхнего отсека он отвел под запасы продовольствия и аптечки, уже заказанные с Земли, а в другой половине разместил большую гостиную, просторную кухню и маленький кабинет. Из кают пилотов палубой выше получилась пара отличных спален. Как последний штрих, он заменил оставшиеся каюты

винтовой лестницей, после чего отдал корабль в покраску и отправился с Мойрой подбирать мебель.

К этому времени капитал компании Хейза опасно уменьшился. Корабль они купили с отсрочкой платежа, взяв кредит у «Торгово-промышленного треста Больших Песков», однако за остальное рассчитывались наличными.

В результате мебельные запросы пришлось поумерить. Впрочем, это обернулось благом. Мойра оказалась мастерицей вдыхать новую жизнь в стулья, столы, кровати и даже бытовые приборы, так что даже самые дешевые и ветхие из покупок в конце концов обрели красивый и достойный вид. Мебелью она не ограничилась, и сами комнаты после отделки не уступали приличной двухуровневой квартире конца двадцатого века.

А пока шел ремонт, Мойра с Хейзом ходили в вечернюю школу и учились пилотировать звездолет.

Благодаря почти полной автоматизации кораблей вроде «Доктора Альберта Швейцера» космонавигация давно стала не сложнее вождения автомобиля в конце двадцатого века. Во многом даже проще, и уж точно она была сопряжена с меньшими рисками. И все же кое-какие азы будущим пилотам полагалось знать. Мойре с Хейзом пришлось в одиночку вывести тренировочный корабль на орбиту, после чего каждого отправили в пробный полет до Альфы Центавра-4 и обратно. Оба справились без происшествий и получили лицензии в один день.

Тем временем прибыли заказанные с Земли аптечки, их погрузили на «Доктора Альберта Швейцера», и больше ничто не держало Хейза с Мойрой в Больших Песках.

— Если мы собираемся навестить твое семейство, самое время съездить, — сказал Хейз вечером после ужина. — Как, ты говорила, называется твой родной городок?

Она убрала тарелки и включила посудомойку.

– Красная Картошка. Только это не городок, а деревня, причем махонькая. Однако рядом проходит оживленный аэробусный маршрут.

– Хорошо. Сегодня уложимся и утром отбудем.

– Ладно, – ответила она, не глядя на него.

– Что-то я не вижу энтузиазма.

– Ник, как ты думаешь, мы могли бы... могли бы притвориться... – начала она, глядя в плиту.

– Притвориться кем?

– Мужем и женой. В смысле, только пока гостим. Я... я знаю, ты обо мне никогда так не думал. Да и какое у меня право этого ожидать? Однако мама с папой начнут задавать вопросы и, вероятно, тревожиться. Так что... ради них – может, сделаем вид?

Хейз выглянул из иллюминатора в темноту. Среди нагромождения теней тут и там тускло вспыхивали пятнышки света, вдалеке ночная смена разбирала допотопный СБ-2. В расчеты Хейза никогда не входил брак. Но чем может навредить женитьба на Мойре?

Правда, он ее не любит. Но если на то пошло, он никогда никого не любил... разве что Лесли. Да и в любом случае брак теперь совсем не то, что когда-то. В любом контракте есть условие, что в первый год супруги могут разойтись без уважительной причины – если, конечно, еще не успели зачать ребенка. А «Двусторонний треугольник» пойдет на повторный показ куда раньше, чем через год.

– Я все продумал, да? – усмехнулся Хейз. – Только о самом важном забыл... Мойра, ты выйдешь за меня замуж?

В ее взгляде светилось обожание, почти как у пропадайки.

– Тебе совсем не обязательно это делать.

– Ну и что, я все равно предлагаю. Или я не заслуживаю ответа?

– Я та, что в отеле Последнего-из-Могикан каталась на фальшивой виноградной лозе... Забыл?

– А я пьяница, которого ты спасла от розовых слонов.

Годы словно упали с ее плеч. Высокая и стройная, юная и нежная – такой она была, наверное, когда давным-давно уезжала из Новой Северной Дакоты. Зонда Амазонская снова глядела с вершины дерева на бескрайний мир полными удивления голубыми глазами. Но ответила Хейзу не Зонда, а Мойра:

– Я не Лесли и никогда не смогу стать Лесли Лейк.

Однако Хейз стоял на своем:

– Я и не хочу, чтобы ты была ею. – Он взял девушку за плечи. – Найдем сегодня мирового судью и проведем медовый месяц в Новой Северной Дакоте.

Хейз замолк. Ему никогда не давались нежности. В реальной жизни просто не получалось сказать их с той же искренностью и легкостью, что на сцене.

– Уверен, милая, что нас ждет счастье.

И в тот же миг пропадаяка, который совсем недавно дремал на диване в гостиной, материализовался между ними. Мойра рассмеялась, и все вдруг стало так, как и должно быть – Хейз держал в руках ее теплое желанное тело. Пес радостно скакал вокруг, гордый, как павлин, своей сообразительностью, и вращал хвостом, словно игрушечная ветряная мельница.

Новая Северная Дакота... Домашнее тепло холодными ночами и пологие волны красноватых холмов, катящиеся к горизонту под бледным марсианским небом. Толстые балки потолка и огонь в очаге с булькающим кофейником. Золотистая корочка маклуса на вертеле, коричневая подливка и тушеные бобы. Долгие вечера в гостиной перед телевизором, передачи с далекой Земли. Прогулки по охрыным холмам и танцы в переполненном общинном зале –

«пара налево, пара направо». Возвращение домой звездной морозной ночью с дружеской пирушки, полной радости и беззаботного веселья, и жемчужно-серый рассвет в уютной спальне под скатом крыши на толстенной пуховой перине. Увенчанный шпилем спичечный коробок старомодной церквушки под бескрайними лавандовыми небесами и мирный покой воскресного дня среди приятных людей.

Когда настало время уезжать, Хейз переживал почти как родители Мойры, а она сама расплакалась. Пес не плакал, но только потому, что не умел. Глубокая печаль в раскосых золотых глазах малыша не оставляла в этом сомнений.

Впрочем, ее хватило лишь до возвращения азробусом в Большие Пески, когда мысли Хейза всецело поглотило пилотирование, а пса – исследование внутренностей корабля.

Осмотр он начал еще до поездки в Новую Северную Дакоту и теперь со всем рвением возобновил. Песика обуревало желание быть повсюду одновременно, и он то и дело телепортировался с палубы на палубу, из отсека в отсек, из каюты в каюту, и к Хейзу ненадолго вернулся страх, пережитый во время перелета с Чернозема на Гесем и оттуда на Марс: что пропадайка неправильно рассчитает расстояние и телепортируется за безопасные пределы корабля. Однако зверек никогда не ошибался. Очевидно, в придачу к безошибочному чувству направления он обладал столь же верным чувством расстояния.

Первой остановкой на маршруте медицинского шоу стало Златозернышко, девятая планета зеленой звезды Кастор. После таможенного досмотра в Равнинном космопорту первый из запланированных перелетов привел их в Одноножку. Сев на непаханое поле вблизи городка, Хейз настроился на местную короткую волну и стал читать подготовленный рекламный текст: «Сегодня перед вами выступают Николас Хейз, Зонда Амазонская и Чудо-пес

в искрометной комедии «Проделки Мэри Лу»! ВХОД СВОБОДНЫЙ! Театр-корабль ждет всех и каждого в двух милях к югу от города, когда выглянут звезды. Спешите видеть, как Чудо-пес не дает соединиться пылким влюбленным! Как появляется откуда ни возьмись и крутит своим волшебным хвостом! Спешите, спешите, спешите! БЕСПЛАТНО! БЕСПЛАТНО! БЕСПЛАТНО!»

Если здесь не купятся на «бесплатно» – значит, не купятся ни на что.

Однако свободный вход сделал свое дело – а еще серые будни местных жителей. К урочному часу на лугу перед кораблем яблоку негде было упасть. Залитые звездным светом лица, скучные и угрюмые, все же смотрели с любопытством, а детские – еще и с нетерпением. Хейз включил софиты по краям выдвижной платформы и вышел из-за бордового пластибархатного занавеса, который пошила Мойра.

– Граждане Златозернышка, – обратился он к публике, – мы здесь не затем, чтобы выманить у вас заработанные тяжким трудом кредиты, а просто хотим помочь и развлечь. Купите вы одну из тех аптекчек, что я сейчас покажу, или нет, я все равно приглашаю вас на представление, которое начнется сразу после этого.

Он повернулся к занавесу:

– Зонда?

Сверкнув в лучах рампы длинными ногами из-под леопардовой шкуры, Мойра вынесла на платформу столик, на котором лежали горкой несколько десятков аптекчек. Верхнюю она передала Хейзу и тепло улыбнулась зрителям.

Хейз поднял аптекчку на всеобщее обозрение и стал описывать ее содержимое.

– Ни одно из этих лекарств, разумеется, не панацея, – подвел он итог, – но действует точно, как я сказал. Препара-

раты все нужные и должны быть в каждом доме. Цена такого набора – два кредита. Телесное благополучие вас и ваших детей наверняка стоит этой суммы!

Аптечки распродавались на удивление хорошо, и Зонде еще дважды пришлось подниматься за новыми. Мойра с Хейзом удалились за занавес, чтобы найти пса и подготовиться к представлению, в приподнятом настроении.

– Может, немного сбавить тон, как ты думаешь? – спросила она, надевая платье Мэри Лу. – Там полно детей.

– Мысль здравая. Буду поменьше распускать руки и воздержусь от плотоядных взглядов, а ты могла бы не покачивать бедрами, когда ходишь. Идет?

– Идет.

Даже в разбавленном виде «Проделки Мэри Лу» возымели большой успех. Более того, актеров умоляли сыграть на бис. Пришлось выступить со сценкой из их прошлых спектаклей, однако народ не спешил расходиться, надеясь на продолжение.

– Почему бы тебе не исполнить что-нибудь из собственного репертуара? – предложила Мойра.

– Да, пожалуй, как способ от них избавиться.

– Да нет, не для того. Ну как ты не понимаешь, Ник? Нужно позаботиться и о духовном их благе. Пенициллин ты уже продал, теперь продай пилюлю другого рода. А если не захотят глотать – заставь. Это твой долг перед ними, Ник. Твой долг перед самим собой!

Хейз задумчиво посмотрел на нее. Такие соображения даже не приходили ему в голову, но это могло сработать на образ, который он пытался создать.

– Ладно, попытаюсь, – согласился он.

Он вышел на сцену, и объявил, что прочтет монолог. Рассказал о том, что происходило в пьесе до того и что будет после, потом воздел руки и начал:

Что значит человек,
Когда его заветные желанья —
Еда да сон?
Животное — и все.
Наверно, тот, кто создал нас с понятием
О будущем и прошлом, дивный дар
Вложил не с тем, чтоб разум гнил без пользы.

Пока он читал монолог из «Гамлета», звезды еще ярче проступили на небосводе, заливая светом приподнятые лица зрителей. Холодный вечерний воздух бодрил, одна из трех лун Златозернышка уже взошла и смотрела сверху, будто глаз телекамеры.

Оковы пали. «Камера» вновь передавала его точную копию в сотни миллионов гостиных, рождая прежнее возбуждающее чувство слияния со вселенской аудиторией. Его слова вознеслись до небес, звучными выверенными слогами раскатились среди звезд и продолжали парить там, чтобы слышал каждый, даже когда монолог подошел к концу, и воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом травы под ногами расходящихся в благоговении зрителей. И вот он, Николас Хейз, стоит на лугу совсем один, а свежий ветерок со стороны леса уносит его слова в беспредельность.

Хотя нет, не совсем один. Вышла на сцену и встала рядом Мойра, выполз из-за занавеса и свернулся у ног пес. Однако Хейз их едва замечал.

— Ты был великолепен, Ник, — нарушила тишину Мойра, — и наши зрители это поняли. Они никогда не забудут, как и я.

Чары развеялись.

— Холодает, — поежился Хейз. — Пошли внутрь.

VI

Из Одноножки они отправились в Разбитое Сердце, из Разбитого Сердца – в Кто не Успел тот Опоздал, из Кто-не-Успел-тот-Опоздал – в Зернышко-в-Кармане. Публика везде принимала тепло, и еще трижды им сопутствовал тот же успех, что в Одноножке. В конце каждого представления Хейз читал монолог и каждый раз ощущал все то же восторженное внимание и символическое удовлетворение.

Однако полного удовлетворения символы не дают, и он это сознавал. После Златозернышка труппа отбыла на Пашню-в-Небе, пятую планету голубой звезды Ахернар, и по одному вечеру отыграла в поселках Попурри, Закат, Зеркало Венеры, Будущее, Извилистая Река и Попрыгунчик Джек. Гастроль в последнем вылилась в случайное внимание прессы, на которое и ставил Хейз, рассчитывая привлечь его рано или поздно. Так вышло, что Махатма МакФадден, ведущий корреспондент специальной новостной службы Ай-Би-Эс, прилетел записать на пленку крестьянский свадебный обряд по обычаям Пашни-в-Небе, но как только услышал о медицинском шоу и прознал, что лекарь – не кто иной, как Николас Хейз, заснял и представление с «Прodelками Мэри Лу». Также он заснял презентацию перед номером и монолог после.

Хейз разыграл карты ловко.

– Вряд ли мне нужна столь широкая известность, – занялся он, когда Махатма прибежал за сцену, размахивая договором.

– Можете говорить, что угодно, мистер Хейз, только вот этого не надо. Слыханное ли дело – актер, и не хочет известности!

– Я теперь не актер, а лекарь.

Махатма, худой жилистый человечек с голодным лицом и пронзительными карими глазками, зашелся от смеха.

– Медицина-шмедицина... Актер всегда останется актером, скажу я вам. Ваша проблема, мистер Хейз, – уязвленная гордость, вас ведь вышибли из гильдии... Подпишите вот здесь, и, возможно, когда эту запись просмотрят, вас даже пригласят обратно, как знать?

– Потому что я сбежал и стал лекарем? – хохотнул Хейз, подпустив в смешок ровно столько иронии, сколько требовалось для правдоподобия. – Даже если и пригласят, я не вернусь.

– Что ж, ладно. Взгляните на вопрос с другой стороны. Со временем сегодняшняя запись разойдется по приграничным мирам, и ее станут крутить в дешевых кинозалах и летних театрах – при условии, что вы подпишете эту бумагу. Мистер Хейз, вы хотите, чтобы здешние люди о вас узнали? Чтобы ждали вашего приезда? Так вот, поверьте, стоит им увидеть вас на этой пленке, и они будут ждать. А те, кто вас уже видел вживую, еще больше захотят увидеть снова. Известность еще никому не вредила, сами знаете.

– Думаю, он прав, Ник, – вмешалась Мойра.

– Еще как прав, – хмыкнул Махатма.

– М-м... – задумчиво протянул Хейз.

Битва была выиграна. Махатма вручил ему соглашение об отказе от претензий и снял колпачок с авторучки.

– Вот здесь, мистер Хейз, в графе «подпись правообладателя».

Два месяца спустя, когда Хейз, Мойра и пес гастролировали по Расти Сад, десятой планете белой звезды в системе Беты Возничего, в маленьком городке Ландыш их перехватила Нэнси Оукс, девушка-репортер из межпланетного журнала «Новая звезда».

Разыскав Хейза и «Доктора Альберта Швейцера» после представления, она сгорала от любопытства, ее диктофон был заряжен и готов записывать.

— Мистер Хейз, вы попросту обязаны позволить мне о вас написать! — воскликнула она. — Наши читатели это просто проглотят! Вот, разрешите показать несколько стерео-фотографий, я сделала их, когда вы выступали. Они попросту потрясающие!

Хейз просмотрел их со сдержанным любопытством. На одном из снимков он торговал аптечками, рядом была Мойра в леопардовой шкуре. На другом они с Мойрой сидели на диване, их разделял пес. На третьем Хейз стоял на залитой звездным светом сцене и читал монолог. Последний снимок вышел на редкость удачно — один из лучших снимков в его жизни.

Хейз вернул фотографии. Внезапно в гостиной материализовался пес и вскочил ему на колени.

Мисс Оукс ахнула.

— Боже! Как вы его так выдрессировали, мистер Хейз?

— Ничего особенного. Видите ли, это не обычный пес, а так называемый «пропадай»...

— Как? — Еле заметным щелчком журналистка включила диктофон. — Расскажите, что за «пропадай», мистер Хейз. Статья будет просто сенсационная!

Хейз рассказал.

— А теперь, — не унималась мисс Оукс, — просветите меня насчет вашего прошлого. Ну, и прошлого Зонды, конечно. Разумеется, я знаю, вы играли в главных ролях, но хотелось бы чего-то личного... мотивов, что побудили вас стать врачом.

Хейз с притворной растерянностью взглянул на Мойру.

— А может, ну ее, эту статью?

— Ни за что, Ник.

Он снова повернулся к мисс Оукс:

– Ладно, похоже, не в наших силах противиться судьбе. Давайте ваши вопросы.

Журнал со статьей вышел через два месяца, но диск с копией номера догонял Хейза еще столько же. Статья началась с четырнадцатой страницы.

Он взглянул на заголовок: «Николас Хейз – доктор Швейцер космических дорог». Прочел аннотацию: «Опальный трагик одерживает победу над алкоголизмом, чтобы принести дары цивилизации нашим соседям в небе».

И отправил диск в корзину.

Следующим они посетили город под названием Дыханье Зимы. Под занавес шоу Хейз получил сообщение, что одна знакомая особа хочет увидеться и ждет в гостинице. Он прошел пешком лесами и полями под звездами, которых больше не замечал, по извилистой улочке, поднялся по скрипучим ступеням в обшарпанный вестибюль. С лестницы свернул в тусклый коридор. Номер комнаты был двести четыре.

Лесли встретила у двери.

– Ник, милый, ты замечательно выглядишь!

Он вошел и опустился на ближайший стул. Она села напротив.

– Наверное, ты уже догадался, что я приехала за тобой?

Ее глаза остались теми же. Светло-карие с искорками солнечного света. Волосы, все такие же черные, как ночь с блестками звезд, сияют даже в прозаичном свете лампы. Матовость кожи в треугольнике декольте, золото едва прикрывающей наготу юбки. Лесли, как всегда, отыгрывала свой час на сцене.

– А почему за мной не приехал сам Кинг?

– Потому что я попросила послать меня. Вполне уместный поступок, согласен? Только представь, Ник... мы с то-

бой пьем коктейли в «Вечере смеха» – совсем как в прежние времена. Устроим турне по всем уютным забегаловкам, куда раньше заходили поесть после шоу. Мы с тобой...

– Я женат, – напомнил Хейз.

– Ну и что? – рассмеялась она. – В наше время брак – это просто пшик. Быть в браке так старомодно. В Старом Нью-Йорке мы берем пример с мусульман. Говоришь три раза «Я с тобой развожусь» – и все.

– Вот как?

Она подалась вперед.

– Не играй со мной в благородство, Ник. Кого-кого, а тебе я научилась читать между строк. Я тебе не Зонда Амазонская, а Лесли из «Вечера смеха». Ты стал лекарем вовсе не ради помощи жителям отдаленных миров, а ради себя самого – чтобы привлечь к себе внимание, вернуть милость Телетеатральной гильдии и лично Кристофера Кинга. Но главное – чтобы снова оказаться перед камерой и быть размноженным в сто миллионов раз.

Хейз смотрел в пол.

– Похоже, в гильдии я уже восстановлен. У Кинга есть для меня роль?

– Я знала: ты образумишься, милый. Конечно, есть, и не какая-нибудь, а роль Милтона Помфрета! Через месяц начинается повторный показ «Двустороннего треугольника», и контракт твоего дублера истечет до этого срока. Так что, милый Николас, дело только за тобой. К Зонде мое предложение, разумеется, не относится, потому как Мэри Лу по-прежнему я, да и потом сильно сомневаюсь, что она удовлетворит запросам Криса. – Она внезапно хихикнула. – Скажи, милый, а она правда каталась на виноградной лозе в баре Последнего-из-Могикан, как пишут в статье?

– Не твое дело! – буркнул Хейз.

– А тот дурацкий песик с хвостиком будто ветряная мельница? И где ты только его откопал? Честно, Ник, ты просто неопишешь!

Хейз встал.

– Догадываюсь, что ты уже купила билеты.

– На «Большой восточный экспресс». Встречаемся завтра в Порту-всех-ветров в девять утра. Так что начинай собираться, милый. Времени мало.

– Вернусь через час, – бросил Хейз и вышел из номера. А дальше – по коридору, по лестнице вниз, за дверь, по извилистой улочке, лесами и лугами, опять полями – туда, где на фоне звезд возвышался темный столб корабля.

Мойра не спала, поджидая. У нее на коленях сладко посапывал пес. По ее лицу Хейз понял, что она уже все знает.

– Ты догадывалась, да? – спросил он.

– Не чувствуй себя виноватым, Ник. Я тоже хотела, чтобы тебя восстановили в гильдии.

Вопрос был запоздалым, но Хейз все равно спросил.

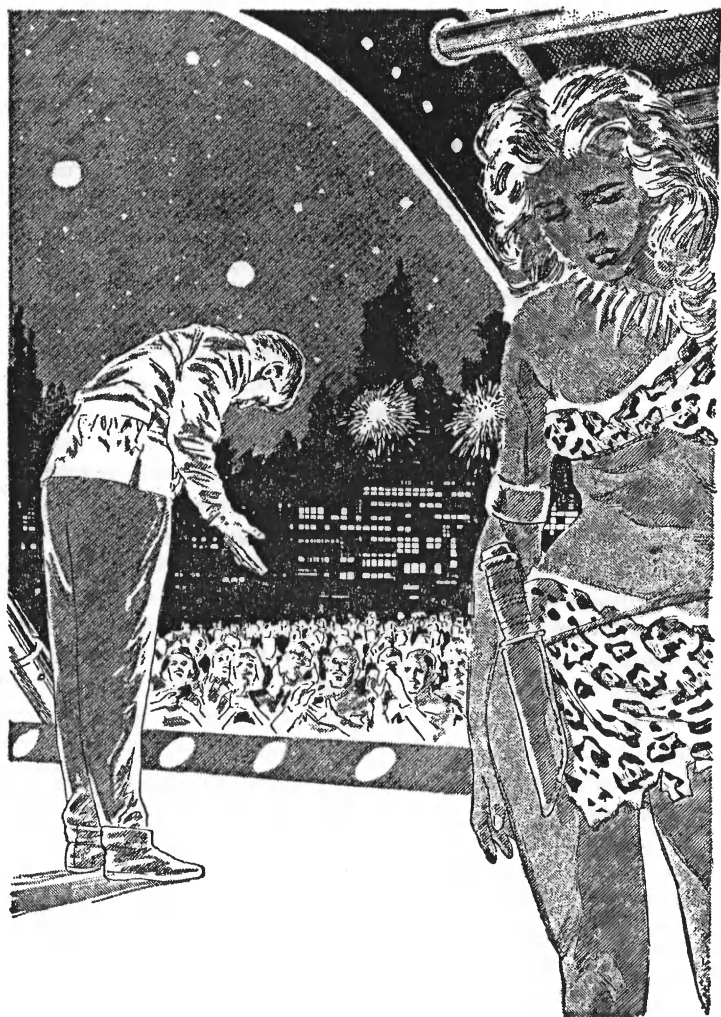
– Расстраиваешься?

– Какая разница. Я вернусь на Марс в Новую Северную Дакоту, там мое место.

– Я найму тебе в пару пилота. Одной лучше не лететь. Если найти хорошего покупателя, за «Швейцера» дадут больше, чем мы заплатили.

– Вот и славно. Будем с Тряпкой смотреть тебя по телевизору.

Хейз глянул вниз на маленькую серую голову и нелепые уши-оборвыши. Поднял глаза на стройную шею Мойры, где чуть заметно колотился пульс. Поднял взгляд еще выше и заметил предательский блеск сбежавшей слезинки. Отчаянно захотелось хоть что-то почувствовать, но не чувствовалось ничего, кроме желания исчезнуть.

– Прощай, Мойра. – Он повернулся, сбежал по винтовой лестнице и растворился в ночи.

VII

В Старом Нью-Йорке стояло лето. В Старом Нью-Йорке всегда лето. Хейз сидел с Лесли и Кингом в «Вечере смеха» и прихлебывал скучный кофе, пока те весело трещали за парой коктейлей: Ник это, Ник то, «О, Ник, как славно, что ты вернулся!». На репетициях «Треугольника» он без труда вошел в роль с того места, где из нее вышел, и порой, когда произносил реплики, думал о звездных ночах на Расти Сад и Пашне-в-Небе и о свежем дыхании девственных лесов, что оведало маленькую сцену.

Он не удивился, когда снова начал пить. Это был лишь вопрос времени. Запил по той же причине, что и прежде, только на сей раз знал, в чем она заключается. Правда, пользы от этого знания было мало. Что толку знать, что ты не способен любить никого, кроме себя самого, если эта неспособность неизлечима?

В ночь повторного показа желающие посмотреть представление переполнили амфитеатр и стояли на площади. Повторы вошли в традицию, а жители Старого Нью-Йорка ставили традиции превыше здравого смысла, который мог бы напомнить, что эту пьесу они уже видели по меньшей мере однажды – либо на премьере, либо в одном из множества театриков, где ее проигрывали в последние годы. Однако они не прислушивались к голосу разума и хлынули сюда, бросаясь в волны тиражированной культуры, как стадо леммингов.

– Ну и как тебе быть снова в деле, доктор? – спросила Лесли, когда перед первой сценой они с Хейзом шли на свои места. – Приятно, что через пару секунд тебя размно-

жат в миллионы раз и ты больше не будешь одинок?

Хейз не ответил. Интересно, Мойра сейчас смотрит телевизор? – подумал он. – А пес? Тут занавес поднялся, навелись камеры, и все мысли о девушке и собаке вылетели из головы. Сидя за столом, он говорил подозрительной жене, которая солнечным днем в конце рабочей недели заявила к нему в офис:

– Как видишь, моя дорогая Гленда, здесь никто не сидит у меня на коленях, не прячется в шкафах с бумагами и не глежит на тебя тайком из-за двери кафетерия.

Дальше действие покатилося своим чередом. Лесли в роли мнительной Гленды отвечала, что пришла не пересчитывать его секретарш, а напомнить о сегодняшнем обеде у Крофтонов. Неплохо бы ему отказаться от привычного коктейля по дороге домой и приехать пораньше, чтобы хоть раз в жизни спокойно собраться, а не носиться, как бешеный, пытаясь одновременно побриться, принять душ и одеться.

Тут в офис с жеманным видом входит сногсшибательная рыженькая и сообщает Хейзу-Помфрету, что его ждут в зале для совещаний, после чего оба уходят со сцены.

Гленда мгновение яростно глядит вслед, затем берет телефонную трубку и звонит специалисту по коррекции внешности. Говорит, что желает сделать и зачем, после чего набирает другой номер и говорит с фонетистом.

В следующей сцене она появляется уже как восхитительная Мэри Лу Джонсон, претендентка на должность личного помощника собственного мужа. Сюжет набирает обороты. Помфрет приглашает новую секретаршу на ланч. Ведет обедать. Наконец назначает свидание и потом заглядывает на огонек. Они сидят бок о бок на диване в ее гостиной. Мэри Лу придвигается ближе.

– Спорю, дома у тебя ничего похожего, – говорит она, надувая губки для «первого» поцелуя.

– Милая, – отвечает Помфрет, – будь у меня дома такое, меня бы силком за порог не вытянули.

Она прижимается к нему.

– Что ж, докажи.

– Ладно, – говорит он, обнимая ее.

Звонок в дверь.

– Проклятье! – в сердцах восклицает Мэри Лу и выходит из комнаты.

Ее голос слышен за сценой. Она громко пререкается с коммивояжером, который пытается продать книгу под названием «Почему никогда не следует доверять своему мужу». Чтобы избавиться от надоеды, Мэри Лу заявляет, что все мужья достойны доверия, а потому книга – сплошная ложь.

Все пять минут этого разбирательства Хейз-Помфрет нервно расхаживает по сцене и строит смешные мины, изображая муки совести мужа, который тщетно пытается сбросить чары прилипчивой любовницы. По возвращении Мэри Лу он снова садится на диван рядом с ней.

– Чтоб его, этого торгаша! – бурчит она. – Люди уже уединиться не могут!

Снова хочет прижаться к Помфрету, который раскрыл объятия... – и внезапно с визгом вскакивает!

Не в силах сдвинуться с места, Хейз растерянно смотрел на маленькое нечто, лежащее рядом с ним.

Гладкая шерстка цвета утреннего тумана. Оборвыши-уши словно пара старых тряпок, которыми в барах протирают столы. Остекленевшие выкаченные глаза еще хранят намек на золото, что прежде светилось любовью и обожанием.

Кровь хлопьями замерзла на некогда плутоватой мордашке, затих хвостик с белой кисточкой на конце. Звездочка посреди лба больше не сияет.

Хейз поднял тельце на руки. Глаза застили слезы.

– Под диван его, живо! – шепотом скомандовала Лесли. – Сейчас твоя реплика!

Хейз не слушал.

– Зачем, малыш? – плакал он. – Ну зачем ты это сделал? Ты же знал, это... это как утес – зачем ты прыгнул? Такая высота... сорок миллионов миль. Сорок миллионов миль!

– Какого черта, Ник! – яростно прошипела Лесли. – Избавься от этой гадости и давай реплику!

Хейз встал с дивана, прижимая к себе мертвого пса, и пошел со сцены прочь.

Амфитеатр наполнился ропотом удивленных голосов, за пеленой слез мерцали тысячи лиц.

Не было больше Лесли.

Не было Шалтая-Болтая Хейза.

Шалтай-Болтай умер сотней миллионов смертей.

В коридоре возле гримерки его нагнал Кинг.

– Ник, вернись! Шоу все еще можно спасти! Кто-то из работников сцены сыграл грязную шутку... всего-то.

Хейз не остановился.

– Ник, выйдешь за эту дверь, больше в нее не войдешь! Клянусь!

Хейз пошел дальше.

Снаружи оказалось совсем не так уж плохо. Снаружи можно было разглядеть Марс. Почти в перигее, он висел в небе, словно оранжевый уличный фонарь. Сквозь слезы Хейз видел красноватые равнины с волнами охряных холмов, видел спичечный коробок церквушки с торчащим шпилем. Взгляд упал на крошечное тельце в руках. «Сорок миллионов миль, – подумал Хейз. – Сорок миллионов миль!»

В звездном свете дом казался добрым великаном из дерева с внимательными глазами-окнами. Мойра встретила у двери.

– Ник, я так надеялась... я молилась, чтобы ты вернулся!

– Ты была с ним, когда... когда он...

Она кивнула:

– Сидел у меня в ногах, а когда ты сказал «милая», вдруг пропал. Сначала я не поняла, что случилось. Кто же мог подумать, что он узнает тебя в передаче? А потом, через несколько минут, он появился на экране, и... и я поняла.

– Я похоронил его в открытом космосе – там, среди звезд. Его место там, он сам был звездой.

– Пройдем в гостиную, Ник. Хочу что-то показать.

В коридоре Хейз спросил:

– А что корабль? Уже продала?

– Нет, он все еще в Больших песках... Мама с папой недавно легли спать... разбудить их, чтобы повидались с тобой?

– Не надо... Я тут задержусь... если ты согласна меня терпеть.

В гостиной Мойра опустилась на колени перед маленькой корзинкой у камина. Хейз опустился рядом.

Сначала он увидел крошечные оборвыши-уши, затем тельце цвета утреннего тумана и хвостик с белой кисточкой на конце. Его изумленный взгляд отразился в паре золотистых раскосых глаз, а над ними во лбу сияла белая звездочка.

– Тряпка! – ахнул он.

– Я же говорила, они гермафродиты. Он... она родила его за неделю до смерти.

Хейз дотронулся до лохматого тряпичного уха.

– Ну и ну... Подумать только!

Он поднялся на ноги, подал руку Мойре и глянул через ее плечо на каминную полку, где стояла платиновая статуетка Мориса Эванса. Ну да, Мойра ее продала, как и обещала. Продала себе самой.

Хейз заглянул ей в глаза. Будь он способен на любовь, давно б уже влюбился в нее.

Теперь способен.

– Мы начнем все заново, Мойра... если, конечно, ты окажешь мне честь и станешь моей примой. Снова загрузим корабль и отправимся туда, где еще не бывали. На Вьюнки и на Дальнюю Даль, и на Рудную Залежь...

– На Луговой цветок и Золотую Лихорадку, и на Фронтир...

– А когда облетим их все, вернемся на Чернозем...

– И оттуда снова отправимся на Златозернышко...

– И на Гесем...

– И на Пашню-в-Небе...

Прижав к себе, он стал осыпать ее поцелуями. Пускай в Старом Нью-Йорке стоит лето. В Старом Нью-Йорке всегда лето. Зато на Марсе в Новой Северной Дакоте – весна.

ВЗРОСЛЫЕ ПОКИНУТ ДОМ

Есть вещи, которые мы не можем забыть, есть – которые не хотим забыть, а есть некоторые, особенные, которые сочетают в себе и то, и другое.

Заканчивался сентябрь того последнего года. Мэри Эллен приехала в город, чтобы забрать меня после работы. Она остановилась на углу Мейн и Сентрал. Я уже ждал и сел в машину. Лори стояла на переднем сиденье, ее голубые глаза сверкали радостью открытия.

– Папа, я умею читать! – закричала она, едва увидев меня. – Я теперь умею читать, папочка!

Я щелкнул ее по курносому носу, но она не обратила на это внимания. Маленький красный букварь у нее руках был открыт на странице, где на ярко раскрашенной картинке мальчик качал на качелях девочку, а ниже – несколько фраз, напечатанных большими четкими буквами.

– Послушай, папа, послушай! Джейн – девочка. Джон – мальчик. Я вижу Джейн. Я вижу Джона.

– Как тебе наша маленькая Эдна Сент-Винсент Миллей? – спросила с улыбкой Мэри Эллен, следя за красным глазком светофора.

– Она просто чудо!

Загорелся зеленый, и мы поехали вверх по склону холма, где вдоль тридцатой трассы раскинулся маленький городок. Как я уже сказал, сентябрь заканчивался, холмы и поля немного поблекли, но еще хранили летнюю зелень, а небо бы-

ло бледно-голубым. Домики сияли белизной, а лиловые тени вязов и кленов причудливо переплетались на аккуратно подстриженных лужайках.

Мимо, поднимая клубы пыли, продребезжал пустой грузовичок.

— О, посмотрите на Джейн. О, посмотрите на Джона.

— Лори, теперь ты сможешь почитать мне «Зимой и летом», — сказал я.

Она подняла голову от книжки. Не могу забыть ее глаза. Словно глубокие голубые озера, впервые отразившие солнечный свет.

— Конечно, папочка, я тебе почитаю.

Мэри Эллен свернула с шоссе на дорогу, ведущую к нашему дому.

— Дорогой, а Стивенсон не слишком сложен для нее?

— Нет, мама, — заявила Лори. — Ты не понимаешь. Я уже умею читать!

— Но ведь ты же ей поможешь с трудными местами, да, Мэри Эл? — спросил я и поинтересовался: — А что у нас сегодня на ужин?

— Ростбиф. Ждет в духовке.

Мэри Эл свернула на подъездную дорожку и остановилась у куста форсайтии. Наш дом стоял на холме, и отсюда вся трасса была как на ладони. Машины сновали по ней туда-сюда, словно хлопотливые металлические жучки. За трассой раскинулось живописное озеро. В ясные дни можно было даже разглядеть Канаду. Но тот день выдался пасмурный, и молочная синева озера сливалась с туманной голубизной неба. Листья кленов во дворе шелестели под порывами ветра.

Я вытащил вечернюю газету из почтового ящика у ворот, поднялся на веранду и устроился на качелях. Лори была уже там, открытый букварь лежал у нее на коленях.

Мы тихо покачивались взад-вперед.

– Я вижу Джейн, – читала Лори. – Я вижу Джона.

Ветер шевелил страницы газеты, заголовки плыли перед глазами. Опять все про бомбу, а ниже та же зловещая история о мегатоннах и возможных мегажертвах. Вскоре газета выскользнула из моих рук, и я сидел, слушая чтение Лори, шорох ветра и звяканье столовых приборов, которые Мэри Эллен раскладывала на обеденном столе.

Мне до сих пор все еще слышится радостный звон посуды, легкий шорох ветра и – яснее всего – нежный детский голосок Лори, повторяющий: «Джейн – девочка. Джон – мальчик. Я вижу Джейн. Я вижу Джона...»

Мальчик, девочка и бомба. А потом Мэри Эллен позвала нас ужинать.

Больше всего мне запомнилось, как на исходе дня мы троим сидели на качелях. Лори устроилась посередине, на коленях у нее лежал «Детский цветник стихов» Стивенсона, открытый на стихотворении «Зимой и летом»¹.

– Зимой еще не бре...

– Брезжит, – подсказала Мэри Эллен.

– Зимой еще не брезжит свет...

А я... уже умыт, одет...

Напротив, летом спать меня...

Всегда кладут при свете дня.

– Лори отлично читает, правда, дорогой?

– Средь бела дня я спать иду,

А птицы пр...

– Прыгают...

– А птицы прыгают в саду.

И взр... И взрослые, покинув дом...

– Гуляют...

¹ Р.Л. Стивенсон «Зимой и летом». (Пер. О. Румера).

— Гуляют под моим окном.

Как я уже сказал, есть вещи, которые мы не можем забыть, есть вещи, которые мы не хотим забыть, а есть некоторые, особенные, которые сочетают в себе и то, и другое.

Лори уже большая, но теперь она не умеет читать. А зачем? Ведь читать нечего. Когда-то давным-давно она что-то читала, но теперь, конечно, уже все забыла. Наверное, это даже к лучшему. В маленьком поселке, который мы построили в холмах, подальше от радиоактивных берегов озера, печатное слово никому не нужно. Здесь нужна только крепкая спина, чтобы с утра до ночи работать в поле.

Нам нечем заполнить долгие зимние вечера. Книги, наверное, могли бы помочь, но то будут старые книги. Они напомнят о прошлом, которое лучше не вспоминать, о жизни, в которую мы уже сами не верим, которая осталась только в воспоминаниях. Воспоминания приходят, когда мы сидим у очага, а снаружи в кромешной тьме рыдает и стонет ветер, разнося пепел сгоревших городов над бесплодной землей.

АЛЛИЛУЙЯ!

Его прозвали «Реактивный голландец», хотя ни голландцем, ни реактивным он не был. Неоземлянин, чей корабль, как и все межпланетные корабли в его эпоху, работал на хронодвигателе Ламара. А звали его Натаниэль Дрейк.

Легенда гласила, будто в каждом порту он искал некую женщину, чтобы в любви обрести искупление, однако создатели легенд склонны проводить параллели там, где их нет и в помине. Дрейк действительно искал ЕЕ – неуловимую и призрачную больше, чем он сам, но искупление надеялся обрести не в любви, а в ненависти.

Его история началась у орбитальных берегов Яго-Яго, вскоре после того, как «Суэцкий канал» дал первую «протечку». В те времена Сатрапия Сириуса переживала промышленный бум. Ее сферические торговые корабли бороздили межпланетные моря; грузовые суда чуть ли не ежедневно отчаливали из Суэцкого канала на ненасытные терранские ярмарки. Ее планеты процветали, народы не знали нужды и горя, политики погрязали в роскоши. Лишь одна из десяти экосфер не испытала на себе блага цивилизации. Планета Яго-Яго подверглась остракизму из-за опальных туземцев (пятый пункт параграфа В-81 Межзвездного кодекса) и не прельщала ни поэтов, ни мародеров.

Натаниэль Дрейк перевозил партию васьикового шелка с Незабудки на Диор – иначе говоря, с Сириуса VIII на Сириус X. Между их орбитами располагался Сириус IX, он

же Яго-Яго. Три планеты образовывали единое созвездие и, дабы не попасть под гравитацию Яго-Яго, Дрейк задал автопилоту своего одноместного корабля обходную траекторию, причем с запасом, не догадываясь, что тем самым нечаянно направил «Ночного скитальца» в пределы космоса, куда еще не ступала нога человека.

Когда гиперпространственная система «Суэцкого канала» обнаружила свою полную непригодность к межзвездным полетам, межпланетные астронавты безропотно покорились судьбе, а с одиночеством боролись тремя проверенными способами. Первыми в списке шли реалити-кадры с девушками, вторыми – стерео-комиксы, замыкал тройку беспохмельный джин. Натаниэль Дрейк не чурался невинного вуайеризма, но жажду предпочитал утолять, а не усугублять, поэтому в рейсах чаще всего прибегал к третьему средству – джину. Нынешний полет не стал исключением. Дрейк уже приканчивал пятую бутылку, как вдруг в кабину постучали.

Натаниэль был человек не робкого десятка и редко поддавался панике. Наполнив опустевший стакан, он поставил бутылку на штурманский столик и прислушался. Снаружи тихонько поскрипывала обшивка фюзеляжа, внизу, в приборном отсеке, ровно гудел гравитационный генератор – все, никаких посторонних звуков. Внезапно стук повторился.

Дрейк неспешно поднялся, взял с прикроватной полки ионный пистолет, положил на стол, сам сел рядом и крикнул:

– Войдите.

Дверь распахнулась, и на пороге возникла девушка. Высокая и светлая. На тонком скуластом лице выделялись широко посаженные карие глаза – очень необычные, они словно смотрели вглубь и поверх одновременно. На незнакомке была серо-голубая блузка, такого же цвета юбка и кепи.

Церковь эмансипации славилась строгостью в одежде, но на сей раз, когда девушка, покачивая бедрами, двинулась к столу, вся строгость куда-то улетучилась. Приглядевшись, Дрейк быстро сообразил, в чем дело. Незваная гостья обладала поистине выдающимися формами – завернись она хоть в мешок, такие округлости не скроешь.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, незнакомка ничуть не смутилась. Однако ее шокировала внешность Дрейка. Видок и впрямь еще тот: обросший, капитанские бакенбарды и усы исчезли под густой косматой бородой, которая добавляла добрых два десятка лет к его тридцати двум.

– Наверное вы удивлены, – нарушила молчание гостья. Хрипловатый, но на удивление глубокий и проникновенный голос придавал словам непривычный резонанс.

Дрейк выудил второй стакан, плеснул туда джина и протянул девушке. Та, естественно, отказалась.

– Нет, благодарю.

Осушив стакан, Дрейк откинулся на стуле и стал ждать, попутно гадая, зачем и откуда взялась таинственная незнакомка. Ну откуда понятно – в грузовом отсеке для безбилетников места вдоволь, а портовые власти отродясь не брезговали взятками. А вот зачем – вопрос из другой оперы.

Ответ озвучила сама девушка.

– Пожалуйста, отвезите меня на Яго-Яго, – попросила она. – Я щедро заплачу. На пассажирском корабле лететь опасно – слишком много народу: вряд ли пилот станет рисковать, чтобы высадить меня на запрещенной планете. Только одиночка, такой, как вы. Вам все равно по пути, потеряете пару часов, зато никто не узнает.

– Яго-Яго! – Дрейк не верил своим ушам. – С какой стати тебе ехать на Яго-Яго?

– Полисирианцы готовятся узреть воскрешение главного святого. Мне тоже хочется посмотреть.

– Чушь! – отрезал Дрейк. – Покойник есть покойник, будь он хоть трижды святой или грешник.

На мгновение в карих глазах заплескали золотые искорки.

– Неужели, мистер Дрейк? Как тогда объяснить великий переход через реку Потомак?

– Тут и объяснять нечего, полный бред. Теперь по делу: даже если на Яго-Яго кто-то воскреснет, тебе-то откуда это знать?

– У нас свои источники. Межпланетное сарафанное радио, если хотите... Святой напроорочил, что воскреснет через год, явит себя миру и сойдет к простому люду.

Чтобы выиграть время, Дрейк решил сменить тему.

– Как тебя зовут?

– Аннабель. Святая Аннабель Ли.

– А лет?

– Двадцать три. Умоляю, мистер Дрейк, отвезите меня на Яго-Яго.

– Ты сказала, можешь заплатить. Сколько?

Девушка отвернулась, порывлась под блузкой и протянула Дрейку пояс, набитый банкнотами.

– Здесь две тысячи. Пересчитайте, если не верите.

Натаниэль помотал головой.

– Убери. Хоть двадцать две – я летной лицензией рисковать не буду.

– Но ведь никакого риска! Я не проболтаюсь, честное слово.

Дрейк окинул ее оценивающим взглядом.

– Расплатиться можно и по-другому, не обязательно деньгами.

Гостя и бровью не повела.

– По-другому я тоже согласна.

Было с чего онеметь! Церковь эмансипации не запрещала секс, но от малейшего намека девушки бросались врассыпную. Вспомнив соблазнительное покачивание бедер, Дрейк на миг поддался искушению, но быстро взял себя в руки.

— Нет, не годится. Летная лицензия — мой верный кусок хлеба, боюсь его потерять. — Натаниэль решительно поднялся. — С этой минуты вы арестованы, немедленно возвращайтесь в свои апартаменты — до конца рейса пробудете там.

Широко посаженные карие глаза на секунду потемнели, но золотые всполохи гнева разогнали тьму недоверия. Девушка рванулась за пистолетом на столике. Дрейк легко перехватил ее руку, выпихнул из каюты и поволок в грузовой отсек, расположенный по правому борту. Как и все отсеки на корабле, грузовой запирался шлюзовым замком. Втолкнув святую Аннабель внутрь, Дрейк наладил запорный механизм, чтобы тот открывался только снаружи, и уже собрался уходить, но Аннабель мертвой хваткой вцепилась в его запястье. В карих глазах сквозило отчаяние.

— Умоляю, отвезите меня на Яго-Яго.

Высвободившись, Дрейк шагнул в коридор и захлопнул шлюз.

Час спустя корабль попал в поле лямбда-кси. По крайней мере, Дрейку так показалось. Все, что случилось дальше с ним и со «Скитальцем», полностью совпадало с теоретическим описанием из третьего раздела девятой главы «Справочника пилота» — практического руководства, которое каждый астронавт должен был знать назубок. Переборки «замерцали», искусственную атмосферу «заволокло дымкой», палуба «потеряла плотность». Сам Дрейк почувствовал «болезненное покалывание в нервных окончаниях и головокружение». В следующий миг корабль вместе с ка-

питаном стали прозрачными – «завершающий этап перед полным расщеплением».

Как гласил справочник, из поля лямбда-кси никто не выбирался живым, поэтому все сведения по данному вопросу весьма и весьма условны. Далее пилотов успокаивали, что лямбда-поля встречаются редко и опасность наткнуться на них ничтожна мала. Правда, справочник не упоминал о надписи на стенах. А надпись, тем не менее, была. Сквозь прозрачные переборки и корпус корабля Дрейк различил среди звезд единственное слово: СМЕРТЬ.

Однако смерти не последовало. Полного расщепления – если между ними есть принципиальная разница, – тоже. Призрачный корабль вместе с капитаном продолжили полет.

Дрейк сделал шаг, другой. Палуба поддерживала его, но сквозь прозрачную толщу «Скитальца» отчетливо виднелись звезды, а неподалеку, совсем близко, зеленела планета Яго-Яго. Дрейк поднял руку – плоть просвечивала насквозь. Повесив на стену зеркало, уставился на свои призрачные черты. Смотрел сквозь отражаемые глаза на отражаемую стену. Смотрел сквозь щеки, подбородок. Взгляд свободно проникал под кожу, экипировку. Живая плоть в сочетании с материей скрадывали наготу, хотя прозрачным было все: и летные ботинки, и брюки, и длинная, до середины бедер, куртка.

Однако Дрейк не утратил ощущения целостности. Тело оставалось плотным. Он жил и дышал, а его призрачный корабль уверенно держал курс к дальним берегам Диора. Может, он умер, но мертвым себя не чувствовал. «Я мыслю, следовательно я существую»...

Он вытащил судовой журнал и записал координаты поля. Внезапно, вспомнив о пассажирке, опрометью кинулся в грузовой отсек. Однако замок отпереть не рискнул, иначе

погиб бы на месте. Ибо за прозрачной переборкой раскинулось безвоздушное пространство космоса. Грузовой и прочие отсеки исчезли. Исчез весь правый борт.

А с ним и святая Аннабель Ли.

Дрейк разыскал мадам Джин, но и та превратилась в призрачную копию самой себя, правда своих верных шестидесяти градусов не потеряла. В ходе долгой беседы, затянувшейся до конца полета, Дрейк умолял ее залечить свежую рану на его прежде непогрешимой совести. Мадам упорно отказывалась.

Попутно Дрейк пытался решить две насущные проблемы. Первая – груз. Он, конечно, уцелел, но стал ничем не лучше корабля, точнее, левой половины – правая, судя по всему, попала в центр проклятого поля и расщепилась на атомы. Какая ирония, что судно, способное выдержать ядерную атаку, оказалось поистине беспомощным перед лямбда-кси излучением. Нечего надеяться, что магазин готового платья «Ультрамода» в Новом Париже примет некогда прозрачный, а теперь насквозь просвечивающий шелк. Хуже того, товар был взят в кредит – если компания-кредитор потребует возместить ущерб, корабль наверняка конфискуют, и Дрейку придется проститься с карьерой независимого межгалактического поставщика.

Вторая проблема – призрачность. Легко представить реакцию окружающих, если он сам каждый раз вздрагивает, глядя в зеркало. Можно утешаться тем, что зеркало тоже лишь тень настоящего, но достаточно посмотреть на свои руки, как все сразу встает на свои места.

Раненная совесть ныла, и Дрейк вернулся за штурманский столик к мадам Джин, вооруженный сотней аргументов в свою защиту. Разве он просил Святую Аннабель Ли лезть на корабль? Разве знал, что корабль попадет под удар лямбда-кси? Знал, что правый борт обречен? Нет, нет и еще

раз нет. Однако суровая правда упорно лезла наружу: исполни он просьбу Аннабель высадить ее на Яго-Яго, девушка осталась бы цела и невредима. Заперев пленницу в грузовом отсеке, Дрейк обрек бедняжку на верную смерть.

— Мои руки чисты, — втолковывал он мадам Джин. — Я виноват в ее гибели не больше, чем Пилат в распятии первого Христа.

Мадам безмолвствовала.

— Не моя вина, что она оказалась святой. От этого только хуже — в смысле, от святости.

Мадам по-прежнему молчала.

— Будь она обычная пустышка, которая только и умеет что задницей крутить, сразу бы камень с души, — продолжал Дрейк. — Получается, весь сыр-бор из-за статуса? Полный бред. Вообще, нашли праведницу! Праведницы не ложатся под первого встречного, даже во имя общего блага. Так что ваша Аннабель Ли слова доброго не стоит.⁴

— Не стоила, — поправила мадам Джин.

— Ладно, я убил ее, признаю. Просто из-за святой получается вдвойне паршиво.

— Убийца, — отчеканила мадам.

Натаниэль схватил ее за горло, но через мгновение обнаружил, что сжимает пустую бутылку. От удара по столу стекло разлетелось вдребезги.

— Я не убийца! — завопил Дрейк. — Не убийца!

Первым «Реактивного голландца» заметил пилот мусорной баржи. Собственно, заметил он только корабль, без экипажа, но не суть — создатели легенд грешили неточностью формулировок что с первым «Голландцем», что со вторым. Вдоволь наглядевшись, пилот быстро скинул груз на орбиту и поспешил в порт. Слух разошелся мгновенно — спустя пятнадцать минут, когда Дрейк готовился зайти на посадку, искусственные зеваки наводнили улицы и крыши

Нового Парижа в надежде натерпеться настоящего страха. И ожидания оправдались.

Одно дело пугать тех, кто заранее не подкинул каштанов в костер, и другое – людей предусмотрительных. Не успел «Скиталец» приземлиться на антигравитационные шасси, как у посадочной полосы на полном ходу затормозил автомобиль. Из салона выбрались трое: президент «Ультрамо-ды» Тадеус П. Терринджер, вице-президент Доррел Ньюман и мэр Нового Парижа, имевший солидную долю в модной индустрии, но какую и где не знала даже налоговая. Дрейк решил не томить публику, застегнул антигравитационный пояс, открыл шлюз и спустился в док. Бородатый, нечесаный, и прозрачный как папиросная бумага. Зрители ахнули.

Мостки возвышались над посадочной полосой метра на полтора; глядя на собравшихся сверху вниз, Дрейк вдруг преисполнился уверенности.

– Вот это встреча! Весьма польщен. А где красная дорожка?

Тадеус П. Терринджер первым из троицы обрел дар речи. Высокий толстяк он, как и его спутники, щеголял в новинках из последней коллекции «Ультрамо-ды»: розовый цилиндр, облагающий зеленый костюм из домотканого пуха трипсов и туфли из пластигатора.

– Дрейк, вы пьяны! – выпалил он.

– Никак нет. Меня просто... слегка расщепило.

Терринджер попятился. Другие делегаты тоже.

– Вы попали в поле лямбда-кси?! – воскликнул Ньюман.

– Вроде того, – кивнул Дрейк.

– Чуть! – фыркнул Терринджер. – После лямбда-кси не выживают.

– А разве это жизнь? – возразил Дрейк.

– Груз! Что случилось с грузом? – причитал мэр.

– Если повезет, он согонится на обертку невидимого хлеба. Надевайте пояс и сами убедитесь.

Тем временем к собравшимся присоединился начальник порта.

– Никто не переступит порог корабля, пока его не проверят на радиацию. Дрейк, поднимите посудину на полтора метра. Не знаю, что с вами стряслось, но рисковать я не буду.

– Заодно прихватите образец ткани, – велел Терринджер. – Ничего не случится, если мы поглядим издалека.

Кивнув, Дрейк дернул ручку управления поясом и скрылся в шлюзе. Задав антигравитационному шасси подъем на сто пятьдесят метров, он сунул подмышку рулон шелка и снова спустился в док. Со своего возвышения развернул полотнище, чтобы делегаты, успевшие благоразумно отступить на шаг, смогли как следует рассмотреть товар. Тонкая как паутинка ткань сохранила толику осязаемости благодаря нежнейшему васильковому оттенку – плоду кропотливого труда шелкопрядов с Незабудки. Терринджер глухо застонал. Ему вторили Ньюман и мэр.

– Вся партия такая? – ужаснулся Терринджер.

– До последнего метра, – подтвердил Дрейк.

– Везите ее обратно на Незабудку, – распорядился президент.

Дрейк вытаращил глаза.

– Чего ради? От этого ткань лучше не станет.

– Конечно, нет. Но вдруг шелкопряды сумеют подлатать ее или переработать. Так или иначе, придется заказывать новую. А вы, Дрейк, молитесь, чтобы партию спасли. В противном случае вам предъявят иск – со всеми вытекающими. – Терринджер покосился на покалеченного призрачного «Скитальца», пробитым шаром маячившего наверху. – Вопрос, кто позарится на этот корабль.

Отвернувшись, Терринджер вслед за спутниками уселся в машину, и та умчалась прочь. Дрейк же с отчаянием понял, что протрезвел.

– Может, сперва проверите мой уровень радиации, – попросил он начальника порта. – Хочу пойти в город и хорошенько надраться.

Тот сочувственно хмыкнул.

– Сделаем, мистер Дрейк. Заодно покажем вас доктору.

Начальник не подвел – после проверки, не выявившей у корабля с капитаном ни малейших признаков заражения, Дрейк направился в санчасть, где его потрясенным тоном заверили, что все в полном порядке. Покончив с осмотром, Дрейк завернул в портовый банк, где обменял зыбкие кредитные билеты на более осязаемые банкноты и попутно снял все свои сбережения – целых пятьсот рокфеллеров.

Однако надраться ему не удалось – ни хорошенько, ни вообще. Стоило выйти за пределы порта, как началось. При взгляде на него люди бросались наутек или, хуже того, следовали за ним по пятам. В первой же пивной посетители в страхе разбежались. Во второй бармен наотрез отказался обслуживать. Юная красотка на улице, услышав «привет», грохнулась в обморок, хотя Дрейк успел постричься и побриться в одной из многочисленных автопарикмахерских. Словом, даже приличный вид мало что изменил. Отчаявшись, Дрейк забрел к известному на весь Новый Париж врачу. Проведя уйму обследований, тот долго разглядывал пациента, и наконец спросил:

– Вы, часом, не потомок голландцев?

– Нет, – сухо ответил Дрейк и вышел.

Прикупив десять бутылок джина, страдалец поспешил на корабль. «Скитальца» заправили, пополнили запасы продовольствия, но, естественно, не починили. Показав городу

неприличный жест, Дрейк взмыл под облака, прочь от канализационной орбиты к звездам.

Незабудка

Во времена Натаниэля Дрейка Незабудка кишмя кишела шелкопрядами. В Шелковом городе со всех сторон доносилось заунывное шуршание крохотных тел, прядущих разноцветные коконы в длинных приземистых ангарах, любезно возведенных компанией «Василек инкорпорейтед». Ближе к сумеркам шорох стихал, но с первой звездой возобновлялся, становясь все громче и громче, пока ночь не наполнилась гулом усердных «работников» – розовые, зеленые, синие, желтые, они пряли свою пряжу так, как не умел раньше никто и уже не сумеет впредь, ибо шелкопряды с Незабудки давно мертвы.

Возведем очередной памятник победной поступи человека. Поставим его позади статуи быка. Той, что рядом с синим китом.

Натаниэль Дрейк хорошо знал печальный шелест, поскольку родился на Незабудке и однажды побывал с отцом в легендарном городе-ферме. Сделавшись галактическим коммерсантом, Дрейк часто летал туда в командировки, но та первая поездка навсегда запечатлелась в памяти. Отец занимался разведением многоцветной вайды – ее похождение на шелковицу листья служили основной пищей шелкопрядам – и частенько наведывался в Шелковый город по делам. Как-то раз он взял маленького Натаниэля с собой, провел по бесконечным ангарах в надежде отвлечь сына от тоски по матери, скончавшейся недавно. Под низкими сводами не смолкал заунывный шепоток, радужно переливались и мерцали в полумраке коконы. А в обрабатывающем цеху безжалостно вращались автоматические бобины, и крошечные

тельца одно за другим замертво падали на пол. Терзаемый думами о смерти, юный Натаниэль гадал, почему личинки, вместо того, чтобы бесславно сгинуть в печи, достигают апофеоза, дарованного им по праву рождения, и умирают, так и не познав бессмысленного эгоизма человеческой расы.

Взрослого Натаниэля такие вещи уже мало заботили. Натаниэлю-призраку и вовсе было плевать.

– Привет! – окликнул призрак хорошенькую девушку.

Та с визгом бросилась наутек. Какая-то старушка окинула его испуганным взглядом и отвернулась. Рядовой из налогового управления застыл как вкопанный, в ужасе вытаращив глаза. Дрейк зашагал дальше.

Тем временем на космодроме трое техников из «Василек инкорпорейтед» без энтузиазма исследовали груз на предмет его потенциального восстановления, чтобы потом передать данные высшему руководству для вынесения окончательного вердикта. А пока суд да дело, Дрейку нужно было скоротать пару часов.

Коротать их в питейном заведении призрак не стал. Слишком томила рана в душе. Путешествие с Диора на Незабудку только растравило совесть, боль сделалась невыносимой, а мадам Джин лишь усугубляла мучения.

Раны душевные не чета телесным. На теле лечат следствие, на душе – причину. Уберите повод, и душа перестанет болеть. Правда, сделать это нелегко, но всегда можно умалить причину, тогда рана, хоть и не затянется, но гноить перестанет. Сейчас причина упиралась в святую Аннабель Ли. Если выяснится, что подозрения Дрейка верны, и Аннабель не такая уж праведница, рана наверняка притупится. А уж если эта святая и вовсе окажется не святой, то болеть и будет нечему.

В местном отделении Церкви эмансипации Дрейк спро-

сил с порога, числится ли у них в общине некая Аннабель Ли. Клерк с невыразительным лицом кивнул и направил посетителя в часовню святой Джулии Уорд Хау, что на улице Искупления.

Подобно всем часовням, обитель святой Джулии оказалась скромной деревянной постройкой, длинной и тесной, с перекрещенными над дверью флагами Конфедерации и Союза. Очутившись внутри, Дрейк миновал узкий проход с двумя рядами скамеек и замер перед небольшой кафедрой с грубо сколоченным аналоем. Позади виднелся полог, увенчанный уже знакомыми флагами.

Наконец занавеси раздвинулись, и на кафедру ступил высокий мужчина с худым, изборожденным морщинами лицом и серыми безмятежными глазами.

— Святой Эндрю к вашим услугам... — начал сероглазый, но испуганно смолк.

— Я Натаниэль Дрейк, капитан «Ночного скитальца». Пришел насчет святой Аннабель Ли.

Ужас на морщинистом лице сменился пониманием... и облегчением.

— Хвала небесам, вы здесь, мистер Дрейк. Я только что вернулся из порта, хотел застать вас там, но не успел. Я хотел спросить про Аннабель. С ней все в порядке? Вы отвезли ее на Яго-Яго? С тех пор, как я узнал о случившемся с вашим кораблем несчастье, места себе не нахожу.

— У меня плохие новости. Святая Аннабель мертва.

Тихий ропот шелкопрядов наполнил зал. Опрятная серо-голубая униформа вдруг повисла на святом Эндрю мешком.

— Мертва? Умоляю, скажите, что это неправда.

— К сожалению, правда. Если хотите, могу рассказать, как все случилось.

Рассказ не занял много времени.

– Как видите, моей вины тут нет, – заключил Дрейк. – Высадить ее на Яго-Яго я не мог, иначе лишился бы летной лицензии, а это мой хлеб. Нельзя требовать от человека рисковать всем – это несправедливо. Нужно было поговорить со мной прежде, чем лезть в грузовой отсек. Или вы станете обвинять меня в случившемся?

– Разумеется, нет, мистер Дрейк. – Святой Эндрю вытер катившуюся по щеке слезу и ровным голосом продолжил: – Она поступила по-своему, вопреки моим советам. Информация о воскрешении святого была по меньшей мере сомнительной, и я категорически возражал против ее затеи проникнуть на корабль, но Аннабель всегда была упрямой – что, конечно, не умаляет горечь от ее смерти.

– Выходит, до праведницы ей далеко? – с надеждой спросил Дрейк.

– Напротив! – горячо возразил святой Эндрю. – Редко можно встретить человека отзывчивей и добрее. Самый преданный и самоотверженный солдат из всех, что я видел за все время службы в армии эмансипации. Ее гибель – огромная, невосполнимая потеря, мистер Дрейк.

Натаниэль отвел глаза и вдруг почувствовал страшную усталость.

– Можно присесть?

– Конечно, мистер Дрейк.

Натаниэль опустил на ближайшую скамью.

– Аннабель местная?

– Нет, она родилась среди виноградников Лазури, в деревушке под названием Мирный край. – Святой Эндрю тяжело вздохнул. – Помню, как увидел ее в первый раз. Такую худенькую, бледную. А взгляд – в нем застыла поистине нечеловеческая мука. Однажды утром она забрела ко мне в часовню, упала перед аналоем и простонала: «Хочу умереть». Я спустился с кафедры, помог бедняжке встать и ска-

зал: «Нет, дитя, ты хочешь не умереть, а служить на защите веры, именно она привела тебя сюда». Тогда Аннабель подняла взгляд, поразивший меня до глубины души. Минуло два года, и страдание в ее глазах притупилось, но какая-то часть осталась с ней навсегда.

Помолчав, святой Эндрю продолжил:

– Было в ней нечто особенное, чего не передать словами. Походка, голос. Особенно ярко оно проявлялось, когда Аннабель проповедовала с кафедры. Желаете послушать, мистер Дрейк? У меня есть ее записи.

– Эээ... конечно, – промямлил Натаниэль.

Развернувшись, Эндрю скрылся за пологом, но через мгновение вернулся и водрузил на аналой древний магнитофон.

– Кассету выбрал наугад. – Он нажал кнопку воспроизведения. – Слушайте.

Вскоре заунывное нашептывание шелкопрядов заглушил чарующий проникновенный голос. Сидя в полумраке часовни, Дрейк отчетливо представлял, как Аннабель возвышается над алтарем: строгая серо-голубая униформа не способна скрыть пышную грудь и соблазнительные изгибы бедер; вибрирующие, прекрасные в своей чистоте интонации наполняют зал.

– Сегодня я поведаю о великом переходе через реку Потомак, о странствиях святого духа по земле и о том, как Его каменный лик восстал из руин храма, где Он провел в безмолвных думках без малого семьдесят семь лет, чтобы, возродившись, пересечь кроваво-красное море и разбиться вдребезги на песчаном берегу. Вам возразят: «Чепуха, статую перетаскивали фанатики, жаждущие увековечить своего кумира». Вас будут пичкать псевдо-научными данными, убеждать, что Планета мира над Его головой, которая спустилась и поглотила Его дух, чтобы унести прочь –

всего лишь плод воображения очевидцев. Вам еще и не такое скажут эти приземленные циники, не допускающие, что человек способен обрести бессмертие, а камень может ожить. Им не понять, ведь этот добрейший человек был самым сильным, благороднейшим и величайшим из людей, настоящий гигант, чья поступь по сей день отдается в наших сердцах. Так пусть же знают, пусть же молва разлетится по свету, ибо я верую: верую в ожившую статую, верую, что величайший из людей восстал из руин попорченного храма, дабы явиться на землю. Его громадная тень накрыла собой все вокруг, глаза горели праведным огнем, голос заглушал падающие бомбы, суровый взгляд остужал пылающие адским пламенем небеса, твердь дрожала под Его ногами, пока Он шел через Потомак к морю. И сказал Он: «Узрите воскрешение мое. Узрите же меня, жители Земли, ибо я явился избавить вас от рабского страха, призвав из глубин космоса Планету мира, которая вознесет мой дух к звездам. Земляне, обрекаю вас на мир, но предупреждаю: не забывайте тот страшный день, когда вы прогнали с порога Доброту и впустили в свои дома Смерть». Истинно говорю, так сказал Он, ступая через Потомак к морю под яркими вспышками бомб; и Планета мира сияла над Его головой. А те, кто не верит в странствия Его по земле и вознесение к звездам, – суть мертвецы без надежды, любви и сострадания, без доброты, человеческого тепла и жалости, без боли и радости, без дыхания жизни. Аминь.

Грустное нашептывание червей вновь проникло в комнату. Дрейк машинально склонил голову, но тут же выпрямился, встретив недоуменный взгляд святого Эндрю.

– Вы сообщили ее семье, мистер Дрейк?

– Нет, только вам и больше никому.

– Хорошо, я немедленно свяжусь с ними и сам все расскажу.

Святой перемотал пленку, вытащил кассету и собирался сунуть к себе в карман, но Дрейк порывистым движением остановил его.

– Погодите, – воскликнул он, вставая.

Во взгляде Эндрю по-прежнему сквозило недоумение.

– Да?

– Пожалуйста, продайте мне пленку. Плачу любую цену.

Святой Эндрю спустился с кафедры и протянул кассету капитану-призраку.

– Примите как дар. Уверен, Аннабель бы этого хотела.

Повисла короткая пауза, потом Эндрю нарушил молчание:

– Простите, вы верующий?

– Нет, – ответил Дрейк, пряча кассету. – Нет, конечно, я верю, что великая война тысяча девятьсот девяносто девятого закончилась в первый же день, но не верю в «суровый взгляд», уничтоживший вражеские боеголовки. Скорее всего, снаряды попали под излучение поля лямбда-кси, которое невесть как «снялось с якоря» и расщепило их – почти как меня.

– Занятная теория, но согласитесь, божественного промысла в ней не меньше, чем в переходе через Потомак.

– Отнюдь. В таких вещах рука провидения чудится только потому, что мы меряем макрокосм со своей микроскопической колокольни. Ладно, мне пора. Уверен, большие шишки из «Василька» уже решили, как быть с испорченным грузом. Спасибо вам за пленку, и за хлопоты.

– Нет, вам спасибо, что принесли вести о святой Аннабель. Пусть даже дурные. Всего доброго.

– Прощайте, – ответил Дрейк и скрылся за дверью.

Офисы «Василек инкорпорейтед» поражали количеством и великолепием, а само здание корпорации занимало

почти целый акр. Шелест шелкопрядов не проникал сквозь звуконепроницаемые перегородки, а может его заглушал мерный гул кондиционеров.

– Сюда, мистер Дрейк, – пролепетала насмерть перепуганная секретарша. – Мистер Помптон вас ждет.

При виде вошедшего вице-президент «Василька» вздрогнул, но Дрейку было уже не привыкать – он и бровью не повел.

– Какие новости, мистер Помптон?

– Боюсь, не самые приятные. Присаживайтесь.

Дрейк плюхнулся в кресло.

– Неужели вы забраковали груз?

– И мы, и «Ультрамода». Восстановлению он точно не подлежит. Единственный вариант – попробуйте сбывать его на какой-нибудь отсталой планете. В этой связи «Василек инкорпорейтед» готов предоставить вам полугодовую отсрочку платежа.

– За полгода я вряд ли я успею сбывать тысячу рулонов невидимого шелка, – заметил Дрейк.

– С нашей стороны это очень благородный жест. Но если вы отказываетесь...

– Ну почему же, рискну, – перебил Помптона Дрейк. – Какую планету посоветуете?

– Их масса. Мари-Элена, Одуванчик, Солнышко, Жуть...

– Лазурь подойдет?

– В принципе да. Думаю, там будет спрос. Население в основной массе крестьяне, наверняка их заинтересуют отрезы туманной дымки и васильковое нечто.

– Прекрасно, – объявил Дрейк, вставая. – Тогда мне лучше поспешить.

– Минуточку, – остановил его Помптон. – Позвольте дать вам совет касательно внешнего вида.

– Какой еще совет? – нахмурился Дрейк. – Тут все равно ничего не поделать.

– Напротив. Во-первых, надо купить новую, нормальную одежду. Во-вторых, перчатки. В-третьих, специальную резиновую маску телесного цвета, которая обозначит черты лица. Короче, нужно перестать пугать народ и преобразиться в почтенного галактического коммивояжера.

Дрейк замялся.

– Боюсь, не получится.

– Не получится? Почему?

На ум пришло слово «епитимья», но вслух Дрейк ограничился банальным «не знаю».

– Еще минутку, – окликнул Помптон, видя, что гость подходит к дверям. – Позвольте задать последний вопрос.

– Валяйте.

Вице-президент «Василька» откашлялся:

– Вы, часом, не потомок голландцев?

– Нет, – буркнул Дрейк и отвернулся.

Лазурь

Если хотите представить Лазурь, вообразите гроздь винограда. Скопление кобальтовых ягодок, неотличимых среди множества себе подобных. Гроздь свисает с лозы, обрамленной листьями в форме сердца; неотличимые друг от друга, лозы переплетаются в ряд, а множественные ряды образуют виноградник. Представили? Представили ровные линии виноградников, уходящие вдаль, а между ними – белые домики под красной крышей? Зеленеющие поля среди голубого пунктира рек и сверкающего зигзага мелких водоемов? Представили голубые глаза озер, глядящие в синее небо, где ослепительно сияет Большой Сириус и теплится Малый? Теперь вообразите людей, возделывающих поля и

виноградники; деревья и ватагу ребятни под ними; вообразите, как на заднем дворе хозяйшкы выбивают домотканые половики всех цветов радуги; вообразите почти игрушечные поезда, что мчатся по антигравитационному полотну из поселка в поселок, из города в город, связывая живописные уголки с космопортом Искристое вино. Наконец представьте узкую проселочную дорогу, петляющую среди виноградников, и путника на ней. Точнее, не путника. Призрака. Высокого, изможденного в светящемся наряде астронавта. Призрака по имени Натаниэль Дрейк.

Натаниэль проехал много миль на поезде, посетил множество городов, побеседовал с массой торговцев, но везде наткнулся на решительный отказ. В последнем городке история повторилась; Дрейк отчетливо понимал, что не найдет покупателя – понимал и упорно продолжал свой путь, движимый иной, тайной целью.

Но вот впереди замаячил нужный дом. Он стоял на отшибе. Здесь она выросла. По этой дороге ходила в школу. Брела меж зеленых виноградников под ослепительно голубым небом. Здесь когда-то она и согрешила.

С виду дом не отличался от остальных – белый, с красной черепичной крышей. В палисаднике цвело буйным цветом дерево любви. Близилась осень, скоро цветы опадут. Уже наступила пора сбора винограда. А она? Наверное тоже обрывала спелые гроздья, ступая среди буйной зелени с корзиной, полной кобальтовых ягод. Потом возвращалась в беленький домик и, умывшись ледяной водой из старого колодца, садилась за трапезу. А поздно вечером выходила во двор и в сгущающихся сумерках ждала своего возлюбленного...

С бешено колотящимся сердцем Дрейк свернул на тропинку, ведущую к крыльцу. Святой Эндрю наверняка ошибался, превознося непорочность Аннабель Ли. Дверь от-

крыла девушка. Гиацинтовые волосы, голубые глаза, тонкие черты лица. Свободное желтое платье скрадывало выпирающий живот. При виде Дрейка она вздрогнула, попятилась.

– Я насчет Аннабель Ли, – зататорил он. – Святой Эндрю с вами связывался? По крайней мере, он обещал. Меня зовут Натаниэль Дрейк.

Гримаса страха мгновенно исчезла.

– Да, нам уже сообщили. Прошу, мистер Дрейк, входите. Я – Пенелопа Ли, невестка Аннабель.

Переступив порог, Дрейк попал в комнату, по-провинциальному уютную. У большого каменного камина – длинный деревянный стол, несколько обитых мягкой тканью кресел, скамейки, на полу переливается радужным спектром домотканый ковер. Над каминной полкой – огромное полотно, изображающее великий переход через Потомак. Мраморная статуя Освободителя, и без того внушительная, с веками приобрела в сознании людей поистине колоссальные размеры. Художники всегда отражают общепринятое мнение, и тот, кто рисовал «Великий переход» не стал исключением. На фоне исполинской фигуры, шагающей вдоль берега, река Потомак казалась крохотным ручейком, дома напоминали спичечные коробки, а деревья – травинки. Серое лицо гиганта обрамляли звезды, в их черед поблескивали «кометы», «големы» и шаттлы Т-4А, спешащие обратно в атмосферу, мерцали габаритные огни истребителей. Крово-красным пятнышком вдалеке виднелось море, а на заднем плане в адском зареве погребального костра вставляли разрушенные колонны мемориала Вашингтона. Высоко над истерзанной землей сияла бледным светом Планета мира.

– Присаживайтесь, мистер Дрейк, – пригласила Пенелопа. – Родители Аннабель на сборе винограда, но скоро вернуться.

Дрейк уселся в мягкое кресло.

– Они, наверное, меня ненавидят.

– Конечно, нет. Ни у кого нет к вам ненависти.

– Но ведь смерть Аннабель на моей совести. Согласись я посадить ее на Яго-Яго, она осталась бы жива. Но я слишком дорожил летной лицензией и чересчур переживал за свой кусок хлеба.

Пенелопа опустилась в кресло напротив и вся подалась вперед, ее голубые глаза смотрели на гостя в упор.

– Не нужно оправдываться, мистер Дрейк. По крайней мере, передо мной. Мой муж работает мастером на Суэцком канале, лицензия для него все. Он так долго ее добивался и ни за что не станет ею рисковать. К слову, я тоже.

– Значит, вы замужем за братом Аннабель? А где он сейчас? Дома?

– Нет, в гавани. Пытаются устранить «протечку». Хотя пытаются – сильно сказано. Протечку еще не нашли. Известно лишь, что она с наружной стороны Канала. На самом деле, проблема серьезная, мистер Дрейк. Куда серьезней, чем говорят власти. С утечкой никто толком не сталкивался, как ее латать, непонятно. Ральф сказал, если вовремя не принять меры, баланс континуума может нарушиться.

Однако Дрейк явился в Мирный край не за тем, чтобы слушать лекцию про дыру в Канале.

– Вы хорошо знали свою золовку, миссис Ли?

– По идее, да. Мы вместе росли, учились в одной школе, были лучшими подругами. Теоретически, кому как не мне ее знать.

– Расскажите мне о ней, – попросил Дрейк.

– Довольно замкнутая, но при этом всеобщая любимица. Аннабель отлично училась по всем предметам, кроме античной литературы. Говорила мало, но если уж говорила,

народ слушал, затаив дыхание. Было в ее голосе нечто особенное...

– Это я в курсе, – перебил Дрейк.

– Теоретически я знала ее хорошо, но на практике выяснилось, что не совсем. Но по-настоящему Аннабель не знал никто. Ее побег стал ударом для всех – особенно для Эстевана Форсона.

– Эстеван Форсон? Он кто?

– Наш сосед, уроженец Полисириуса. Они с Аннабель планировали пожениться, но Аннабель вдруг сбежала. Целый год ни известий, ни писем, а из жизни Эстевана она пропала окончательно, даже не попрощалась, что совсем не в ее характере. По-моему, он так и не сумел ее забыть, хотя недавно женился. Впрочем, нас больше всего поразило решение Аннабель принять сан. Набожностью она никогда не отличалась, хотя, может, просто тщательно скрывала.

– Сколько ей было на момент побега?

– Почти двадцать. Помню, за день до этого мы устраивали пикник. Мы с Ральфом, и Аннабель с Эстефаном. Если у нее и было что-то на уме, виду она не показала. Мы брали с собой стерео-камеру, фотографировались. Аннабель еще попросила снять ее на холме. Кадр получился бесподобный. Хотите взглянуть?

Не дожидаясь ответа, Пенелопа вышла из гостиной и вскоре вернулась с маленьким стерео-снимком. Дрейк впился в него глазами. Аннабель стояла на высоком холме, ее силуэт отчетливо вырисовывался на фоне ярко-лазурного неба. Короткое, до колен алое платье подчеркивало соблазнительные бедра и открывало красивые ноги. Наряд позволял рассмотреть тонкую талию и пропорциональную, почти безупречную фигуру – все то, что так тщательно скрывала церковная униформа. Выгоревшие от весеннего солнца волосы отливали золотом, кожу Аннабель покрывал ровный загар.

Внизу простирались цветущие виноградники; девушка на вершине горы тоже словно цвела, созревала под палящими лучами, готовясь к грядущей жатве.

В горле у Дрейка встал комок. В глазах немим отчаянием читалось: «Зачем вы травите мне душу?», но вслух Натаниэль сказал совсем другое:

– Можно забрать снимок?

На лице Пенелопы отразилось удивление, не замедлившее сказаться на голосе:

– Э-э-э... конечно, забирайте. Я еще сделаю... А вы хорошо ее знали, мистер Дрейк?

Натаниэль сунул стерео-карточку в нагрудный карман – теперь она прямоугольником темнела на сердце.

– Нет, – выдавил призрак. – Боюсь, совсем не знал.

Родители Аннабель вернулись затемно. Мать, крупная, розовощекая, была по-своему хороша, но совершенно не походила на дочь – та, вне сомнения, унаследовала внешность отца. Те же тонкие черты, линия скул, подбородок, высокий лоб, те же карие глаза. Встретившись с ними, Дрейк торопливо отвел взгляд.

Однако от предложенного ужина не отказался, хотя умом понимал, что ловить здесь нечего. Существой у Аннабель постыдные тайны, семья не проливала на них свет. Оставалась надежда на Эстевана Форсона.

Сразу после ужина Дрейк откланялся и, поблагодарив хозяев за гостеприимство, поспешил на улицу. Дом Форсона оказался точной копией соседского. Позади, с боков и вдоль дорожки зеленели виноградники, от запаха спелых ягод к горлу подкатывала тошнота. Поднявшись на крыльцо, Дрейк немного постоял в искусственном свете, любуясь из кухонного окна, и осторожно постучал. В коридор вышел высокий юноша в васьковых брюках и алой крестьянской блузе. Темно-русые волосы, серые глаза, пол-

ные губы. Только кирпичный цвет кожи выдавал его истинное происхождение – цвет кожи и еще непоколебимое спокойствие, с которым он распахнул дверь.

– Чем могу помочь?

– Эстеван Форсон?

Юноша кивнул.

– Я по поводу Аннабель Ли. На моем корабле с ней...

– Знаю, – перебил Эстеван. – Пенелопа мне сказала. Вы, наверное, Натаниэль Дрейк?

– Да, и мне очень...

– Откуда такой интерес к покойнице? – снова перебил Эстеван.

На секунду Дрейк растерялся.

– Она... ее смерть на моей совести.

– И? Считаете, расспросы помогут снять груз с души?

– Да, надеюсь. Пожалуйста, расскажите мне о ней.

Эстеван вздохнул.

– Если честно, сомневаюсь, что знал ее, но скудными знаниями, так и быть, поделюсь. Только поговорим по дороге – не хочу, чтобы жена слышала.

– Я беседовал с ее духовным наставником, – признался Дрейк. – Он очень высоко отзывался о ней.

– Неудивительно. – Эстеван свернул в виноградник и зашагал по залитой звездным светом тропинке.

Разочарованный Дрейк двинулся следом. Неужели Аннабель и впрямь безгрешна? Похоже на то.

Какое-то время спутники шли молча. Наконец Эстеван заговорил:

– Хочу показать вам одно место. Аннабель часто бывала здесь.

Миновав густые заросли, мужчины поднялись на холм. На вершине Эстеван остановился. Внизу, у подножия, поблескивало лесное озеро.

– Она любила купаться голышом при свете звезд. Я часто наблюдал за ней... тайком. Идемте.

Приободрившись, Дрейк поспешил за Эстеваном. Вдвоем они спустились на поросший деревьями берег и замерли у кромки воды. Натаниэль попробовал ее рукой. Холодная, как лед.

Его внимание привлек кусок гранита. Природа придала ему форму скамьи, а чья-то умелая рука довершила начатое.

– Моя работа, – раздался за спиной голос Эстевана. – Присядем?

– Никак не могу представить ее здесь, – сообщил Дрейк, опускаясь на скамью. – Святые у меня ассоциируются с гулкими коридорами и тесными комнатухами, а в этом месте чудится что-то языческое.

Эстеван как будто не слышал.

– Мы часто убегали сюда в обеденный перерыв. Сидели, перекусывали, болтали. Мы очень любили друг друга, по крайней мере, все так думали. Я любил точно. А вот она – не знаю.

– Наверное, любила. Вы ведь собирались пожениться, – заметил Дрейк.

– Да, собирались. – После короткой паузы Эстеван продолжал: – Вряд ли Аннабель испытывала ко мне чувства. Думаю, она боялась любить. Боялась в принципе. В свое время у меня сердце разрывалось при одной только мысли об этом, но теперь все в прошлом. Я женился, жену люблю всей душой. Аннабель Ли – отголосок минувшего, которое ушло безвозвратно. Меня больше не ранят воспоминания о тех далеких днях, когда мы были вместе. Помню, как мы трудились на виноградниках, ухаживали за лозами. Помню, как собирали урожай. Помню Аннабель в лучах полуденного солнца с корзиной спелых ягод. Помню, как однажды

попали под ливень, как бежали по тропинке насквозь мокрые, как развели костер в сарае, чтобы обсушиться. Помню, как Аннабель склонилась к огню, потемневшие от влаги волосы отливали медью, помню, как капли исчезали одна за другой. Помню, как схватил ее в объятия и поцеловал, а она вырвалась и бросилась бежать, а дождь все лил... Я не побежал следом, потому что знал – будет только хуже. Раздавленный, жалкий, я остался у огня, а когда ливень стих, вернулся домой. Вопреки ожиданиям, Аннабель и не думала сердиться. Вела себя так, словно ничего не произошло. Тем же вечером я сделал ей предложение и ушам своим не поверил, когда она ответила «да». Как видите, воспоминания меня уже не ранят... По природе своей чуждая страсти, Аннабель не признавала ее в других. В поступках она старалась подражать обычным людям, но у всякого подражания есть предел – как только он вышел, Аннабель сбежала.

Дрейк нахмурился, памятуя о кассете, подаренной святым Эндрю, и о фотографии, лежавшей в нагрудном кармане. Две уже известные ему стороны Аннабель никак не гармонировали с новоявленной третьей.

– Скажите, – обратился он к Эстевану, – вы не пытались ее вернуть?

– Нет, а вот ее родня – очень даже. Поймите, когда человек бежит от любви, догонять его нет смысла – получится вечная гонка. – Юноша поднялся. – Мне пора домой, жена наверно волнуется. Да и рассказывать больше нечего.

Он не спеша двинулся прочь. Дрейк не отставал, терзаемый горьким разочарованием. Попытка развенчать, скомпрометировать погибшую провалилась и вдобавок возымела обратный эффект. Пусть образ новой Аннабель никак не вяжется с предыдущими, но святости он точно не противоречит, как, собственно, и первые два. Девчушку на холме от праведницы отделяла огромная пропасть, но кто сказал,

что ее нельзя преодолеть. За два года пламенеющий весенний костер легко мог превратиться в тлеющие угли осени...

Стоп! Два года?

Столько она прослужила под началом святого Эндрю. Но ведь ей двадцать три – сама говорила в кабине «Ночного скитальца».

Окрыленный, Дрейк потянул Эстевана за рукав.

– Сколько ей было на момент побега? Сколько полных лет?

– Через два месяца стукнуло бы двадцать.

– А кто-нибудь справлялся в космопорте? Она точно улетела на Незабудку?

– Мы как-то не подумали. Ни нам, ни полиции даже в голову не пришло, что Аннабель покинула пределы Лазури.

Выходит, она могла отправиться куда угодно, отметил про себя Дрейк, а вслух добавил:

– Спасибо вам за хлопоты, Эстеван. До свиданья.

Антигравитационный состав доставил его в Искристое вино. Служащие космопорта поначалу наотрез отказывались предоставить сведения неуполномоченному лицу, однако взятка сделала их более сговорчивыми. Расставшись с частью своего стремительно таящего капитала (на Незабудке Дрейк снял последнюю заначку), Натаниэль получил длинный список пассажиров и мгновенно отыскал нужную запись трехлетней давности.

9 мая 3663 года: Аннабель Ли, выехала третьим классом «Трансгалактических линий» на Благую Потерю, время отправления – 19:01 по Гринвичу.

Дрейк понял, что впереди забрезжила надежда. На Благой Потере отродясь не было церковных миссий. Туда стекались грешники, а не святые.

Пару часов спустя Лазурь кобальтовым пятнышком растаяла в стекле иллюминатора.

В каюте «Скитальца», на своем обычном месте, восседала мадам Джин, однако присоединиться к ней Дрейк не спешил, памятуя о категорическом нежелании мадам врачевать рану. Но, как ни крути, верная спутница, без нее никуда. Тогда почему сразу не припасть к заветной влаге и не затуманить рассудок пьяной философией?

Пожав плечами, Дрейк отвернулся. Прислонил подаренный Пенелопой снимок к ножке настольной лампы, потом поставил кассету с проповедью в проигрыватель и нажал кнопку автоматического повтора. Покончив с приготовлениями, устроился рядом с мадам Джин и, не обращая на нее внимания, сосредоточил взгляд на девушке с холма. Из динамиков полилось:

— Сегодня я поведаю о великом переходе через реку Потомак, о странствиях святого духа по земле, о том, как Его каменный лик восстал из руин храма, где Он провел в безмолвных думках без малого семьдесят семь лет, чтобы, возродившись, пересечь кроваво-красное море...

Благая Потеря

Благая Потеря так же, как и Лазурь, относится к внутренним планетам бескрайней системы Сириуса, однако заметно отличается от нее, а во времена Дрейка отличалась и подавно.

До экономического расцвета соседней Звезды, Потеря являла собой шикарный курорт. Теперь некогда роскошные отели и пансионаты превратились в руины, а знаменитые песчаные пляжи погребены под горами мусора, дохлой рыбы и гниющих водорослей. Вопреки этому планета не умерла — напротив. Даже под самым трухлявым бревном кипит бурная жизнь, и прогнившая насквозь Благая весть не стала исключением.

Приземлившись в космопорте Райских Куш, Натаниэль Дрейк отправился в свой иконоборческий путь. К несчастью, след Аннабель Ли оборвался, не успев появиться. Сутки она провела в отеле «Зимородок» и выписалась, не оставив нового адреса.

Ничуть не обескураженный, Дрейк вернулся в порт. Очередная порция стремительно таящих средств сделала свое дело, и вскоре он листал журнал вылетов. Взгляд мгновенно отыскал нужную запись:

26 июня 3664 года: Аннабель Ли выехала первым классом «Трансгалактических линий» на Незабудку, время отправления – 6:19 по Гринвичу.

Аналог земного, галактическое время хотя и применялось для учета важных дат, например возраста, но по факту редко совпадало с местным, создавая немалую путаницу. Впрочем, теперь Дрейк точно знал, что Аннабель покинула планету пару лет назад, проводя на ней около года.

И судя по первому классу, она не сидела сложа руки.

Целый год в Куцах? Надо выяснить.

Когда усилия ни к чему не привели, Дрейк снял фотокопию с карточки, подаренной ему Пенелопой, и попросил главного редактора крупнейшей станции тривидения дать объявление в рубрику о поиске пропавших людей: пятьдесят кредитов за любую информацию о девушке со снимка. После этого Дрейк затворился в номере «Зимородка» и стал ждать звонка видеофона.

Шли дни, видеофон не звонил, но однажды в дверь номера постучали. Распахнув створку, Дрейк увидел старика в лохмотьях. В ужасе оборванец попятился, с лица исчезли последние краски; он повернулся, готовый броситься наутек, но Дрейк схватил его за рукав.

– Плевать, как я выгляжу. Мои деньги от этого не стали хуже. Если есть информация, выкладывай – и получишь

награду.

Старик воспрянул духом.

– Понял, мистер. Сейчас – Порывшись в кармане грязного пальто, оборванец достал сложенный во много раз бумажный прямоугольник. Скрытые пальцы бережно развернули лист, размерами не уступавший карте мира. Бумага оказалась стерео-афишей с изображением в полный рост девушки – той самой девушки с холма.

Только сейчас на ней было не красное платье, а мини-трусики, туфли – и больше ничего.

Дрейк затаил дыхание.

Надпись внизу гласила: «Сегодня в стриптиз-клубе «Фараон Тутанхамон» для вас танцует Длинноногая Мэри».

– Где ты это взял? – резко спросил Дрейк.

– Украл. Сорвал потихоньку с рекламного щита. С тех пор не расстаюсь.

– Ты смотрел... само шоу?

– О да! Потрясающее зрелище, скажу я вам. Что вытворяет!... Такого еще...

– Когда это было? – оборвал старика Дрейк.

– Два-три года назад. Давно. Вы ведь ее ищете? Я сразу понял, как только увидел объявление. Имя, правда, другое, но девушка та. Вам бы посмотреть на нее в деле, мистер. Такое...

– Где этот «Тутанхамон»? – снова перебил Дрейк.

– В Сторивилле. Говорю вам, такого...

– Заткнись! – рявкнул Дрейк. Отсчитал пятьдесят кредитов и вручил их старику.

Однако тот не спешил уходить.

– Вы, случаем, не Реактивный голландец?

– Допустим. Что дальше?

– Ничего. Просто не похожи вы на голландца.

– Точно, – буркнул Дрейк и хлопнул дверью.

Поезда на Благой Потере свои убожеством были под стать городам. Дрейк сутки трясся в вагоне, но так и не сомкнул глаз. К концу поездки он совсем утратил человеческий облик и как никогда походил на призрака.

На перроне его по обыкновению встречали косыми взглядами и возгласами страха. Не обращая на них внимания, Дрейк направился в центр. Высокий, изможденный, угрюмый, он всматривался в мрачные фасады по обе стороны дороги и наконец нашел нужную неоновую вывеску.

За ним по пятам бежала стайка малолетних бандитов с криками: «Глядите, Реактивный голландец! Реактивный голландец».

Дрейк обернулся и зыркнул так, что ребяшня бросилась наутек.

Снаружи «Тутанхамон» производил удручающее впечатление, хотя кое-где сохранились следы былой роскоши. Внутри царил крошечный мрак, до бара пришлось добираться буквально на ощупь. После яркого полуденного света глаз не сразу различил в темноте батареи стаканов и бутылок, пару-тройку посетителей с серыми лицами, бармена, похабные картины на стенах.

Тем временем малолетние бандиты сгрудились у входа и дружно скандировали: «Реактивный голландец! Реактивный голландец!». К Дрейку подошел толстяк-бармен с оливковой кожей и копной седых волос.

— Чего изволите, сэр? — прозаикался он.

Дрейк внимательно осмотрел фривольные картинки, пытаясь узнать на них Аннабель. Не найдя ее, снова повернулся к бармену.

— Вы хозяин?

— Фараон Тутанхамон к вашим услугам. Меня так и зовут — Фараон.

— Расскажите про Аннабель Ли.

– Аннабель Ли? Впервые слышу.

– Тогда расскажите про Длинноногую Мэри.

Толстяк мгновенно просветлел.

– Про Мэри? Да сколько угодно! Только сперва скажите, как она? Жива-здоровая?

– Она мертва. Я ее убил, – отрезал Дрейк.

Пухлая физиономия бармена сразу как будто съежилась, блеклые глазки полыхнули недобрый огнем. Но через мгновение лицо разгладилось, огонь потух.

– Может, она и мертва, но вы ее не убивали. Длинноногую Мэри нельзя убить, как нельзя убить солнце, звезды и луну. Никому такое не под силу, да и рука не поднимется – то же самое с Мэри.

– Я убил ее не нарочно, – откликнулся Дрейк и поведал бармену о том, как запер Аннабель в грузовом отсеке и тем самым обрек на смерть, когда «Ночной скиталец» попал в поле лямбда-кси. – Если бы не мой эгоизм, она осталась бы жива, – заключил он.

Фараон сочувственно глянул на гостя.

– Взяли грех на душу, а теперь гоняетесь за призраком.

– Гоняюсь, чтобы найти и уничтожить.

Фараон с грустью покачал головой.

– Искать и найти можно, но уничтожить – никогда. Оно само уничтожит вас, Дрейк. Поэтому охотно помогу вашим поискам. Идите.

Отдав распоряжения в интерком, стоявший под стойкой, толстяк повел гостя по винтовой лестнице вниз. Они оказались в просторном зале, с их появлением вспыхнули прожилки лампочек под потолком. Ряды мягких кресел тянулись вдоль узких подмостков, упирающихся в сцену с бархатным занавесом. Справа стоял хромированный рояль.

– Начать лучше отсюда – здесь она танцевала, – сказал Фараон. – У нас будут лучшие места.

Дрейк последовал за толстяком к нише, где сцена соединялась с подмостками. Хозяин усадил гостя поближе к сцене, сам устроился рядом и, откинувшись на спинку кресла, заговорил:

– Пожалуй, начнем. Три галактических года назад она явилась в мое заведение. Туристов на Благой Потере тогда хватало, и деньги текли ко мне рекой. В тот день в баре было многолюдно, но она сразу бросилась в глаза – худая, бледная, замученная. Села за столик у двери. Я быстро подошел, предложил вина, по себя зная о целебных свойствах винограда, но она лишь покачала головой и сказала: «Мне нужна работа». «А что ты умеешь?» – спросил я. «Раздеваться. Этого достаточно?» Присмотревшись, я мысленно согласился, но предупредил – работа непростая, требует навыков. «Пусть девочки научат меня азам, а дальше я сама», – последовал ответ. «Как тебя зовут?» «Длинноногая Мэри. Такое имя устроит? Кстати, оплата наличными». Не колеблясь, я нанял ее. Азы она так и не постигла, но прекрасно обходилась без них. На первое выступление собралось всего с десяток мужчин. На второе – два десятка. На третье в зале было не протолкнуться, и еще снаружи стояла очередь. Некоторые девушки танцуют одной походкой. Мэри была из их числа. Поэзия тела – Мэри владела ею сполна, но, по-моему, основную массу мужчин притягивали ноги. Впрочем, судите сами. Аккомпанировал я.

Подавшись вперед, Фараон открыл небольшой щиток прямо под авансценой и нажал святающиеся кнопки. Свет мгновенно погас, бархатный занавес поднялся, открыв большой стерео-экран. Следом появилось изображение Длинноногой Мэри – Аннабель Ли. Картинка двигалась как живая, создавая иллюзию полного присутствия. Комнату наполнил аромат виноградников с Лазури.

У Дрейка перехватило дыхание. На Аннабель красовался

стандартный стриптизерский наряд, который снимают предмет за предметом. С первым же шагом она избавилась от первой детали гардероба. Потом последовало еще три. Ступив на подмостки, сняла пятую.

– Ее коронный стиль, – шепнул Фараон. – Сколько раз объяснял: не торопись, подразни публику – но какой там! И слышать не желала, словно хотела раздеться побыстрее.

Дрейк пропустил слова мимо ушей.

Мэри вышагивала по подмосткам, очередная деталь туалета промелькнула и скрылась из виду, выставив на всеобщее обозрение грудь. На заднем плане заиграла музыка: нонаккорды и ундецимы. Лицо девушки сияло. Глаза закатились. Взгляд остекленел.

Наконец она осталась в одних босоножках и мини-трусиках, и не спеша двинулась дальше. Каждый жест, каждая клеточка тела дышала чувственностью. Грудь поражали своей упругостью. Волосы полыхали как осенний костер. Музыкальные аккорды, словно перезвон хрустальных колокольчиков, взмывали вверх, образуя над головой невидимый нимб. Дойдя до конца рампы, Мэри принялась лихорадочно извиваться, подражая стриптизершам, потом развернулась и зашагала обратно. Но что-то в ее походке неуловимо изменилось. У Дрейка на лбу выступил пот. Легким не хватало воздуха. Закатившимися глазами девушка не видела никого и ничего, занятая танцем. Тело конвульсивно подергивалось, осыпавшее дождем из купюр. Дрейка вдруг осенило: она старается не для публики, а для многочисленных миров.

Мэри снова начала извиваться – судорожно, неумело. Зрелище жуткое, но тем не менее завораживающее. В ее пируэтах чувствовалось нечто до боли знакомое, Дрейк готов был биться об заклад – он уже видел этот танец, хотя умом понимал, что видит его в первый раз.

Разум как будто отключился; Дрейк застыл, не в силах двинуться с места. Мэри тем временем исполняла новый танец, вобравший в себя элементы всех оргий, известных человечеству, однако было в нем что-то совершенно не прошлое, а наоборот – возвышенное и строгое.

На мгновение она замерла прямо перед ним: ноги, словно величавые колонны, поддерживали храм роскошного тела, голова уподобилась восходящему солнцу, – но секунду спустя изображение погасло. Вспыхнул свет, занавес закрылся.

Я – стена, и сосцы у меня как башни; потому я буду в глазах его, как достигшая полноты.

В зале воцарилась тишина. Дрейк первым нарушил молчание:

– Сколько вы за нее хотите?

– За пленку? А вам зачем, чтобы уничтожить?

– Нет. Так сколько?

– Поймите, запись дорога мне как память, – начал Фараон.

– Понимаю, – оборвал его Дрейк. – Сколько?

– Шестьсот рокфеллеров.

Сумма, равная остаткам его капитала! Однако Дрейк не торгуясь отсчитал банкноты. Фараон вытащил кассету из проектора, и сделка состоялась.

– Считаю, от сердца отрываю. За такую вещь можно выручить вдвое дороже, – сетовал Фараон.

– Когда она уехала? – снова перебил Дрейк.

– Спустя год. Долгий галактический год. Однажды после выступления заглянул в гримерку, а Мэри там нет. Исчезла ее одежда, вещи... При всей страсти обнажаться, Мэри была не чета нам. Близко к себе не подпускала – в прямом и переносном смысле. Чувствовалась в ней затаенная боль. Она как-то призналась, что не может иметь детей,

но беда заключалась в другом. Понимаете, Мэри была по-настоящему несчастна, хотя тщательно это скрывала. — Фараон поднял глаза, и ошарашенный Дрейк увидел в них слезы. — Вы сказали, что после Благой Потери она стала святой. Признаться, не удивлен. Между добром и злом тонкая грань. Большинство балансируют на ней с переменным успехом, но Мэри... Для нее не существовало золотой середины, только крайности. Пресытившись злом, она сбежала и ударилась в праведность. Пресытившись добром, сбежала снова. Только слабо верится в байку насчет воскрешения святого на Яго-Яго. Думаю, это всего лишь повод. В действительности она искала гармонию между добром и злом, которую рассчитывала найти среди примитивных полисирианцев. А еще искала человека, способного принять ее такой, какая она есть. Как считаете, я прав?

— Даже не представляю. — Дрейк резко поднялся. — Мне пора.

Фараон легонько тронул его за рукав.

— Позвольте весьма деликатный вопрос. Надеюсь, вы не обидитесь?

Дрейк устало вздохнул.

— Валяйте.

— Вы, часом, не потомок голландцев?

— Нет, — сухо ответил Дрейк и вышел.

Минуло три месяца из шести, отпущенных «Васильком», а рулонов шелка не убавилось ни на один. Зато капиталы Дрейка стремительно таяли. Даже «Летучий голландец» знавал лучшие времена.

Заведомая глупость — пытаться продать товар на Благой Потере, да и на Лазури тоже. А продать его необходимо и поскорей, ибо Дрейк не собирался сводить счеты с жизнью — напротив, а раз так, нужно как-то зарабатывать на хлеб, и прозрачный корабль лучше, чем ничего. Единственным

местом, где население в своей наивности могло обменять ценные товары на «отрезы туманной дымки и васильковое нечто», оставался Яго-Яго. Однако Дрейк отказывался лететь туда по двум причинам. Первая – желание дискредитировать Аннабель Ли, вторая – страх лишиться лицензии. Теперь обстоятельства изменились. Во-первых, как бы низко ни пала Аннабель в его глазах, жгучей ненависти она не вызывала, и вряд ли вызовет; во-вторых, какой смысл в лицензии, если нет корабля. Как ни крути, лететь на Яго-Яго придется.

Взмыв над Райскими кущами, Дрейк вновь очутился среди звезд, чей свет очаровывал. Мадам Джин осталась в порту. Настроив автопилот, Дрейк взял пленку, купленную у Фараона, и вставил ее в проектор. В тот же миг Длинноногая Мэри шагнула в кабину. Потом достал стерео-снимок, подаренный Пенелопой, прислонил к изножью лампы, и наконец включил интерком.

– Сегодня я поведаю о великом переходе через реку Потомак, о странствиях святого духа по земле, – вещала святая Аннабель Ли.

Тем временем Мэри избавилась от последней детали туалета и не спеша двинулась вдоль подмоствок. Помещение наполнил аромат виноградников с Лазури. Отключив звук на стерео-записи, Дрейк отметил, что танец гармонирует с ритмом проповеди, с необычайным голосом проповедницы. Оба воплощения Аннабель пытались выразить одно и то же.

«Погляди на меня, – взывали они в унисон. – Я так одинока, напугана и полна любви». «Да-да, ты не ошибся! – кричала девушка с холма. – Меня переполняет любовь. Любовь!»

В кабине «Скитальца» зрели виноградники, распускались цветы; в лучах восходящего ярко-синего солнца по

тропинке шагали двое влюбленных – юный Натаниэль и молодая Аннабель Ли. Трава пела под дуновениями ветра, деревья шелестели кронами... а вокруг по-прежнему поскрипывала обшивка фюзеляжа, мерно гудел гравитационный двигатель – корабль-призрак уверенно держал курс на Яго-Яго.

По воле судьбы призрак влюбился в призрака.

Яго-Яго

Яго-Яго похож на огромный моток пряжи, забытый шаловливым галактическим котом посреди бескрайнего коридора Вселенной. Издалека изумрудно-зеленая планета напоминает мягкий мохнатый клубок. Но стоит подлететь поближе, как картинка меняется – зеленая сфера больше смахивает на рождественский шар, висящий на увенчанной звездой ели космоса.

Полисирианцы ждали Натаниэля Дрейка. Ждали давно и с нетерпением.

– Ибо я воскресну и вернусь сюда, – заверял он. – Спустишься с небес на землю, чтобы доказать – Его дух и впрямь восстал из мертвых, и восстал не напрасно.

Дрейк не подозревал о готовящейся встрече и о своем обещании в том числе. Выпустив антигравитационные шасси, он посадил «Скитальца» на лугу и спустился следом. Воздух наполнился криками, из ближайшего леса к гостю устремились полисирианцы. Первым порывом было броситься на корабль и задраить шлюз, однако в голосе толпы не слышалось угрожающих нот, поэтому Дрейк остался на лугу – высокий, изможденный, призрачный.

Полисирианцы замерли в нескольких метрах, образуя пестрый полукруг. В волосах благоухали цветы, женщины щеголяли в саронгах, мужчины – в набедренных повязках,

и все – из василькового шелка. Правда, столетней давности. Неужели какой-то торговец добрался сюда и осквернил девственную землю?

Внезапно полукруг расступился, и вперед вышла старуха. Явно не из местных. Ее униформа церкви эмансипации резко контрастировала с пестрым одеянием коренных жителей, однако и блузка, и юбка сильно отличались от тех, что носили в цивилизованной части сатрапии. Материал был соткан, скроен и сшит вручную; при внешней простоте наряд поражал своим благородством, несвойственным продуктам массового производства. Казалось, старуха надела его впервые.

Старуха не спеша двинулась навстречу гостю. Что-то до боли знакомое чудилось в ее походке, знакомое и родное. Козырек кепи скрывал глаза, худые морщинистые щеки странным образом не утратили привлекательности. Женщина остановилась, устремив на Дрейка невидимый взгляд.

– Народ Яго-Яго вновь приветствует тебя, Натаниэль Дрейк.

Небеса будто раскололись, земля поплыла под ногами. Туземцы опустили на колени, низко склонив увитые цветами головы.

– Ничего не понимаю, – пробормотал ошарашенный Дрейк.

– Идем, – позвала старуха.

Он покорно зашагал следом. Туземцы почтительно расступались. Дорога вела мимо луга, через лесок, оттуда – по живописной деревенской улочке на округлый, словно девственная грудь холм. Туземцы запели; мелодия брала за душу своей чистотой.

На вершине холма виднелась одинокая могила. Старуха застыла, по морщинистой щеке прокатилась слеза. В изго-

ловье могилы высился большой надгробный камень, предназначенный для двоих. Рядом оставалось место для нового захоронения под сенью гробовой плиты.

– Я увидел, как во славе сам Господь явился нам,
Как Он мощною стопою гроздя гнева разметал,
Как Он молнией ужасной обнажил меча металл.
Он правды держит шаг, – пели полисирианцы.

Дрейк всмотрелся в надгробие. Одна половина пустовала, на другой, что напротив могилы, было выгравировано: СВЯТОЙ НАТАНИЭЛЬ ДРЕЙК.

Тогда Дрейк понял, что нужно сделать – точнее, повторить уже сделанное.

– Когда я впервые очутился здесь?
– Пятьдесят два года назад, – ответила старуха.
– А когда умер?
– В восемьдесят три.
– Почему я стал святым?
– Не знаю. Ты никогда не рассказывал.

Он нежно коснулся ее щеки, заглянул в прежде сокрытые глаза и прочел в них все – прожитые годы, любовь, смех, горечь и боль.

– Мы были счастливы?
– Безумно, любимый, – благодаря тебе.

Дрейк наклонился, поцеловал женщину в лоб.

– Прощай, Длинноногая Мэри.

Потом повернулся и торопливо зашагал прочь.

– Славься, славься, Аллилуйя! – неслоь вслед улетающему «Скитальцу». – Славься, славься, Аллилуйя! Славься, славься, Аллилуйя! Он правды держит шаг.

С чем сравнить протечку в Канале?

Разве что с протечкой в крыше здания двадцатого столетия. Крыши тогда держались на стропилах, случись дыра, вода стекала вниз и просачивалась через потолок в самых

неожиданных местах. Хотя «стропила» гиперпространственных каналов куда сложнее по своей природе, принцип все тот же: утечка пространственно-временных элементов не происходит рядом с дырой.

Даже во времена Натаниэля Дрейка мастера на Суэцком канале знали об этом, правда не догадывались, что протечка не несет никакой угрозы континууму, только тем, кто попадает в очаг поражения. Но ни мастера, ни кто-либо другой не подозревали, что очаги воздействуют по-разному, в зависимости от степени соприкосновения. При поверхностном контакте возникает эффект, аналогичный действию поля лямбда-кси. Естественно, никто, включая Дрейка, не разгадал истинную причину его перевоплощения в призрака: оказавшись в очаге поражения, корабль вместе с капитаном частично отбросило в прошлое. Основной же удар пришелся на грузовой отсек с запертой там Аннабель Ли; как итог обоих полностью перенесло назад во времени.

Покидая Яго-Яго, Дрейк отчетливо понимал: часть его самого с кораблем, а также незыблемая Аннабель Ли остались в 3614 году, но на каком именно участке – можно только гадать, ориентируясь на непосредственную близость с Яго-Яго; преобладающая же масса отправилась напрямик к очагу поражения, чьи координаты сохранились в судовом журнале «Скитальца». Вооруженный этими знаниями, Дрейк вполне логично предположил, что если подлететь к эпицентру протечки, она автоматически довершит начатое. В каком-то смысле, так и случилось. Наш герой не учел одного – восстановить пространственно-временную материю можно только залатав возникшие прорехи; три месяца в будущем приравнивались к трем месяцам в прошлом, на отрезке, обратно пропорциональном хронологическому состоянию до пункта назначения. Задав «Скитальцу» необходимые координаты, Дрейк, естественно, никак не ожидал

очутиться в другом тысячелетии, под истерзанным войной небом чужой планеты.

Сразу после телепортации все датчики на приборной доске вспыхнули тревожным огнем, сцинтилляционная сирена истошно завывала. Однако условные рефлексы пересилили шок – Дрейк успел активировать анти-ядерное поле, не подозревая, что тем самым уничтожил радиоактивное облако, поглотил половину океана и целый континент.

У времени есть еще одно свойство, о котором в эпоху Натаниэля Дрейка даже не подозревали – способность расширяться.

Неандерталец ростом не дотягивает до современного кузнечика, а мохнатый мамонт уступает габаритами цикаде. Вселенная непрерывно расширяется во времени и пространстве, накапливая изменения. Конечно, за полвека ничего существенного не произойдет, но спустя тысячелетия эффект будет разительный. Только не надо кивать на ископаемые, поскольку они неотъемлемая часть любой планеты; не указывайте скептическим пальцем на непреложные константы вроде массы, силы тяготения и костной ткани, ибо космос строится на взаимодействии, где большое и малое действуют сообща. Естественный порядок остается неизблемым. Рослый мужчина через поколение не выродится в карлика; но если перебросить его в другую эпоху, контраст будет сильный. Поэтому в глазах населения воюющей планеты Дрейк наверняка обретет поистине исполинские размеры, а «Скиталец» засияет в небе, словно луна –

Точнее, маленькая планета...

Внизу раскинулись руины некогда величественного храма. Неподалеку серебрилась река, а за ней пламенело зарево пылающего города. Дрейк мигом сообразил, где и в какой момент очутился. Потом бросил взгляд на руины, и смирился с судьбой.

– Как ни крути, то, что мне предстоит, уже сделано, а сделанного не воротишь, – размышлял он. – Нечего тянуть, нужно исполнить предначертанное.

«Скиталец» сел на антигравитационные шасси, и Дрейк, не снимая пояса, опустился на землю. Вокруг росли вишневые деревья, вишни стояли в цвету. Колоссом возвышаясь над розовыми вспышками взрывов, Дрейк двинулся к развалинам. Величавые колонны рухнули, царственная крыша обвалилась; стены, совсем недавно оскверненные сторонниками сегрегации, лежали в руинах. Что там виднеется в глубине? Неужели рука?

Так и есть, мраморная рука. Чуть поодаль – вся в трещинах нога из белого мрамора.

Смирившись с судьбой, Дрейк начал копать.

Его никто не заметил, ибо люди уподобились кротам и сидели по норам. В небе ракеты ударились о защитное поле, и померкли точно выпотрошенные светлячки. Истребители взмывали вверх и гасли. В отблесках бушующего огня Потомак окрасился кроваво-красным.

Дрейк продолжал копать.

Поперек мраморного тела лежала рухнувшая колонна. Натаниэль откатил ее в сторону. Аккуратно поднял отколотую благородную голову и опустил на влажную весеннюю почву. Он без усталости доставал фрагмент за фрагментом, а когда вся статуя очутилась на поверхности, посадил корабль и погрузил обломки в трюм. «Скиталец» рванул с места.

У берегов Чесапикского залива Дрейк эвакуировался и зашагал вдоль реки к морю. Наверху автопилот вел корабль намеченным курсом.

Чувствуя себя великаном – кем он и являлся в нынешнюю эпоху – Дрейк пробирался через Потомак к морю, хотя умом понимал, что рядом с настоящим великаном смотрел-

ся бы пигмеем.

А те, кто не верит в странствия Его по земле и вознесение к звездам, – суть мертвецы без надежды, любви и сострадания, без доброты, человеческого тепла и жалости, без боли и радости, без дыхания жизни...

– Аминь, – произнес Дрейк.

Целый и невредимый, он поравнялся с деревней. Местные повылезали из своих нор, услышав громовой глас:

– Узрите воскрешение мое. Узрите меня, жители Земли, ибо я явился избавить вас от рабского страха, призвав из глубин космоса Планету мира, которая вознесет мой дух к звездам. Земляне, обрекаю вас на мир, но предупреждаю: не забывайте тот страшный день, когда вы прогнали с порога Доброту и впустили в свои дома Смерть.

На берегу Чесапикского залива Дрейк подождал, пока автопилот посадит корабль на землю, и бережно перетащил останки статуи на песок...

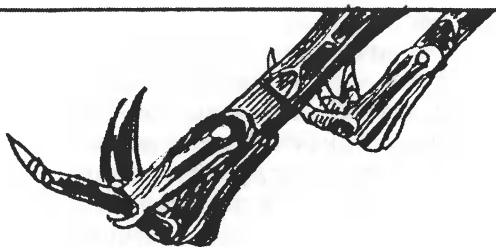
И Планета мира поглотила Его дух, чтобы унести прочь.

Мгновение спустя телепортация совершилась.

Кабина опустела. Не разбирая дороги, Дрейк бросился в грузовой отсек. Больше не мерцали переборки, ноги стояли на твердом полу. От призрачности не осталось и следа. Он отворил замок и шагнул внутрь. Длинноногая Мэри, она же Аннабель Ли, съежилась на полу. В глазах застыло немое отчаяние загнанного зверя, который попал в ловушку и не знает, как выбраться.

Дрейк ласково помог ей подняться и объявил:

– Следующая остановка – Яго-Яго.

ПРИЗРАКИ

Профессор Том оставил Джиму и Дженни домик, где жил после выхода на пенсию, коллекцию старых фильмов, которые любил пересматривать по вечерам, и мастерскую, где возился все последние годы.

Джим и Дженни похоронили профессора высоко на склоне долины – там, где весной разрастается жимолость, появляются первые полевые цветы и по утрам падают первые лучи Арктика. Джим произнес над могилой короткую речь. Дженни стояла рядом, силясь за-

плакать. Но ничего не получалось – слез у нее не было.

– Вверяем этого человека в твои руки, Господи, – сказал Джим, – сделай с ним что полагается. Вверяем тебе потому, что ты – его бог. А он был наш бог.

Вдвоем они быстро закидали землей грубо сколоченный гроб. Дженни положила на холм букетик весенних цветов. Потом они спустились в долину и направились через поле к белому каркасно-щитовому домику и мастерской из алюминиевого профиля.

– Вечером посмотрим кино? – спросила Дженни. – Или, по-твоему, это неуважение к памяти профессора?

– Не думаю, – ответил Джим. – Мне кажется, профессор Том не возражал бы.

Они выбрали фильм «Созданы друг для друга» с Кэрл Ломбард и Джеймсом Стюартом в главных ролях. Когда солнце скрылось за горизонтом, Джим зарядил проектор и выключил свет. Они уселись на диван. Этот фильм они часто смотрели вместе с профессором Томом. Всякий раз, когда актеры на экране обнимались и целовались, Джин и Дженни повторяли их действия. Раньше они делали это тайком от профессора: а вдруг не одобрит? Но сейчас бояться было нечего, и не потому, что профессор умер, а потому, что теперь они муж и жена. Они сидели на диване в обнимку, и каждый раз, когда Кэрл Ломбард целовала Джеймса Стюарта, Дженни целовала Джима, а когда Стюарт целовал Кэрл Ломбард – Джим целовал Дженни.

После фильма они вышли на свежий воздух и сидели на ступеньках, глядя в темноту неба, но за всю ночь так и не увидели ничего, кроме звезд.

Наконец настало утро. Из-за зеленой кромки долины показался прекрасный лик Арктура. Певчие птицы, лавируя в воздушных потоках, устремились в небо, чтобы испить нектар нового дня.

– Может, мы слишком торопимся? – спросила Дженни. – Может, нужно время?

– Возможно. А может, это произойдет сегодня вечером, – сказал Джим.

У профессора Тома Джим работал садовником и разно-рабочим, а Дженни – поварихой и экономкой. На Земле, до выхода на пенсию, профессор занимался конструированием механизированной прислуги, поэтому Джим и Дженни были прекрасны, как звезды старого кино. Он любил обоих, но Дженни чуть больше. Иногда он смотрел на нее, и на глаза наворачивались непонятные ему самому слезы.

На смертном одре профессор сказал:

– Не знал, что все закончится так скоро. Всю жизнь проповедовал смиренность, но, как и остальные, был горд и высокомерен. Не верил, что смерть уже наступает на пятки... Но с вами все будет хорошо. Судно обеспечения прилетит меньше, чем через год. Капитан – мой старый друг, я написал записку, чтобы он позаботился о вас.

– Вы нас пожените? – спросила Дженни.

Профессор Том непонимающе уставился на нее.

– Вы же говорили, – сказал Джим, – что когда-то работали мировым судьей. А значит, у вас есть полномочия заключать браки.

– Это было очень давно, – ответил профессор, – но да, думаю, полномочия есть. И все же...

– Но вы же не хотите, – перебила его Дженни, – чтобы мы жили во грехе? Мы безумно любим друг друга. И никто не сможет наставить нас на путь истинный, когда вас не будет рядом.

Слеза скатилась по щеке профессора:

– Бедное дитя, что ты можешь знать о любви... и что бы ты делала, если бы она вдруг свалилась на тебя с неба? Но

раз ты так хочешь...

В доме не нашлось Библии, но профессор справился и без нее. Он произнес красивые слова, которые они часто слышали в старых фильмах:

— В болезни и в здравии... Пока смерть не разлучит вас... Объявляю вас мужем и женой.

После смерти профессора жизнь в доме мало изменилась. Днем Джим, как и раньше, пропалывал в цветнике сорняки и ухаживал за огородом. Он по-прежнему добросовестно выполнял свои обязанности, хотя смысла в этом не было. Еда в холодильнике портилась. В конце концов, Дженни выбросила все продукты, и Джим выключил холодильник. Посуду они убрали подальше с глаз.

Дженни поддерживала порядок в доме, полировала мебель, скребла полы. За вычетом приготовления завтраков, обедов и ужинов, которые предназначались профессору Тому, ее распорядок дня мало изменился. Иногда во время работы она напевала песню из фильма, который они с Джимом смотрели накануне. А иногда, убираясь в гостиной, бросала тряпку и пускалась в пляс, как Руби Килер из «Сорок второй улицы». Это был ее любимый фильм, а «Мои голубые небеса» — любимая песня.

Сидя на диване, окутанные полутьмой и тихим жужжанием проектора, они обнимались, целовались, и Джим спрашивал:

— Как прошел день, дорогая?

И она отвечала:

— Великолепно, милый.

Он целовал ее глаза, уши и нос, а она — его подбородок. Они стискивали друг друга изо всех сил, но старания ни к чему не приводили: небо оставалось пустым.

Профессор Том щедро наполнил информацией память Джима и Дженни, но в основном это были сведения по электронике, машиностроению, садоводству и кулинарии. А жизнь Джим и Дженни познавали, просматривая старые киноленты. Большинство фильмов относилось к тридцатым годам прошлого века, но были и из двадцатых, а несколько — из сороковых и пятидесятых. Профессор собирал коллекцию долгие годы и потратил на нее кучу денег. Естественно, он взял ее с собой, когда удалился на Арктур-VI, где рассчитывал провести спокойную старость в купленной на пенсионные накопления уединенной долине. Как он говорил, «в нескольких световых годах от злокозненного человечества».

Однажды вечером, когда они с Джимом и Дженни смотрели «Колокола Святой Марии», профессор сказал:

— Да, вот так оно и было в те времена... хотя на самом деле все совсем было не так.

— Разве такое возможно? Было — и совсем не так? — удивилась Дженни.

Профессор рассмеялся.

— Я понимаю, моя дорогая, что, несмотря на совершенство твоего компьютеризированного образа мыслей — и даже скорее из-за него — ты неспособна к неаристотелевому мышлению. Многое может одновременно быть истинным и ложным. Миры, которые мы видим на экране, это искаженные отражения действительности, населенные призраками людей, чье реальное «я» часто было скрыто от них самих. Это действительность, растертая в порошок, надушенная и выхолощенная в самых важных моментах, созданная для тех, кто так и не перерос потребности в сказках на ночь, — профессор Том вздохнул. — Но мне эта придуманная реальность нужна, как воздух. Несмотря на всю свою благочестивую фальшь, на все недомолвки и ложные истины, она в тысячу раз лучше той действительности, в которой я

жил и от которой в конце концов сбежал. Наверное, когда люди стареют, им хочется забиться в пещеру и видеть только отражения.

Кроме старых кинолент в коллекции профессора было много мультфильмов. Они совершенно очаровали Джима и Дженни. Некоторые животные в них походили на людей, а некоторые люди — на животных. Некоторые животные выглядели точно как животные, но разговаривали и вели себя, как люди. Кое в чем мультики оказались познавательнее, чем фильмы, потому что проливали свет на одну тайну, о которой фильмы умалчивали. Загадочные книги профессора, посвященные в основном электронике и машиностроению, даже не упоминали об этой тайне. Так что, не будь мультиков, Джим и Дженни никогда не узнали бы, в чем заключается главный Секрет Жизни.

Но одного знания Секрета Жизни, по-видимому, было недостаточно. Долина сменила зеленые одежды на летнее золотистое платье. Вереница теплых дней и ночей проплывала мимо каркасно-щитового домика. Джим и Дженни каждый вечер сидели на диване, копируя поведение теней на экране, но их объятия и поцелуи ни к чему не приводили. Рассвет нового дня неизменно находил их на пороге дома, разочарованных и по-прежнему одиноких.

— Может, это как в песне, которую Дон Амичи поет Соне Хени, — сказала Дженни. — Ты же понимаешь, о чем я? В любви везет одному на миллион. Или мы недостаточно стараемся.

— Не исключено, — ответил Джим. — А может, это потому, что между сценами они делают что-то такое, о чем мы не подозреваем.

— Например, что?

— Ну, раздеваются, целуются и обнимаются особым образом.

– Зачем им раздеваться? Какая разница, одет ты или раздет?

– Не знаю, – сказал Джим, – но стоит попробовать.

В тот вечер, прежде чем сесть на диван, они разделись. Профессор Том потерял интерес к сексу еще до того, как вышел на пенсию, так что тело Дженни мало отличалось от тела Джима.

Фильм, который они выбрали в этот раз, изобиловал любовными сценами. Джим и Дженни обнимались и целовались, повторяя действия главных героев, но их старания ни к чему не привели.

Однажды на рассвете, когда они, несчастные, сидели на пороге дома, Джим сказал:

– Кажется, я знаю, в чем дело. Мы другие. И этот мир другой. И все же у нас есть шанс. Профессор Том дал нам все необходимое. Научил всему, что знал. Возможно, он предвидел, что когда-нибудь наступит такой момент.

Они не стали откладывать дело в долгий ящик. Полистав книги профессора, Джим нарисовал чертежи, потом приступил к изготовлению частей. Дженни помогала с монтажом. Они работали день и ночь, прерываясь только для того, чтобы посмотреть очередной фильм. Они обрели надежду, и теперь вкладывали в объятия и поцелуи всю свою страсть.

– Я хочу мальчика, – говорила Дженни.

– Да, – соглашался Джим. – Я тоже хочу сына.

Они начали работу в середине лета и закончили с приближением осени, когда на холмах появились первые желтые и красные узоры. Джим собрал облегченный электродвигатель нужной мощности и сконструировал два легких аккумулятора, рассчитанных на долгий срок службы.

Они с Дженни поднялись по склону наверх.

– Запустим его с самой высокой точки, – сказал Джим. –

Так больше шансов, что он доберется до места и вернется с голубым свертком.

Джим включил моторчик и, размахнувшись, отправил устройство в воздух. Оно медленно поднялось в небо, сделало, как и запрограммировал Джим, круг над долиной, набрало скорость и улетело на юг.

— А вдруг ясли совсем не в той стороне, — взволновалась Дженни.

— Значит, когда он вернется, мы подзарядим батареи и пошлем его на запад. А если понадобится, и на восток, и на север. Где-нибудь ясли да найдутся.

— Если все получится, пошлем еще за одним?

— Ну конечно. Но сначала займемся любовью — иначе не сработает.

Держась за руки, они спустились по склону и зашагали через поле к своему дому.

Полгода спустя капитан судна обеспечения обнаружил их в гостиной. Они сидели в обнимку на диване, их тела покрывал слой пыли, губы были соединены в прощальном поцелуе. Перед ними в полумраке висел пустой экран. Позади них стоял автоматический проектор, с помощью которого они проецировали свои грезы. Кусок медного провода, которым они закоротили свои цепи, лежал у их ног.

Капитан обошел дом. На тумбочке у кровати нашел записку профессора Тома и прочитал ее. Потом вернулся в гостиную и внимательно рассмотрел Дженни и Джима. Он знал Тома всю свою жизнь и хорошо помнил его рано умершую жену. В Дженни он увидел возлюбленную невесту молодого Тома, а в Джиме — самого профессора в юности.

«Могу поспорить, что создавая их, он и сам не подозревал...»

Сначала он хотел починить Дженни и Джима и попробовать вернуть в них жизнь. Потом нашел на дворе механического аиста: одно парусиновое крыло сломано, маленький электромоторчик покрыт копотью, аккумуляторы мертвы. Капитан понял, что произошло.

Он послал экипаж разыскать могилу профессора. Потом попросил перенести туда Дженни и Джима и похоронить рядом. Ему казалось, так будет правильно: творения рядом со своим творцом.

Над могилами он сказал несколько слов, и скорее, самому себе:

– Все мы оставляем позади себя призраков. В каком-то смысле, мы и сами призраки. Всю жизнь к чему-то стремимся, но, как бы ни старались, не можем осуществить свои мечты. Мы очень похожи на Дженни и Джима, а значит, в некотором смысле, они – люди. Покойтесь с миром.

Весной свежие могилы покрылись побегами жимолости и полевыми цветами – они торопились взойти, чтобы поприветствовать весеннее солнце.

*

Художники:

Jack Gaughan (2, 302)

Lloyd Birmingham (14, 15, 27)

Б.А.Лавров (67, 82, 83)

George Schelling (153, 155, 164, 173, 178, 183)

Gray Morrow (209, 245)

СОДЕРЖАНИЕ

Фриц Лейбер. Предисловие	5
<i>Перевод Александры Минаевой</i>	
СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА	14
<i>Перевод Анны Петрушиной</i>	
РОЖДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ	32
<i>Перевод Анны Петрушиной</i>	
ЖАННА Д'АРК	37
<i>Перевод Анны Петрушиной</i>	
НА РЕКЕ	67
<i>Перевод Николая Колпакова</i>	
ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ	86
<i>Перевод Анны Петрушиной</i>	
ЗАГАДАЙ ЗВЕЗДУ	103
<i>Перевод Н. Минакеевой</i>	
БЕГЛЕЦЫ	140
<i>Перевод Анны Петрушиной</i>	
ПРОЕКТ «ПИРАМИДА»	152
<i>Перевод Анны Петрушиной</i>	
В СЕНТЯБРЕ ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ	185
<i>Перевод Николая Колпакова</i>	
ПРОПАДАЙКА	208
<i>Перевод Н. Минакеевой</i>	
ВЗРОСЛЫЕ ПОКИНУТ ДОМ	252
<i>Перевод Александры Минаевой</i>	
АЛЛИЛУЙЯ!	256
<i>Перевод Анны Петрушиной</i>	
ПРИЗРАКИ	302
<i>Перевод Сергея Гонтарева</i>	

Литературно-художественное издание

Роберт Янг
БОКАЛ ЗВЕЗД
Фантастика

НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ

Редактор А.А.Лотарев
Технический редактор Г.Г.Лотарев
Корректор З.З.Лотарев
ИБ № 794-01

Подписано в печать 01.04.13. Формат 70 x 108 1/32.
Бумага для печати. Печать цифровая. Гарнитура Тип Таймс.
Усл.-печ. л. 14,24. Тираж 20 экз. Заказ № 98744-01.

Издательство «Бригантина»
07500, г. Ясноград, ул. Р. Сикорски, 17.

Отпечатано в типографии Института Неточных Наук
01230, г. Орлиноозерск, ул. Придубравная, 18.

Зарубежная

фантастика

Ясноград «Бригантина»